

собрание сочинений

ВЛАДИМИР ШИГИН

фантастический приключенческий
детективный роман

Всадник РАССВЕТА

Фэнтези и приключения

Владимир Шигин

**Всадник рассвета
(Собрание сочинений)**

«ИП Каланов»

2008

Шигин В. В.

Всадник рассвета (Собрание сочинений) / В. В. Шигин — «ИП Каланов», 2008 — (Фэнтези и приключения)

ISBN 978-5-906858-34-4

На Небесном Холме ждут Посланника Неба. Ждет красавица Лада, дочь Сварога. Ждут волхвы, воеводы, воины. Посланник поведет в их в последний бой против Зла и Тьмы. Он очистит страну росолов от нежити Коуша и отправится в Элладу уничтожать греческих самозванцев и утвердить культ правильных богов. Кто этот Посланник Неба? Он... бравый морской пехотинец, в полосатом тельняшке.

ISBN 978-5-906858-34-4

© Шигин В. В., 2008

© ИП Каланов, 2008

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	32
Глава четвертая	38
Глава пятая	46
Глава шестая	55
Глава седьмая	61
Глава восьмая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Владимир Шигин Всадник Рассвета

... Вспомним о том, как сражались с врагами отцы наши, которые ныне с неба синего смотрят на нас и хорошо улыбаются нам. И так мы не одни, а с отцами нашими... и увидели, как скачет по небу всадник на белом коне. И поднимает он меч до небес, и рассекает облака, и гром гремит, и течет вода живая на нас. И мы пьем ее...

Книга Белеса

... Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои...

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем...

Из Экклезиаста

Над Дворцом Мрака трепетала вечная ночь. Ужас летал по гулким залам, отражаясь и дробясь в бесчисленных холодных зеркалах. Тысячелетние мумии в золотых саркофагах скалили зубы. Здесь пахло тленом, если бы кто-нибудь мог ощущать это. Но никого здесь не было, да и не могло быть, ибо всюду царствовала беспредельная тьма. Здесь никогда не было света, здесь не было даже смерти, потому что никогда не было жизни, и не было границ между днем и ночью и ничего не имело своего бытия. Ибо сам Мрак парил в пустоте за пределом и пониманием всего сущего.

Но призвал Восседающий На Троне посланцев своих и спросил их голосом гулким, как эхо:

– Что нового в земных мирах и что замышляют против нас враги наши?

И отвечали Восседающему посланцы его, бестелесные и невидимые смертным:

– Не утруждай себя, о великий, ибо тщатся враги твои в жалких потугах своих изменить порядок вещей! Мы всюду и везде, зря и слыша, вникая и следя!

– Где ныне обитает Посланник Неба? – спросил Восседающий, и дрогнули разом звезды далеких миров, хотя голос его был ровен, ибо не ведал он ни радости и ни печали.

– О н готовится вступить на свой путь по предначертанному кругу, и силы Мрака уже ведут его все дальше от задуманного врагами твоими!

– Я доволен вами! Да сбудутся все мои желания и не нарушится вечный ход событий! Идите и будьте всюду!

– Верь в нас, о великий! Потому как мы знаем то, что ты поручил нам! И никто не в силах нам в том помешать!

Неслышными вихрями воспарили бестелесные и невидимые. Мутной дымкой колыхнулись они, исчезая, словно их никогда и не было здесь.

Восседающий На Троне сжал огромными когтями свой посох, что увенчан оскаленной головой шакала. Он откинулся на троне и застыл, недвижимый и вечный.

И снова над Дворцом Мрака затрепетала нескончаемая ночь, потому что даже время бессильно проникнуть сквозь его границы и запоры, разбиваясь о них, так же как разбивается сама жизнь, когда встречается со смертью.

А Земля все так же летела в пустоте Вселенной, свершая предначертанный ей свыше путь. И еще ничего не было совершено и не было решено, потому как никому ничего еще не было известно.

Часть первая Священный меч кладенец

Глава первая Познай самого себя

Мокрое ночное шоссе. Летящая по нему машина. Почти ослепленный встречными фарами, что есть силы жму педаль газа. Противно визжат тормоза на поворотах. Меня то и дело отчаянно подбрасывает на ухабах, порой я едва успеваю вписаться в поворот, но все равно упрямо держу ногу на педали газа. Справа на сиденье матово и зловеще поблескивает вороненой сталью верный автомат. Вперед, только вперед! Бросаю взгляд на часы и внезапно понимаю, что отчаянно опаздываю. С силой вдавливаю педаль газа. Я знаю, что там, куда убегает черая лента ночного шоссе, меня ждет враг, там скоро должно решиться что-то чрезвычайно важное для меня. Мимо в реве дизелей проносятся огромные рефрижераторы, воздушной волной мои “жигули” почти отбрасывает на обочину. Но я упорно продолжаю мчаться к цели. Мой враг наверняка давно готов к встрече. И пусть обратного пути уже нет, я хочу теперь только одного: забрать его жизнь раньше, чем он заберет мою.

Я еще раз бросаю взгляд на лежащий на сиденье автомат. Кажется, без него сегодня не обойтись. Что ж, пусть он скажет свое веское слово. Правда, у меня всего лишь один магазин. Хватит ли патронов, чтобы поставить все точки над “i”? Но иного варианта все равно нет, так чего ж печалиться и переживать?

Я пытаюсь представить себе того, кого мчался сейчас убивать, но не могу, как ни стараюсь. Я видел лишь черную фигуру. Кто он, человек или зверь? Этого я еще не знаю. Что ж, пусть он и будет для меня просто врагом. Мой самый страшный, смертельный враг. Он стоял ко мне спиной. Обернись, и я узнаю, кто ты есть! Обернись! Я только хочу взглянуть в твои глаза! Я уже почти знаю, кого должен увидеть, и от этого мне не по себе. Вот он обернулся ко мне, и я обмер. На меня смотрят жуткие желтые глаза. Ну вот мы снова встретились! Что ж, ждать осталось уже совсем недолго, и мы наконец-то сойдемся в последней решающей схватке. Пусть же победит справедливость, если она еще есть на этом свете!

Внезапно я почувствовал на себе еще один взгляд, на этот раз любящий. Я скосил глаза в сторону и внезапно за стеклом машины увидел девушку-фантом. В легком сарафане, с ослепительно желтыми волосами, заплетенными в две толстые косы, она не отрываясь смотрела на меня, и взгляд ее молил: будь осторожен! Я был готов поклясться, что никогда раньше не видел ее, но в то же время лицо было до боли родным. Кто ты? Откуда? Зачем? Наверное, я отдал бы сейчас все за то, чтобы узнать о ней хоть что-то. Внезапно виденье исчезло, а я, снова утопив до предела педаль газа, помчался навстречу своей судьбе...

* * *

Тело ныло от саднящей боли, будто его кто-то долго и без жалости молотил ногами. Глаза мои были закрыты, и, боясь их открыть, я лишь вслушивался в звенящую тишину вокруг. Что со мной?

Я сел. В спине отдалось резкой болью. Осмотрелся по сторонам. Вдалеке был лес. Сам же я находился посреди заросшей травой и цветами поляны. Вот рядом с жужжанием тяжеловесно пролетел шмель, вот в немыслимой карусели промчались бабочки. Осмотрел себя. Внешний

вид оставлял желать лучшего. Старая выцветшая тельняшка и спортивные штаны. Куртка куда-то подевалась, вместе с ней пропала и одна кроссовка. Машины нигде не было видно, как не было видно и шоссе.

Посидев некоторое время в тщетных попытках сообразить, что к чему, я поднялся и сделал несколько шагов, разминая затекшие ноги. Куда идти, да и надо ли? Оставшуюся кроссовку я с силой забросил в кусты. Не ковылять же в одной!

В конце концов надо было что-то делать, к тому же мне безумно хотелось пить. Встав, я побрел к видневшемуся лесу. На краю поляны протекал небольшой ручей. Припав к нему, долго и жадно пил. Вода показалась какой-то особенно вкусной. Я пил, а жажда все никак не проходила. Куда идти дальше, было совершенно все равно. К моей радости, лес оказался сух и редок. Я шел, оглядываясь по сторонам, но нигде не было никаких признаков людей. Спустя некоторое время вышел на какую-то тропинку. Человек ли, зверь проторил ее, мне было не известно, да, честно говоря, и не особенно интересно. Главное, что мне был указан хоть какой-то путь. Рано или поздно тропа сама должна меня куда-нибудь вывести.

Лес расступился, и, оказавшись на его опушке, я увидел вдалеке холм над речкой, а на холме изгородь из заостренных бревен. За изгородью угадывались какие-то приземистые домишки. Скорее всего, это был дачный поселок. Слава богу, значит вышел! Обрадованный, я сделал шаг в сторону увиденного мною селения, и страшный удар в затылок поверг меня на землю. В сознании вспыхнул яркий свет, и все снова погрузилось в непроницаемую тьму.

* * *

... Итак, вот уже несколько дней я сижу в какой-то яме. Иногда сверху мне бросают некое подобие хлеба. Хорошо, что еще нет дождей и меня не заливают. Днем над головой видны лишь проносящиеся по небу облака, зато ночью – ослепительные звезды. Смотреть на них мое единственное развлечение. Несколько раз я пытался завести разговор с бросающими мне еду, но всякий раз безрезультатно. Если я заложник, то почему меня об этом не известят, если пленник – почему не допросят? Ну и влип! Было до соплей обидно, что меня так легко взяли. Это с моим-то опытом. Яма весьма похожа на чеченский зиндан, однако люди, находящиеся наверху, были славянской наружности. Вполне возможно, что меня взяла какая-то местная преступная группировка, но на кой ляд я ей нужен? Что ж, как говорится, и на старуху бывает проруха, но все же было очень обидно из-за собственной неосмотрительности.

Времени для обдумывания сложившейся ситуации у меня было предостаточно, однако думать особенно было не о чем, так как я совершенно ничего не знал и еще меньше понимал в происшедшем. Прежде всего я никак не мог понять: куда это я мчался ночью на машине, да еще с автоматом. При этом я готов был поклясться чем угодно, что в действительности ничего подобного со мной не было. А что тогда было? Впрочем, сейчас волновало другое: как выбраться из ямы. А так как мои похитители явно не торопились, то оставалось лишь действовать в соответствии с правилом: слушай, смотри и молчи. Но как я ни успокаивал себя, непонимание происходящего просто изводило. Куда я попал? Кто и почему меня держит в этой проклятой сырой яме? Что меня ждет дальше? “Успокойся, – говорил я себе, – будь терпелив и наблюдателен. Что толку терзать себя домыслами, когда ничего путного все равно не узнаешь!”. Проходило немного времени и я опять, в который уже раз, начинал терзаться этими вопросами.

Впрочем, я был твердо уверен, что когда-нибудь все должно проясниться. Не век же мне прозябать в этой треклятой яме!

Наконец настал день, когда над ямой показалось сразу несколько голов. Они долго разглядывали меня и о чем-то шептались. Я же, в свою очередь, задрал голову, молча смотрел на них со дна своей тюрьмы. Затем один смачно плюнул вниз. Но я исхитрился уклониться от летящего плевка. Наверху дружно заготовали, а затем сбросили веревку в узлах. Отказываться

от приглашения было явно не в моих интересах, и я быстренько выбрался наверх, где сразу же очутился в тесном кольце обступивших меня людей. Они с интересом разглядывали меня, а я их. Еще бы! Люди вокруг выглядели более чем странно. Белокурые и сероглазые, в домотканых рубашках и сарафанах, они словно сошли с каких-то сказочных картин. Может, я на съемках какого-то исторического фильма? Но при чем тогда яма? А может, это все же чей-то нелепый и идиотский розыгрыш?

– Здравствуйте! – разлепил я наконец свои губы. – Кто здесь, в конце концов, объяснит мне, что все это значит?

Вопрос мой повис в воздухе. Никто и не подумал на него отвечать. Более того, под лопатку мне тут же уперся острый наконечник копья.

– Эй, полегче, приятель! – попытался было возмутиться я, но копье ткуло меня в спину еще сильнее.

Ободряемый таким образом, я побрел к центру селения. Толпа безмолвно последовала за мной. Мы вышли на поляну с вытоптанной травой, которая, видимо, играла здесь роль главной площади. В центре поляны в землю был воткнут деревянный столб с вырезанной из дерева жутковатой рожей. Подле столба, опершись на посох, стояло несколько седобородых стариков. Очередной толчок копьём в спину был так неожидан и силен, что я упал перед стариками на колени.

– Встань, незнакомец! – сказал один из седобородых. – Негоже валяться в ногах, когда тебе того не велят!

Речь его была весьма странновата и сильно акающая, но в общем-то вполне понимаема. Этому своему открытию я обрадовался несказанно. Поднявшись на ноги, я покосился на преследовавший меня наконечник копья, который, разумеется, снова был рядом.

– Кто ты? – спросил старец.

– Человек! – ответил я с вызовом, хотя понимал, что такой ответ никак не может понравиться спрашивающему. Но не пересказывать же им сейчас всю свою биографию!

Однако вопреки моему предположению никаких эмоций на лицах седобородых я не увидел.

– Откуда ты? – продолжили они свой допрос.

– Из Москвы!

Старики недоуменно переглянулись. Что я им такого удивительного сказал?

– Где это?

Ну не идиоты ли! Я уже начинал заводиться:

– За кудыкиной горой!

– Значит издалека! – покачал головой один из старцев.

– Зачем следил за городищем? – спросил второй.

– Я ни за кем не следил, а искал дорогу, чтобы добраться домой!

Ответ мой был, разумеется, из природы самых идиотских, но что еще я мог ответить?

– Что это за одежды? – ткнул в меня пальцем третий.

– Одежда как одежда! – пожал я плечами. – Тельняшка и штаны. Вот кроссовки потерял!

Старички переглянулись. Мой ответ им явно не понравился. Им вообще, кажется, не нравилось ничего из того, что я говорил.

– Глаза твои черны и волосы тоже! – покачал головой один из старцев, который, как мне показалось, был старше всех остальных. – Ты не из нашего племени. Однако хорошо знаешь наш язык и понимаешь речь. И в наших краях ты объявился тоже не зря! И шел ты к нам не с добром, ибо, идя с добрым сердцем, тебе незачем было прятаться в лесу. А потому ты нам враг!

“Этого мне еще не хватало! Теперь меня еще и в шпионаже обвинят! Почему я обязательно должен быть блондином? Чего им вообще от меня надо? Ну идиот, ну вляпался! Ни дать ни взять нарвался на какую-то секту! Вот расплодились, заразы, уже у самой Москвы

обосновались и ни черта не боятся!” – подумал я и сразу же почувствовал себя весьма и весьма тоскливо.

– Да какой же я вам враг, когда я ваш друг! – начал я было свой оправдательный монолог, но меня уже никто не слушал.

– Враг! Враг! – вопила толпа, обступая меня все теснее.

– У меня же нет даже оружия! – закричал я в отчаянии.

– За тобой идут орды степей! Перун требует искупительной жертвы, а небо ниспошлет за нее дождь на наши поля! – сердито затопал в ответ ногами один из стариков, чье морщинистое лицо напоминало мне печеную в костре картошку.

– Смерть! Смерть! – вопила толпа, впадая в настоящее неистовство.

Кто-то наиболее усердный сразу же заломил мне руки.

– Эй, поосторожней, не нарывайся! – оттолкнул я его. – Сейчас схлопочешь по соплям, сатанист паршивый!

– Свяжите его и готовьте алтарь! – велел самый древний из старцев. – Нам нужна искупительная жертва!

На меня разом навалилось несколько здоровенных лбов. Скрутив веревками, меня бросили в траву. Краем глаза я видел, как эти дюжие молодцы уже с радостью стаскивают бревна, споро сооружая мой погребальный помост. Обреченно вздохнув, я перевел взгляд на траву, что буквально лезла мне в глаза, и разглядел, как совсем рядом с моим лицом ползет по траве букашка. Как бы я хотел в этот миг быть на ее месте! Вот так бы, как она-сейчас, скрыться под листом, чтобы жить, жить и жить. Но счастливая букашка уползла куда-то по своим букашечьим делам, а я остался лежать и ждать своей незавидной человеческой участи.

От собственного бессилия мне хотелось грызть зубами землю. Что же это происходит? Куда подевалось ночное шоссе и машина, откуда взялись на мою голову эти идиоты-сектанты, которые явно собираются меня жарить? Что же делать? Кричать, что я невиновен? Но им на мои крики явно наплевать. Молить о пощаде? Но, судя по решительным рожам, разжалобить эту публику просто невозможно.

Мимо меня то и дело пробегала босоногая ребятня, весело таская хворост для будущего костра. Несколько умельцев наскоро сбивали столы, вероятно, для будущей пирушки. Да, веселье по поводу моего убийства, а может быть, и последующего поедания, предстояло здесь самое серьезное.

И снова череда липких бесполезных мыслей: что произошло со мной, почему и за что меня собираются убивать, да еще и столь изуверским способом? Кому и для чего все это надо? Какая жертва? Какой алтарь? Какой Перун? Дребедень какая-то! Театр полного абсурда, в котором почему-то именно мне уготованна самая незавидная роль... Куда смотрит милиция, когда рядом с Москвой творятся такие дела? По щекам моим непроизвольно текли слезы. Было безумно жаль себя, идиота, столь бездарно попавшего на костер. Душила обида, что меня, прошедшего огонь и воду, взяли как последнего пацана! Но что я мог сделать: только ждать смерти да еще скрежетать от бессилия зубами!

Меж тем суета по приготовлению к моему убийству, видимо, стала подходить к концу. Не знаю почему, но за организаторов предстоящего действия я даже невольно порадовался. Уж больно у них все было отработано. Наверное, подобные развлечения здесь были не столь уж большой редкостью.

Наконец все, радостно гомоня, снова собрались вокруг деревянного истукана. Женщины расставляли по столам кувшины с каким-то питьем и огромные миски с кусками жареного мяса. Меня подняли с травы и тоже потащили в центр. Толпа расступилась предо мною опять оказались знакомые старички-душегубы. Но теперь вместо старых дерюг на них были чистые белые рубахи. Что ж, гулять так гулять!

– Несите жертвенный нож! – прокашлял старец с лицом, напоминающим печеную картошку.

Ему подали какую-то немислимую секиру. “Печеный” деловито опробовал ее остроту пальцем, а опробовав, довольно поцокал языком.

– Несите и возложите на алтарь тело! – велел он стоявшим сзади меня молодцам.

Ничего себе! Я для них уже только тело! Ну не мерзавцы ли! Скорее всего, меня хотят вначале зарезать, а уж потом поджаривать! Это все же несколько лучше, чем поджариваться заживо, но хуже, чем остаться в живых!

Только тут я разглядел, что перед деревянным истуканом лежал большой плоский камень темно-бурого цвета. Подхватив под мышки, меня подтащили к нему. Я тоскливо глянул в пустые глазницы деревянного уroda. Уж не во имя ли тебя меня собираются кончать? И почему камень такого необычного цвета? Да это же запекшаяся кровь! Это кровь моих предшественников, чью незавидную участь мне тоже предстоит сейчас разделить.

Двое здоровенных детей в одно мгновение завалили меня навзничь на камень. Да это, впрочем, было не так-то и сложно сделать, ведь я был связан по рукам и ногам и даже не пытался сопротивляться. Да и что я мог? Кусаться, что ли?

В высоком небе неторопливо плыли белые облака. Как хорошо и покойно, наверное, сейчас там! Внезапно мне показалось, что я увидел смотрящее на меня с небес женское лицо. Я был готов поклясться, что совсем недавно уже видел его. Девушка пристально и изучающе смотрела на меня. Глаза ее были печальны и полны сострадания. Наши взгляды встретились, и видение, вздрогнув, тут же растворилось в облаках.

Распнув мое тело на камне, детины из рук меня, однако, не выпускали. Ребята были опытные. На площади тем временем приступили к первому действию разыгрывающегося спектакля.

– О Перун, повелитель дождя, грома и молний! О Перун, тучегонитель и победоносец! Будь милостив к нашему скромному дару и ороси водой наши поля и пашни! – заорал во весь голос, воздев руки к небу, старший из старичков.

– О хозяйка нив и хлеба полногрудая Жива, дай нам добрый урожай! Подари нам удачу! – тонко заголосил другой.

– О крылатый страж посевов Симаргл, не побрезгуешь ли и ты нашей скромной жертвой! Остереги поля от напастей! – вторил обоим, поигрывая ножиком, “печеный”.

“Не больно щедры что-то вы, ребята, – подумалось мне злорадно, – одного меня сразу трем предлагаете, а запросы при этом будь здоров! Хрен вам за меня что-то обломится!”

“Печеный” тем временем что-то яростно троекратно прокричал и, бубня себе при этом под нос какие-то заклинания, уже подступал ко мне. Я невольно напрягся. Сердце в ожидании неминуемого билось отчаянно. Я тяжело дышал. Старик занес надо мной свой нож. Безоблачное небо слепило бездонной синевою. Я закрыл глаза. Ну вот, кажется, и все!

– Сдерите с тела рубаху! – рявкнул вдруг в самое ухо мой убивец. – Священный нож не может касаться грязного тряпья!

Подскочивший подручный резким рывком разорвал тельняшку. Я вздохнул полной грудью и снова закрыл глаза. И тут над моим ухом раздался жуткий вопль. Неужели это кричу я, уже пронзенный дурацким ритуальным тесаком? Но нет, кричал нависший надо мной дед-убивец. Отбросив в сторону свою секиру, он тыкал в меня пальцем и голосил не переставая. Что именно он кричал, я разобрать не мог, да, честно говоря, и не пытался. Стыдно признаться, но я был безумно счастлив тому, что судьба подарила мне по какому-то своему капризу еще несколько лишних минут жизни.

Меж тем под вопли старца вся окружавшая меня толпа внезапно разом рухнула на колени. Впечатление было такое, что у всех столпившихся одновременно подкосились ноги. Люди ползли ко мне со всех сторон. Я невольно дернулся, и тут же державшие меня за руки и за ноги молодцы тоже бухнулись в ноги. Происходило нечто невероятное, но что? Над поляной

стоял сплошной нескончаемый крик. Теряя остатки рассудка, я боком сполз с лобного места. Напрягая слух, пытался разобрать, о чем столь дружно голоса ползшие на четвереньках ко мне люди. И я расслышал слово. Всего одно лишь слово. Но какое!

– Посланник! Это Посланник! – голосила поляна не переставая.

“Ну, слава богу, – подумалось мне. – Вот и имечко мне подыскали! Надо ж, какая радость! Однако что и кому я должен переслать?”

Мог ли я представить, что случайно задал себе вопрос, ответ на который буду искать долгое время не только в иных землях, но и в иных мирах... Но тогда для меня было куда более важно то, что я пока все еще оставался живым. К тому же было еще непонятно, сколь хорош или плох для ползущих ко мне буду я в образе неведомого посланника. Как знать, может, вся эта свистопляска будет иметь своим продолжением еще более мучительную казнь? От этих субчиков ожидать можно что угодно. У меня отчего-то внезапно заболела грудь. Боль была такая, словно кто-то ткнул туда горячей головешкой. Однако сейчас было не до этого.

А потом внезапно хлынул дождь. Но не обычный. Сплошная стена воды, буквально обрушившаяся на землю и в одно мгновение превратившая ее в сплошную грязевую лужу. При этом я готов был поклясться, что еще минуту назад небо было совершенно безоблачным. Росчерк молнии вновь поверг всех на землю. Оглушительные громовые раскаты добавили сцене драматизма. Прошло еще несколько мгновений, и поток воды исчез так же внезапно, как и появился. Я поднял голову. Небо было таким же безоблачно-голубым, как и минуту назад. Это могло показаться галлюцинацией, если бы не грязь и лужи вокруг, если бы и я сам не был мокрым с головы до ног.

– Посланник! Посланник! – снова закричали люди. – Сварог дал нам знак! Боги не желают великой жертвы!

Я по-прежнему полулежал, прижавшись спиной к своей каменной плахе. По-прежнему горела и пылала огнем грудь, по-прежнему била предательская дрожь от всего пережитого, по-прежнему я был в полном неведении, что же меня ждет теперь.

“Идиоты, – думалось мне тоскливо. – Хоть бы развязали меня!”

Словно поняв мои мысли, один из седовласых убийц, жалобно поскуливая, подполз ко мне и, целуя мои грязные ступни, перерезал ножом все веревки и так же, скуля и заискивающе заглядывая мне в глаза, отполз обратно. Теперь я уже с явным интересом окинул взглядом валявшихся в грязи и воде. Все складывалось не так уж и плохо. По крайней мере, я все еще был жив. Меня наградили именем. Правда, оно достаточно дурацкое, но все же лучше чем вообще никакого. стыдно признаться, но я поймал себя на мысли, что мне приятен вид валяющихся в грязи людей, которые еще совсем недавно желали моей смерти с той же неистовостью, с какой они сейчас меня боготворили.

В небе засияла радуга.

– Сварог доволен! Боги радуются вместе с нами! – кричали и обнимались люди.

Кто такой этот Сварог и почему он должен быть доволен, я не понял, да, честно говоря, и не пытался. Какое мне до этого дело! Если кто-то чем-то доволен, ради бога!

Наконец, поднявшиеся с колен старцы дали знак покинуть поляну. Сами же старики стали робко приближаться ко мне, не смея поднять глаз. Особенно подобострастно вел себя “печеный”, будто это не он еще несколько минут назад собирался вырвать из моей груди сердце. От этого зрелища мне стало противно, и я поморщился. Увидев это, старики снова разом грохнулись в грязь.

– О великий Посланец! – истошно и с надрывом возопил один из них. – Как вымолить нам у тебя прощение? Как умиловать тебя?

– Может, Посланник желает хорошей жертвы в честь своего прибытия на нашу землю: юношу, девушку или младенца? – деловито поинтересовался тот, который должен был лишить меня жизни.

Этот старикашка был просто патологическим маньяком!

– Ну уж нет! – выкрикнул я им, отрываясь от камня. – На сегодня убийств хватит!

– Что же ты желаешь, Небесный? – недоуменно спросили седобородые старцы.

– Чтобы меня оставили в покое! – ответил я без раздумий.

Спустя четверть часа я уже был переодет в чистую рубаху и широченные порты, уписывал за обе щеки куски горячего жирного мяса и запивал поедаемое сладкой брагой. В глубине избы два здоровяка, те самые, которые распинала меня на камне, усердно взбивали толстую перину.

– Чистый лебяжий пух! – простодушно улыбнулся, поймав мой взгляд, один из них.

Странно, но к этим простодушным крепышам я не испытывал никакой ненависти. Хотя сложись сегодня ход событий несколько по-иному, они с такой же милой улыбкой сбросили бы сейчас мои обугленные кости в какую-нибудь выгребную яму.

– Да пребудет с вами покой, Небесный! – кланялись, покидая избу, старцы.

– Пребудет, пребудет! – нетерпеливо махнул я им в ответ. – И двери за собой закройте!

Все! Теперь я наконец-то один! Как же я устал от всего происшедшего! Посланник! Небесный! Ну и дела! Рассказать кому, не поверят! Как я от всей этой белиберды устал! Даже думать о чем-то было для меня сейчас выше всяких сил. Опрокинув залпом еще чарку золотисто-сладкой браги, я кое-как добрался до перины и буквально упал в ее мягкое лоно.

* * *

Где-то совсем рядом кричали петухи. Я открыл глаза и, глядя в потолок из тесаных бревен, начал восстанавливать в памяти то, что произошло со мной вчера. Я еще не знал, как попал в этот мир, но то, что это был не мой мир и не мое время, до меня уже начало понемногу доходить. Сквозь небольшое оконце, затянутое бычьим вузырем, пробивалось солнце. По тому, что стояло оно высоко, да по отдаленному гаму голосов было ясно, что день уже в самом разгаре. Взгляд невольно упал на запястье. Часов там не было. А жаль, хорошие были часы – наградные “Командирские”. Дотронулся рукой до груди: вспомнил, как болела она вчера. Теперь она лишь немного ныла от небольшого ожога. Опять и опять я вспоминал минувший день, шаг за шагом восстанавливая все со мной происшедшее. Шоссе... автомат... черный враг... девушка-фантом... неведомое селение и весь кошмар вчерашнего жертвоприношения. Стоп! Девушку я, кажется, видел вчера еще и среди облаков! Чертовщина какая-то! Впрочем, пора было вставать и готовиться к новым самым невероятным сюрпризам.

Потянувшись, я выбрался из пуховика. Несмотря на сытный ужин, хотелось есть. Дни голодухи в яме сказывались: организм требовал восполнения сил. В избе было пусто. Позевывая, вышел на крыльцо. Перед крыльцом на траве, видимо, уже давно сидели в ожидании меня три вчерашних деда-убивца. Глаза их лихорадочно блестели, а руки тряслись.

– О великий! – тотчас начали они биться лбами о землю.

Терпеливо подождав, пока старички завершат весь ритуал, я подошел к ним.

– Хочу есть и пить! – сказал кратко.

Злость на моих вчерашних погубителей еще не прошла. Один из ползающих дедков метнулся куда-то, и спустя несколько минут предо мной уже был солидный кувшин с медовухой, каравай свежего, еще горячего хлеба и солидный кусок жареного мяса. Забрав все, я демонстративно хлопнул у них перед носом дверью и вернулся в избу. Сел за стол. Перекусил. Рукавом вытер губы. Что же мне делать теперь?

В это время в избу вполз на карачках мой друг “печеный” и запричитал быстрым полусшепотом:

– О великий! Наш род принял тебя и теперь стал самым счастливым из всех родов! Этого прихода ждали еще наши деды и прадеды, но именно нам выпало счастье лицезреть чудо!

Каждый твой взгляд и слово, каждый клочок твоей одежды – это величайшая радость для нас, ничтожных! Возжелай...

– Хватит, папаша! – прервал я жестом его бесконечное словоблудие. – Теперь вопросы буду задавать я.

– Как скажешь, великий! – смиренно вздохнул седобородый.

– Прежде всего, где я?

– В земле раксолонов!

– Кто такие раксолоны?

– Мы великое племя!

– Кто вами правит?

– Наши вожди!

– Что вы знаете обо мне?

– Ты Посланник!

– Почему вы так решили?

– У тебя его знак!

– Где?

– На груди!

Еще одна новость! Что у меня за знак на груди? Сразу же возникло непреодолимое желание глянуть на этот знак, но не делать же это перед седобородым!

– Хорошо! Пока говоришь верно! – кивнул я со всей возможной важностью.

Старик обрадованно ощерил беззубый рот, счастливый моей похвалой.

– Хочу видеть вашего самого главного вождя! – совсем обнаглел я. – Пусть явится ко мне сюда!

Но по тому, как мгновенно изменилось лицо деда, как в испуге вытянулся его подбородок, каким стало выражение его глаз, я понял, что переборщил и спорол явную чушь, но отступить было уже поздно. Блефовать так блефовать!

– Я Посланник! – выкрикнул я ему в лицо. – А потому желаю говорить лишь с тем, кто равен мне!

Старики, которые вслед за “печеным” по одному вползли в избу, сразу же задержались. Ага, теперь я точно знал, как себя вести с этими разбойниками!

– Мы уже послали гонца на Небесный Холм! – доверительным полусшепотом сообщил мне один из них.

– Это вы сделали правильно! – кивнул я. – Давно бы так!

Что у них там еще за Небесный Холм? Столица? Ставка?

– На Небесном Холме в ожидании тебя скоро соберутся самые достойные. Тебя же мы тоже нижайше просим отправиться туда!

– Далеко ли ваш холм?

– Пять дней конного пути.

– Что ж, поехали сейчас же! – махнул я рукой. Оставаться в этом мрачном месте хотя бы еще на день у меня не было ни малейшего желания.

– У нас все уже готово к поездке! – обрадованно заголосили, перебивая друг друга, седобородые.

– Хорошо! – осадил я ледяным взглядом их не по летам горячий пыл. – Едем, но вначале я хочу умыться! Да, еще верните мне мою тельняшку!

– ?!!

– Ну, мою рубашку! – Я ткнул пальцем в одеяние одного из старцев.

Тот торопливо покачал головой.

Старики вышли. Спустя несколько минут мужчины принесли мне берестяные ведра с речной водой, а женщины быстро и бесшумно накрыли стол. Мой затянувшийся пост явно

завершился. От запаха и вида пищи у меня вновь пробудился аппетит, и я не отказал себе в удовольствии еще раз порадовать свой отощавший желудок. Когда ланч был завершен и все присутствующие удалились, я снял рубаху и окатил себя двумя ведрами воды. Обмывшись таким образом, я, вперив подбородок в грудь, принялся рассматривать свой спасительный “посланный” знак. Увы, ничего, кроме старого, еще дедовского, нательного креста, на груди у меня не было. Под крестом, правда, был все тот же небольшой ожог. Где и когда это меня угораздило обжечься? Потрогал пальцем. Ожог еще побаливал. Пора было отправляться в путь.

Безмолвная женщина внесла и положила предо мной выстиранную тельняшку. Надев ее, почувствовал себя сразу же как-то уверенней. Ведь я не какой-то там дурацкий Посланник, а офицер морской пехоты, а это дорогого стоит! Теперь я был готов к любым испытаниям, которые приготовила мне злодейка судьба. За оконцем кто-то деликатно кашлял, давая понять, что все готово и ждут только меня.

На проводы вышло все селение. Дети с завидным воодушевлением сыпали предо мной на дорогу цветы. Это были те самые детишки, которые с таким же воодушевлением еще вчера таскали хворост для костра, на котором мне предстояло поджариваться.

Лошадь, которую мне подвели, была маленькая и косматая. Когда я взгромоздился на нее, то не на шутку испугался, выдержит ли? Но лошадка довольно стойко перенесла мое водружение на свой круп. Ни седла, ни стремян, естественно, не было. Присутствовала лишь уздечка и какая-то расшитая попона, так что поездка обещала быть веселой. Вместе со мной в путь собралась целая свита: десяток воинов с копьями и щитами и неутомимый друг – “печеный”, с ними еще несколько бородачей неопределенного возраста на лошадях, с мешками. Итак, вперед в неизвестность из той же неизвестности!

Глава вторая Небесный холм

Поездка наша заняла не пять дней, как уверяли меня ревнители кровавых алтарей, а почти вдвое больше. К тому же она была, прямо скажем, не из приятных. Так как на лошадь я сел первый раз в жизни (не считая катания на игрушечных лошадках в детстве), то кавалерист из меня получился, прямо скажем, никудышный. После первых же часов нашего конного пробега вся нижняя часть тела болела у меня немилосердно. И хотя мои спутники подкладывали мне под попону какие-то подушки, помогало это мало. Правда, бородачи с мешками соорудили на привалах весьма обильные трапезы, – это было единственное, что радовало.

Где-то на полпути к неведомому мне Небесному Холму, когда мы проезжали какое-то болото, оттуда внезапно начало вылезать нечто, облепленное тиной и истошно кричащее. Не знаю, чего больше было в этом нечеловеческом крике, злобы или испуга. Больше всего меня поразили глаза – две огромные иссиня-черные плоски. Мои спутники, впрочем, ничуть не удивились. В одно мгновение они выпустили в зеленое чудище несколько десятков стрел. Я даже не успел понять, что произошло, как болотная образина с жутким воплем погрузилась в мутную жижу.

– Что это было? – спросил я чуть погодя ехавшего рядом со мной старца.

– А! – махнул тот в ответ рукой. – Обыкновенный упырь. Не стоит вашего внимания!

Ничего себе! Представляю, что было бы со мной, столкнусь я с этакой уродиной один на один! Теперь я уже с интересом оглядел свою охрану. Лица воинов были непроницаемы, а их вид говорил о том, что молниеносная расправа с болотным гадом – дело для них совершенно обыденное.

На привале ночью снова кто-то пытался напасть на нас. По крайней мере, я явственно слышал чей-то вой, но мои охранники дружно бросились во тьму и скоро вернулись, деловито отирая травой окровавленные наконечники своих копий. Сон, однако, был прерван, и до самого восхода солнца я беспокойно проворочался, вслушиваясь в шум ночного леса.

Больше в дороге с нами ничего существенного не произошло. На десятый день пути, миновав несколько сторожевых застав, мы подъехали к высокому холму. Меж деревьев вверх уходила широкая тропа. У подножия холма мы остановились.

– Дальше, Посланник, мы пойдем вдвоем! – сказал, слезая со своей лошади, мой седобородый попутчик.

– Это и есть ваш Небесный Холм? – спросил я.

– Да, это и есть Небесный Холм, Посланник! – ответил он мне.

Воины тоже молча слезли с коней и начали тут же деловито обустриваться. В обратный путь, судя по всему, они пока не собирались.

Подъем в гору был достаточно крут, а утомленный дорогой старик едва переставлял ноги. Шли мы поэтому довольно медленно. Через каждые полсотни метров встречались воины-охранники. Молча пропуская нас мимо себя, они лишь наклоняли головы в знак приветствия. Впрочем, я особенно никуда и не торопился. Пусть все идет своим чередом, откуда я знаю, что ждет меня там, на вершине! Истерзав себя за время дороги всевозможными предположениями и сомнениями, я уже пришел к гениальному выводу: надо пока просто радоваться каждому дарованному дню и ничего не загадывать наперед.

Но вот за деревьями стала понемногу видна и вершина. Затем показалась большая поляна, заставленная по периметру деревянными столбами с вырезанными на них жутковатыми рожами. Около каждого из столбов были видны следы недавних кострищ. Посреди поляны лежал огромный темно-бурый камень – штука мне уже хорошо знакомая.

– Мы здесь! – внезапно визгливо закричал во всю свою старческую мочь мой спутник.

Не успел я и глазом моргнуть, как напротив меня появился еще один древний старик в белой рубашке. Седая борода его свисала до самых колен. Дед был бос, а в руках держал сучковатый посох.

– Здрав будь, Посланник! – поздоровался со мной старик и протянул руку. – Я Любомудр, верховный жрец Небесного Холма.

– И ты будь здоров, Любомудр! – Я пожал протянутую мне руку и ощутил ее немалую силу.

Старик смотрел прямо, не пряча взгляда. В его выцветших голубых глазах угадывались и ум, и проницательность. Не знаю почему, но в отличие от всех ранее встречавшихся жрецов этот дед показался мне куда более симпатичным.

– Я знал, что ты скоро придешь! – улыбнулся мне тем временем хозяин поляны так, словно знал меня уже тысячу лет, и от этой улыбки мне стало как-то спокойней. – Как добрался?

– Хорошо! – кивнул я и улыбнулся ему в ответ.

– Запомни навсегда – я твой друг, и ты должен верить мне! А теперь пойдём. – Старик взял меня под локоть и повел мимо столбов в глубь своего капища.

Пройдя несколько шагов, он, вдруг вспомнив о чем-то, обернулся к моему спутнику:

– Разожги костер Перуна, соверши все требы и поддерживай огонь!

Мы зашли в полуизбушку-полуземлянку.

– Садись! – сказал старик, показывая на лавку. Я послушно сел.

– Покажи свой знак! – велел главный жрец голосом, не терпящим возражений.

Я молча снял тельняшку и оголил грудь. Но старец даже не стал на нее смотреть. Закрыв глаза, он долго держал в руках мой нательный крест.

– Да, – сказал он, наконец открыв глаза. – Ты истинный Посланник. Я чувствую твою силу! Я рад, что дожил до этого дня и смог дожидаться твоего пришествия! Будь ты благословен и ныне, и присно, и от века до века!

После этого Любомудр уже совсем по-отечески положил мне руку на плечо.

– Располагайся! Здесь отныне будет твой дом!

– Что же мне делать дальше? – спросил я его.

– Вначале ты получишь от меня необходимые знания, а затем уже сами боги укажут тебе твой путь!

– Как долго ты будешь меня учить и чему?

– Времени мне отведено мало, придется поторопиться. Ты познаешь наш мир и свое место в нем. Ты научишься владеть оружием и властвовать над собой, творить требы и уничтожать врагов!

– Кто же мои враги? – поинтересовался я.

– Те, кто боятся Посланника! – был весьма туманный ответ.

Затем жрец оставил меня отдыхать, а сам покинул жилище. За что я был ему весьма благодарен.

Значит, все дело в моем нательном кресте! Сняв висевший на тесемке крестик, я принялся внимательно его рассматривать. Крест был самый обыкновенный, только что очень старинный. Нося его уже немало лет, я, казалось бы, знал его до мельчайших царапин, но теперь разглядывал, словно в первый раз. Ничего необычного в кресте не было: на внешней стороне распятие Спасителя с черепом и перекрещенными костями в ногах, на тыльной стороне изображено всевидящее око с исходящими от него солнечными лучами и словами “спаси и сохрани”. Сделан крестик был, судя по всему, из какого-то медного сплава и от старости в углах давным-давно позеленел.

По семейному преданию, этот неказистый с виду нательный крест из века в век передавался по мужской линии нашей семьи и неизменно приносил удачу. Крест передавали тем, кто уходил на войну, и, как гласит семейная легенда, за все времена еще ни один обладатель

фамильного креста не пал на поле брани. Сколь давно находился этот крест в нашем роду, никто не знал. Бабушка говорила мне, что этот крест был у нас всегда, а потому на войне моим предкам неизменно сопутствовала удача. Упомянула она и о каком-то древнем пророчестве, связанном с этим крестом, но суть пророчества была утрачена. Если насчет времен отдаленных я ничего конкретного не знал, то что касается более близких, все выходило именно так, как говорила бабушка.

Семейная хроника сохранила сведения, что в екатерининские времена один из моих пращуров участвовал в знаменитом штурме Измаила, откуда вышел цел и невредим. Его сын, в свою очередь, защищал родину в Смоленском и Бородинском сражениях, в битве при Березине. Без единой царапины прошел весь заграничный поход 1813–1814 годов, дойдя до Парижа. Мои предки были участниками длинной Кавказской войны, а также Венгерского похода, одиннадцатимесячной обороны Севастополя. Там дрался уже мой прапрапрадед Никанор. На долю прапрадеда Трофима пришлось Среднеазиатские походы и Порт-Артур. Прадед Тимофей честно прошел дорогами Первой империалистической, а Гражданскую войну закончил на врангелевском фронте. Деду Степану выпала уже Великая Отечественная: оборона Одессы, Севастополя и Северного Кавказа, затем их же освобождение и освободительный поход до Вены. Из всех передряг он выходил сухим из воды, что же касается креста, то до конца своей жизни относился к нему как к живому существу и даже разговаривал с ним. О многом, что происходило с ним во время войны, дед не считал нужным говорить со мной по моему малолетству, но однажды проронил такую фразу:

– Наш крест не обычный, а живой. Он хранит какую-то очень большую тайну.

– Какую? – попытался допытаться я у деда.

– Этого я, внучек, не знаю! – погладил он меня по голове. – Впрочем, когда придет твой черед его надеть, то, может быть, крест будет к тебе более добр, чем ко мне!

Особых чинов и наград мои предки никогда не имели. Большинство из них так и закончило службу если не унтер-офицерами, то капитанами, а в лучшем случае – подполковниками. Все они были храбрыми воинами, но спин перед начальством не гнули. Может, потому и карьер особых не сделали.

Отец тоже изрядно помотался по горячим точкам. Он был инженером-электронщиком, работал в оборонном КБ по проектированию ракетных комплексов ПВО. По этой причине командировки во Вьетнам и Египет, Анголу и Алжир были для него делом привычным. Не раз позиции ракетных комплексов, где находился отец, подвергались налетам неприятельской авиации. Но всякий раз судьба уберегала. Будучи убежденным коммунистом, отец фамильный крест никогда на шее не носил, а держал под обложкой партийного билета, тем не менее крест, как оказалось, помогал. Что касается меня, то знаменитый семейный крестик мне передали отец с бабушкой в день окончания училища.

За годы моей офицерской службы я так сроднился со старым крестом, что обращал внимание на него только тогда, когда надо было заменить в очередной раз поистершуюся тесемку. В таинственную суть креста я не особо верил, но относился к фамильному талисману с должным почтением и бережностью. И вот теперь дедовский крест, оказывается, не только спас мне жизнь, но еще обеспечил титул некоего неведомого Посланника! Может, в этом и была его главная тайна и именно об этом говорило наше древнее родовое пророчество?

Еще раз оглядев ожог на груди, я пришел к потрясающему выводу: ожог этот мог быть сделан только крестом. Форма и место ожога говорили сами за себя. Значит, в тот самый момент, когда меня распнули на жертвенном камне, нательный крест внезапно сильно раскалился. Именно вид моего полыхающего огнем креста и напугал тогда старичков-вурдалаков. Покопавшись в памяти, я с удивлением обнаружил, что нынешнее спасение меня крестом было, скорее всего, далеко не первым. Как же я был слеп, что не сумел разгадать этого раньше!

И сбывающиеся семейные пророчества, и недавнее собственное спасение были просто невероятными, однако никакого иного объяснения происшедшему я не находил. А если учесть мое не менее непонятное перемещение в древний языческий мир, то чего удивляться всему остальному! Здесь было над чем подумать...

* * *

В последующие две недели ничего особенного не произошло. Все было достаточно однообразно. Хотя на обхождение жаловаться было бы грешно. Поили и кормили же как на убой.

Каждое утро перед рассветом ко мне приходил Любомудр, и мы вместе с ним поднимались на вершину Небесного Холма встречать солнце. Едва огненный диск показывался на горизонте, верховный жрец вставал на колени, а я рядом с ним.

– Здравствуй, Пресветлый! – протягивал к солнцу свои иссохшие морщинистые руки Любомудр. – Здравствуй и благослови нас на новый день!

Затем я, сидя у подножия холма, подолгу беседовал с Любомудром о смысле жизни и строении окружающего мира, о богах и обычаях здешних земель.

– Где я нахожусь? – спрашивал я моего седобородого учителя.

– Все мы, и ты тоже, находимся в Яви!

– Что такое Явь?

– Явь – это все текущее и настоящее, все, что сотворено Правью!

– А что же было до Яви?

– До и после Яви есть Навь. А в Прави есть Явь!

– Понятно, – кивнул я Любомудру, хотя, разумеется, все услышанное еще предстояло хорошо обдумать.

– Кроме Яви, Нави и Прави, – продолжал старый волхв, – есть еще и Ирий!

– ?!!

– Из Ирия сияют нам души наших пращуров. Там плачет и речет Желя, если мы пренебрегаем Правью, Явью и Навью.

– Но как можно пренебречь сразу прошлым, настоящим и будущим? – уже совсем запутавшись, спросил я.

– Кто сим пренебрегает и глумится над истиной, тот не достоин быть Дажьбоговым внуком, ибо лишь моля бога и имея чистые души и тела, можно получить духовное единство с праотцами нашими и богами, слившись в единую Правду!

– Спасибо! – искренне пожал я руку старому и мудрому волхву. – Кажется, я что-то понемногу уже начинаю понимать!

– Наша жизнь бренна, – сказал уходя Любомудр. – И мы сами тоже. А потому нам надо трудиться над своей Душой и биться с врагами, не выпуская из рук освященный кровью меч!

Я и вправду не кривил душой перед стариком Любомудром. Может быть, я не до конца еще разобрался во всем сказанном, но общую суть того, что объяснял мне Любомудр, я уже начал чувствовать. Придет время и я непременно разберусь во всем до конца.

Встретив солнце, старец вел меня к себе в землянку, где поил тягучим и сладким напитком.

– Что это? – спросил я его, с удовольствием осушив деревянный ковш впервые.

– Это лучший из напитков: мед-сурья с девясилом и щавелем!

– К чему он мне? – удивился я. – Когда вполне достаточно и простого молока!

– Сурья – это молоко воинов и наш небесный корм! – терпеливо пояснил мне Любомудр. – Дадена же она нам от священной коровы Земун. В сурье мы варим тайные травы и пьем ее для бодрости тела и духа, а также для чистоты душ и помыслов!

– Ну тогда все ясно! – кивнул я, а старик налил мне еще один ковш целебного напитка.

Время до обеда мы проводили в беседах, после обеда я обычно отдыхал (адмиральский час есть адмиральский час!), а затем до темноты упорно осваивал нелегкое дело верховой езды.

Вечером меня, по обыкновению, поили каким-то сладким отваром, и я почти замертво падал на свое ложе из свежескошенного пахучего сена. Что случилось со мной, что происходит теперь и что будет дальше – все по-прежнему оставалось для меня полной загадкой. Впрочем, постепенно что-то в моей непонятной жизни все же менялось.

В один из дней Любомудр повел меня вниз с холма к стоявшей в отдалении кузнице. Краснолицый кузнец-бородач уже поджидал нас. Едва я подошел, он встал на одно колено и, склонив голову, протянул мне двумя руками меч. Я принял его молча и так же молча стал разглядывать. Меч был достаточно тяжел, обоюдоостр, лезвие отливало матовым светом. Судя по рукояти, меч предназначался для удержания двумя руками.

– Зачем два лезвия, когда достаточно и одного? Кроме того, это, наверное, затрудняет изготовление? – поинтересовался я у кузнеца.

Тот поднял на меня глаза. Во взгляде его читался интерес, смешанный с недоумением.

– Куя мечи наши, чтобы поражать врагов с обеих сторон, я передаю им силу божественную!

– В таком случае все ясно! – кивнул я коленопреклоненному кузнецу.

– Бери этот меч, он твой! – велел мне Любомудр. – Однако вначале тебе предстоит еще научиться владеть им! – Старик сделал едва заметный знак рукой, и из-за деревьев выступил здоровенный кряжистый воин. – Это Вакула! – кивнул на здоровяка Любомудр. – Он научит тебя драться!

Вакула без долгих рассуждений отобрал у меня боевой меч и сунул мне в руки не менее тяжеленный, но тупой. Не успел я разобраться что к чему, как мой новый учитель рубанул своим мечом по моему с такой силой, что тот вылетел из рук.

– Не ладно! – пробасил Вакула, кивнув на валявшийся в траве меч. – Подними!

Я беспрекословно поднял меч, и мы продолжили урок. Обучение мое было весьма своеобразным. Вакула рубился со мной своим не менее тупым мечом на полном серьезе и наносил удары что есть силы. Разумеется, мне было нелегко, но я сумел понять: чтобы выжить в этом суровом мире, надо уметь владеть оружием, а потому стойчески переносил уроки. К моей радости, дело освоения меча продвигалось достаточно успешно. Даже удивительно, но я столь быстро схватывал все нюансы доселе неведомого мне боя, что даже мой беспощадный и неутомимый учитель вынужден был признать мое мастерство, когда я однажды, неожиданно для себя самого, нанес ему впечатляющий удар по голове. Помимо рубки на мечах, меня столь же безжалостно и усиленно учили стрельбе из лука, владению копьем и щитом. Так что скучать было некогда, а к вечеру тело ломило от усталости и боли.

Вскоре на Холме появилось еще несколько стариков-жрецов. Они палили ночами огромные костры, о чем-то меж собой шептались, затем внезапно исчезали, чтобы спустя некоторое время появиться вновь. И если поначалу действия стариков меня почему-то беспокоили, то затем я к этому привык и относился уже с полнейшим, безразличием, порою меня даже пугавшим.

Однажды мне пришлось стать и свидетелем ритуального жертвоприношения. Убивали какого-то мужчину. Более всего меня поразили тогда его глаза: недвижимые и безразличные. Убиваемый сам не торопясь лег на жертвенный камень и ничуть не сопротивлялся своим убийцам. От всей этой картины мне стало тогда настолько тошно, что я не выдержал и покинул место казни к большому неудовольствию собравшихся там жрецов. Когда же через несколько дней жрецы снова стали приглашать меня на просмотр очередного убийства, я отказался наотрез. Приглашатели были удивлены несказанно и просили объясниться.

– Мне это противно! – ответил я резко. – Убивать невинных могут только отпетые негодяи!

– Ты слишком категоричен, ведь у каждого своя судьба! – ответил мне Любомудр. – Мне тоже далеко не все нравится из наших древних обычаев, но что поделать, если это завещано нам предками, да и боги наши не слишком милосердны к смертным!

– Ваших богов создал только ваш страх! – в запальчивости высказал я жрецу свое мнение, и, как мне тогда показалось, в глубине выцветших голубых глаз Любомудра уловил понимание.

– Возможно, тебе кажется, Посланник, что наш мир излишне жесток! – сказал он мне примирительно. – Но это наш мир, и мы обязаны жить по его законам! У наших богов весьма длинные руки, а души людей так беззащитны и хрупки!

Я попытался было продолжить эту тему, но Любомудр лишь махнул рукой, давая понять, что он и так уже поведал гораздо больше, чем мне надо было знать.

Однако после этого разговора никто с приглашениями поучаствовать в очередном жертвоприношении ко мне больше не приставал, хотя человеческие заклятия продолжались и продолжались с какой-то неумолимой последовательностью.

Несколько раз я попытался было покинуть уже порядком осточертевший мне Холм, чтобы оглядеть окрестности, но все мои попытки были пресечены на корню. Впрочем, у подножия Холма я успел рассмотреть самый настоящий военный лагерь. Десятки, а может, и сотни воинов жарили на кострах мясо, о чем-то бранились и ходили дозорами. Завидя меня, все они вскакивали, кланялись и рассматривали как некое чудо. Получалось, что меня даже не столько стерегли (такое количество стражи было явно излишне для одной персоны, пусть даже и весьма ценной), сколько оберегали.

* * *

Над трибунами трепетали праздничные флаги. В последний раз мы стояли в развернутых ротных колоннах. Перед трибунами теснились столы, а на них стопами лежали золотые лейтенантские погоны. Взревела медь оркестра, на плац вынесли знамя училища. Легкий ветер развернул шелковое полотнище, к горлу внезапно подкатился ком. Неужели на самом деле все происходящее сегодня происходит с нами в самый последний раз? И этот столь часто проклинаемый, но все же родной плац, наше знамя, подле которого выстояно немало ночных часов в караулах, да и все мы вместе тоже в последний раз?

– Вручить дипломы и погоны! – командует в микрофон начальник Государственной комиссии, старенький, седенький и в общем-то симпатичный старичок-генерал, прозванный нашим братом невесть за что “мойдодыром”. Старичок-генерал выкрикивает Мишкину фамилию.

Мишка строевым шагом выходит из общего строя, подходит к генералу. Лихо прикладывает руку к козырьку еще курсантской фуражки:

– Представляюсь по случаю присвоения мне лейтенантского звания! – докладывает он “мойдодыру”.

Тот вручает Мишке диплом с училищным знаком и погоны. Поверх этого сверкает золотом военно-морской кортик – это значит, что Мишка получил назначение на флот в столь любимую нами морскую пехоту. В последнюю очередь генерал передает ему коробочку с золотой медалью. Мишка – гордость училища и любимец всего преподавательского состава. А потому его золотая медаль – награда вполне заслуженная. Четко развернувшись на месте, Мишка становится в строй.

Я ж, затаив дыхание, вслушиваюсь в фамилии своих однокашников, ожидая, когда прозвучит и моя.

– Веригин!.. Коротков!.. Маркидонов!.. Черемисин!..

Наконец я слышу свою фамилию. С дрожью в сердце выхожу из строя, чеканю шаг. Рука стремительно взлетает к козырьку:

– Представляюсь по случаю присвоения мне лейтенантского звания!

Старичок-генерал смотрит на меня снисходительно и уже устало. Стоящий рядом офицер, заглянув в какие-то бумажки, что-то шепчет генералу на ухо. Тот согласно кивает. Вот он вручает мне диплом, училищный знак, погоны и... кортик! Значит, я так же, как и Мишка, отныне не просто лейтенант, а лейтенант морской пехоты! И хотя о назначении на флот было известно заранее и мы с Мишкой даже сшили себе флотскую форму, до самой последней минуты меня не покидали какие-то сомнения, что все может измениться в самый последний момент, и вот наконец все свершилось!

– Удачи тебе, морячок! – улыбается старичок-генерал.

Держа равнение, мы проходим торжественным маршем мимо трибуны с начальством. И это тоже в последний раз!

В роте творится что-то невообразимое. Все торопливо переодеваются в лейтенантскую форму. Кто-то из наиболее нетерпеливых уже открывает заранее припасенное шампанское, пробки с оглушительным грохотом бьют в потолок.

– Быстрее! Быстрее, ребята! – волнуясь, кричит ротный. – Время! Закончить переодевание! Пора выходить! Рота, построение на улице! Господа лейтенанты, пошевеливайтесь!

Господа лейтенанты! Как непривычно и красиво, как почти сказочно звучат эти слова! И вот мы снова на нашем плацу. Теперь уже в офицерских тужурках. Все в зеленых армейских. Мы с Мишкой в ослепительно белых.

– Для прощания со знаменем училища! – звучит команда.

Бьет барабан. По первому удару мы снимаем фуражки. По второму преклоняем колени. По третьему склоняем головы. Прощай, училище! Здравствуй, флот, и здравствуй, море!

Наконец строй распускают, и мы попадаем в объятия родных и близких. Отец обнимает меня, а мама с бабушкой не скрывают своих счастливых слез. Еще бы, их сын и внук теперь офицер военно-морского флота!

– Как думаешь, наверное, уже пора? – вдруг спрашивает отца бабушка.

Глаза бабушки сразу же становятся озадаченными и строгими.

– По-моему, сейчас как раз самое время! – кивает он. – Отойдем в сторонку!

Мы уходим с училищного плаца и останавливаемся под ближайшим деревом. Отец достает из кармана маленький позеленевший от времени крестик на веревочной тесемочке.

– Помнишь, я рассказывала тебе о нашем родовом кресте? – спрашивает бабушка.

– Помню! – говорю я им. – Мне его еще дедушка показывал!

– Сегодня настал твой черед взять его в дорогу! Целуй и надевай!

Я прикладываюсь губами к кресту и ощущаю его приятный холод. Отец надевает мне его под рубашку на шею.

Бабушка трижды крестит меня, приговаривая:

– Спаси и сохрани! Во имя Отца, Сына и Святого Духа! Аминь!

– Ну вот теперь и ты заступил на службу Родине! – говорит мне отец.

Несмотря на царящее вокруг веселье, мне становится почему-то тревожно, словно с обречением креста у меня начинается какая-то совершенно другая жизнь...

Вечером в снятом нашим классом для выпускного вечера ресторане мы уже всюду рассуждали с Мишкой о дальних плаваниях и дальних странах. Еще бы, мы уже знали, что нас ждет “солнечный Пиллау” – Балтийск. Отныне мы командиры десантно-штурмовых взводов гвардейской бригады морской пехоты Балтийского флота.

Когда я не утерпел и показал другу только что переданный мне семейный талисман, тот иронично скривил губы.

– Ты что, верующий?

– Да вроде бы нет, – замаялся я. – Это просто семейная реликвия, наш оберег от всех напастей!

– Выбрось и забудь! – сплюнул Мишка. – Вот амулет так амулет!

Он запустил руку за ворот рубашки и вытащил оттуда маленького эбонитового чертика на тесемке с желтыми глазками и оскаленной пастью. Выражение рожи у чертика было столь злобное, что меня даже передернуло:

– Зачем тебе эта дрянь?

– Уж защитит получше твоего креста! – усмехнулся Мишка. – Считаю, что это мой родовой амулет! Мне его моя бабка передала, а она у нас в поселке всегда первой ведьмой считалась!

Мишкину бабку я уже имел честь лицезреть, а потому сейчас говорить о ней мне совсем не хотелось и я сменил тему, заговорив о нашем недалеком будущем, ведь как морским пехотинцам нам предстояло участие в боевых службах кораблей.

– Сейчас, насколько я знаю, балтийская бригада несет службу в Анголе. Один батальон в готовности в Балтийске, второй – на боевой службе. И так по очереди: полгода одни, полгода другие. Представляешь, что мы скоро без всякой турпутевки попадем в настоящую Африку! Сколько всего там увидим!

– Ну, старикашка! – охладил мой пыл Мишка, явно стремясь деланно важным видом произвести впечатление на свою знакомую. – Скажу тебе, как старый морской волк молодому: главное для тебя – это не вывалиться в иллюминатор в штормовое море!

– А что будет, если все-таки выпадет? – испуганно заморгала Мишкина подружка.

– Что, что! Акула слопает! – добил ее Мишка.

– Неужели и такое бывает? – ужаснулась уже и моя спутница.

Требуемый эффект был достигнут, но Мишке этого было мало.

– У нас на флоте и не такое бывает! – понесло моего друга. – Особенно когда много “шила” проглотить!

– Зачем же морякам шило-то глотать надо? – в ужасе всплеснула руками одна из девушек.

– Это наша старая пиратская забава! – вновь хохотал Мишка.

– Да не слушайте вы этого болтуна! – успокоил я перепуганных девчонок. – “Шилом” на флоте называют спирт.

Наши спутницы весело посмеялись над Мишкиным остроумием и своей наивностью. Мы пили вино и танцевали до упаду. Боже, как я был счастлив тогда!

* * *

В одну из ночей на Небесном Холме я проснулся от далеких криков и железного лязга. Звуки были незнакомы и в то же время очень и очень узнаваемы. В тревоге я выскочил из своего жилища и сразу же наткнулся на стоявшего у порога Любомудра.

– Что случилось? – крикнул я ему.

– Не стоит беспокоиться! – ответил он мне. – Иди и спи. Все идет своим чередом.

– И все же что происходит? – не удовлетворился я ответом.

Любомудр пожал плечами, хотя все же был явно взволнован.

– Наши враги хотят выкрасть тебя! – сказал он нехотя после паузы. – Но все плохое уже позади, и сейчас мы добиваем последних! Спокойной ночи тебе, Посланник!

Ничего себе, спокойной ночи! Надо ли говорить, что я так и не сомкнул глаз?

А под самое утро в моей землянке внезапно оказалась девушка. Как она могла пройти сквозь все заслоны и пикеты, просто удивительно. Лицо незнакомки было озабочено и радостно одновременно.

– Не волнуйся! – сказала она мне. – Никто не посмеет причинить тебе зло, пока я с тобой!

Я еще раз внимательно глянул в ее лицо и обмер, ибо узнал. Именно это лицо я видел тогда в небе, когда лежал распнутый на жертвенном камне, именно эту девушку я видел тогда

на ночном шоссе! Та же копна длинных золотых волос, те же огромные голубые глаза. На голове ночной гостьи был венок из полевых цветов.

– Мы, кажется, уже встречались? – неуверенно спросил я, ища ее взгляд.

В ответ незнакомка загадочно улыбнулась:

– Я рада, что ты меня еще не забыл!

Девушка подошла ко мне и несколько раз провела ладонью по голове:

– Я очень долго тебя ждала, ты мне слишком дорог, и поэтому я очень боюсь тебя потерять! – не сказала, а выдохнула она.

– Но кто ты? – спросил я ее, совершенно сбитый с толку происходящим.

– Мы еще не раз встретимся, и ты обязательно узнаешь мое имя! Возьми от меня на память! – Девушка сняла с головы венок из полевых цветов и положила передо мной. – А пока прощай!

Порывисто поцеловав меня в губы, незнакомка так же таинственно исчезла, как и появилась.

Я ошарашенно оглядывался по сторонам: куда делась явившаяся мне девушка и была ли она вообще? Внезапно мой взгляд упал на стол, я увидел оставленный венок полевых цветов. Значит, моя таинственная посетительница не обман и не видение, значит, она на самом деле была! До самого восхода солнца я сидел, неотрывно глядя на венок. Кто ты? Откуда? Почему и зачем вошла в мою жизнь?

Едва рассвело, я поспешил спуститься с холма, чтобы своими глазами удостовериться в сказанном мне ночью жрецом. Вокруг холма были видны явные следы недавней битвы. Воины перевязывали раненых, сносили в разные места тела поверженных врагов и павших товарищей. В воздухе уже кружило воронье. Сзади ко мне незаметно подошел Любомудр.

– Скоро ты будешь знать столько, сколько и я, а затем и многим более! Пока же тебе некогда отвлекаться на подобные мелочи. Иди наверх, тебя ждет твой меч! Не огорчайся, твои битвы еще впереди, поверь мне, их будет у тебя более чем достаточно! Будь же готов к ним!

– Но чей же я все-таки Посланник? – не выдержав, спросил я его.

Старик усмехнулся углом губ:

– Ты – это тот, Кто Открывает Путь! Сегодняшней ночью тебя посетят наши боги! Готовься к великой встрече с ними!

Ничего себе ответ! Что Посланник, что Открывающий Путь, что в лоб, что по лбу! Да еще какая-то встреча с какими-то богами! Час от часу не легче! Я хотел было высказать все, что думаю по этому поводу, но Любомудр уже повернулся ко мне своей согбенной спиной. Этот волхв был мне здесь самым близким человеком. Может, потому, что был стар и мудр, а может, потому, что это был единственный человек, который меня понимал.

В тот день я особенно яростно рубился с добродушно-молчаливым Вакулой. Мой натиск был столь бешеным, что соперник выглядел довольно растерянным и как-то вяло отбивал шквал моих ударов. Общий итог схватки остался в тот раз за мной, и явно не ожидавший от меня такой прыти Вакула счел за лучшее прекратить на сей раз мое обучение раньше времени.

С наступлением вечерней темноты пришедший ко мне Любомудр повел меня на вершину холма, где к тому времени развели большой костер. Встав в круг возле костра, волхвы что-то усиленно шептали, протягивая к небу руки. Затем они бросали в костер какие-то зелья, и огонь вспыхивал с невероятной силой. Едва же взошла луна, волхвы как по команде удалились.

Я остался у костра один. Подняв голову, я смотрел на небо и думал о том, что, может быть, уже совсем скоро я наконец-то узнаю, зачем я здесь и что меня ждет в будущем. По небу неслись тучи, диск луны то закрывался ими, то, наоборот, ярко блистал в разводах туч. Ночной ветер шелестел в верхушках деревьев, несмотря на жар огня, мне было весьма неудобно, зябко и одиноко.

– Здравствуй, Открывающий Путь! – раздался внезапно за спиной громкий и резкий голос.

Я обернулся, и спина моя мгновенно покрылась мурашками. Передо мной стояло настоящее чудовище: получеловек-полумастодонт. Ростом более двух метров, с лицом, отливающим золотом, и длинными серебряными усами. Но более всего поразительным было то, что мастодонт имел два лица при одной голове. Это было столь невероятно и жутко, что я обомлел. Незнакомец же смотрел на меня пристально и пронизывающе, не скрывая, что изучает мою особу. Его зеленые, почти кошачьи глаза, казалось, старались забраться в самую глубь моей души, чтобы вывернуть ее наизнанку. Не зверь и не человек, источающий бешеную силу и не менее бешеную злость.

– Кто ты? – спросил я, стараясь сохранить самообладание, понимая, что передо мной стоит кто-то из местных богов, чье изображение я уже не раз видел вырезанным из дерева.

Совсем рядом громко заржал конь. Может быть, это был конь прибывшего бога? Но если это его конь, то откуда он мог сюда приехать?

– Я великий бог этих земель Перун – повелитель храбрых и доблестных! – пророкотал своим громовым голосом явившийся предо мной бог, и мне показалось, что его черные ноздри пыхнули огненными искрами.

– Что ж, – сказал я, стараясь держаться как можно более независимо. – Оригинал много лучше своих деревянных копий.

– Спасибо за комплимент! – ответил Перун. Глаза его сузились в две пронзительные щели: – Ты мне пока нравишься!

– Взаимно! – беспардонно покривил я душой.

– Ну а как тебе здешний прием? – прогрехотал Перун.

Ночной небосвод пронзила острая вспышка молнии. Чуть погода донеслись и раскаты грома. Я невольно глянул вверх, ожидая дождевых струй.

– Встреча была душевна, особенно поначалу!

Перун мотнул своей двуликой головой, серебряные усы его со скрежетом зашевелились:

– Ты Посланник, а потому у тебя впереди опасный, но славный путь!

– Что и когда я должен сделать? – Честно сказать, мне было несколько не по себе, а потому я был предельно лаконичен.

– Ты должен идти и добыть мне Священный Меч предков!

– С кем идти? Куда? Против кого?

– Против мировой нечисти в северные земли с моей дружиной! Властитель нечисти Коуш захватил Священный Меч, не имея на него никаких прав, и готовит с его помощью уничтожение людского племени!

“Ничего себе масштабы! – подумалось мне с тревогой. – Нет чтобы просто с нечистью, а то сразу с мировой!”

– Когда? – спросил я, стараясь выглядеть как можно спокойней.

– Об этом тебе скажут волхвы, – ухмыльнулись разом оба лика Перуна. – А с тобой мы еще увидимся не раз, пока же прощай, Посланник!

Бог легко вскочил в седло огромного крылатого коня. Скакун бил в землю горящими копытами, в хвосте его вспыхивали и гасли голубые и зеленые искры. Перун натянул поводья. Конь всхрапнул и, легко оттолкнувшись от земли, круто взмыл вверх. В небе было светло от бесчисленного количества молний, в ушах звенело от громовых раскатов. Затем все разом стихло. Дождя я, к своему удивлению, так и не дождался. Возвращаясь, думал о только что состоявшейся встрече. Меня оставили жить, объявили чьим-то посланником, затем привезли сюда и поставили задачу идти воевать. В конце концов, я солдат. Только что я получил приказ, правда, более чем необычный, но зато вполне конкретный. А потому я обязан его выполнить, а по выполнении доложить, как и положено настоящему солдату!

Спускаясь со священной поляны, я наткнулся на волхвов, сидевших кружком и явно ждавших меня. Увидев мою особу, они разом вскочили и начали петь, выкрикивая что есть силы:

Славься Перун – бог огнекудрий!
Ты посылаешь стрелы небесные во врагов,
Ты ведешь верных тебе стезей верной!
Ты нам – честь и суд.
Ибо праведен ты, златорун, милосерд!

Ничего не говоря, я прошел мимо певших. Они, как мне показалось, уже забыли про меня. Запрокинув свои седые головы к небу, они продолжали увлеченно голосить свои гимны.

Так прошла эта памятная для меня ночь. И если кое-что новое для себя я выяснил, то вопросов возникло при этом еще больше.

* * *

– Подходим к берегу! Десанту приготовиться к высадке! – голос командира большого десантного корабля по “каштану”¹ сух и лаконичен, но мы невольно переглядываемся. Вот оно, начинается!

Я в последний раз обхожу стоящие на десантной палубе бэтээры и танки. Экипажи и десантники уже заняли свои места. Ребята спокойны, но внутреннее напряжение чувствуется. Еще бы, ведь все они сегодня впервые идут не в учебный, а в настоящий бой. Я, впрочем, тоже. Как могу, подбадриваю их. На десантной палубе невыносимо жарко и душно. Люди буквально купаются в собственном поту. Забираюсь на броню своего “флагманского” танка. Пробегающий мимо корабельный матрос протягивает мне большой алюминиевый чайник с водой. Пью прямо из носика. Вода почти горячая и горькая, не иначе как из опреснителя. Напившись, рукавом камуфляжа вытираю губы. Теперь остается только одно – ждать, когда прозвучит команда “вперед!”

Мы уже больше полугода в составе десантных сил нашей оперативной Индийской эскадры. Наш батальон сменил здесь тихоокеанцев. Им тоже пришлось не сладко. Довелось и пострелять, и повысаживаться, но тогда события еще только начинались. Нам же, судя по всему, придется лезть в самое пекло.

Все сведения о последних драматических событиях в районе так называемого Африканского Рога мы больше черпали из теле— и радиопередач, чем из оперативных сводок. Почему так было, не знаю. Может, наша разведка в этом регионе не слишком владела информацией о происходящих событиях, а может, наше командование просто не считало нужным посвящать нас во все хитросплетения местных дел. Большую часть времени мы сидели на Сакотре, где занимались боевой подготовкой, ибо кроме этого там делать было просто нечего. А пока мы занимались бесконечными стрельбами да рубили разлапистые кораллы на сувениры родным и друзьям, совсем рядом с нами, через Красное море, ситуация стремительно накалялась. В районе Эритреи столкнулись интересы Эфиопии и Сомали. Эфиопы первыми бросили сюда армию, возглавляемую нашими инструкторами. Сомалийцы не остались в долгу и ответили своими силами освобождения Эритреи во главе с инструкторами-американцами. И те и другие имели еще с ветхозаветных времен какие-то права на этот кусок выжженной солнцем пустыни и теперь вдруг разом о них вспомнили. Судя по всему, эритрийцы где-то обскакали своих бра-

¹ «Каштан» – внутрикорабельное многоканальное переговорное устройство

тьев-эфиопов, а потому кем-то и было решено в поддержку последним позвать и нашего брата россиянина.

И теперь два БДК², “Красная Пресня” и “Донецкий шахтер”, в порядке почти всей Индийской эскадры на полном ходу мчатся через Красное море к песчаным пляжам Эритреи, чтобы, сбросив на берег десант морской пехоты, спасти кого-то от кого-то.

Я командую десантно-штурмовой ротой, размещенной на “Красной Пресне”. Мишка со своей ротой на “Шахтере”. Вместе с ним и комбат со своим штабом.

В динамике “каштана” что-то надрывно скрипнуло. Затем послышался усталый голос командира корабля:

– Десанту приготовиться! Открыть ворота!

– Вот оно! Началось! – Сердце забило бешеными толчками.

Это моя первая война и первый бой, к которому я готовился столько лет. Я засунул руку под тельняшку и вытащил оттуда крест.

– Ну, как говорила бабушка: спаси и сохрани!

Поцеловал крест и засунул его за ворот тельняшки.

Две половины носовых ворот начали медленно расходиться в стороны. В образовавшуюся щель ворвалось яркое солнце. Вот щель становится все больше и больше. Вот наша дверь в мир уже открылась во всю свою ширь, наполнив десантную палубу ослепительным южным солнцем. До берега еще неблизко, но дальше корабли идти не могут. Прибрежные воды усеяны массой рифов. До берега мы уже будем добираться самостоятельно. Где-то над головой ухают орудийные залпы – это наша корабельная артиллерия начала обработку плацдарма во избежание возможных сюрпризов. Напрягая слух, пытаюсь разобрать в грохоте пушек незнакомые мне нотки. Если так, то это значит, что с берега тоже ведут ответный огонь. Однако ничего незнакомого мои уши не улавливают, и я успокаиваюсь.

– Опустить аппарат³! – раздается по циркуляру голос командира корабля.

Гудя мотором, медленно опустился горизонтально металлический настил-трап, по которому нам предстоит сейчас съезжать прямо в воду.

– Пошел десант! Пошел первый! – кричит голос в динамике. И уже не по-уставному, тоном ниже: – Желаю удачи, ребята! Возвращайтесь живыми!

Первый – это я.

– Давай! – говорю своему механику-водителю. – Обороты держи как можно меньше! Спускаемся с аппарели, сразу отходи влево! Начинаем выстраиваться для движения к берегу! Ну, с богом! Пошли, славяне!

Мой танк, утробно урча двигателем, сползает и плюхается в раскаленную солнцем воду. За ним второй, третий... За танками пошли бэтээры – амфибии. Выстроившись в походный порядок, начинаем движение к желтой полоске пляжа, за которой видны чахлые рощи занесенных песком пальм. В триплекс лихорадочно осматриваю берег, не видно ли где вспышек орудийных залпов, но ничего подобного обнаружить не могу. Зато хорошо видно, как по всему пляжу и дальше встают султаны песка – это уже вовсю работает наша корабельная артиллерия. Справа виден строй танков Мишкиной роты. Его машины идут к берегу на хорошей скорости, четко выдерживая дистанцию. Да иначе и быть не может: Мишка есть Мишка!

Внезапно слышу бешеную дробь по танковой башне. Рядом с плывущим танком встают фонтанчики воды. Еще мгновение, и они почти закрывают мне видимость. Значит, по нам уже начали вести огонь! Значит, впереди бой за высадку! Что ж, теперь только вперед, а там будь что будет!

² БДК — большой десантный корабль

³ Аппарель – опускаемая металлическая сходня, предназначенная для высадки десанта и выезда автобронетехники из десантного трюма десантного корабля

* * *

Проснувшись, я долго не могу прийти в себя, все время возвращаюсь к фрагментам своей прошлой жизни. Тягостные раздумья о загадках собственного бытия прервал стук в дверь.

– Входи! – Я нехотя спустил ноги со своей лежанки. Это Любомудр. Старик выглядел взволнованным и озабоченным.

– Ты говорил с Перуном? – спросил он меня.

– Да! – кивнул я ему.

– Велел ли он тебе следовать в нечистые земли?

– Да! – снова подтвердил я.

– Готов ли ты к этому подвигу!

– Разумеется, готов, – развел я руками. – Что мне еще остается делать?

– Значит, твой час настал! Собирайся в дорогу! Время не ждет! – велел мне верховный жрец и, тяжело опираясь на свой крючковатый посох, куда-то побрел.

День прошел в сборах. Меня посвящали в тонкости предстоящего похода. Уже в сумерках Любомудр снова пришел ко мне.

– Пойдем, я покажу тебе твой путь! – сказал он.

Выйдя из землянки, старец запрокинул голову и что-то долго шептал, а затем показал мне рукой в черное вечернее небо:

– Смотри, это Седован-звезда, она указывает точно на север, пока будешь идти на нее, ты никогда не ошибешься!

Я посмотрел туда, куда указывал старый волхв. Далеко в небе ярко и призывно светила до боли знакомая Полярная звезда! “Здравствуй, старая знакомая! – мысленно сказал я ей. – С тобой мне будет не так одиноко! Сколько раз на полевых занятиях по ориентированию ты указывала мне путь к цели!”

– Следуй со мной! – велел мне Любомудр. – Я покажу тебе твой отряд, тех, кто пойдет с тобой в поход и кто будет оберегать тебя от всех опасностей и напастей! Раньше мы отправляли в землю нечисти большие дружины и толку от этого было мало. Наши воины гибли во множестве, не принося никакой пользы. Однако теперь Перун подсказал нам новый способ одоления врага: послать небольшой, но отборный отряд. Ты же как Посланник должен его возглавить, и тогда обязательно, в силу обещаний Перуна, мы добьемся успеха и уничтожим тех, кто желает нашей гибели!

Что касается “обещаний” Перуна, то, несмотря на пафос в словах верховного жреца, я отнесся к этому весьма скептически. Мое личное общение с богом грома и молнии настроило меня на несколько скептический лад относительно этой самовлюбленной персоны. Наверное, на моем лице при упоминании имени Перуна отразилось мое к нему отношение, потому что Любомудр, внимательно поглядев на меня, заметно помрачнел.

– Кто такой Властитель нечисти Коуш? – спросил я Любомудра.

– Этого точно не знает никто! – помолчав, ответил тот. – Говорят, что Коуш очень стар и выглядит как настоящий скелет, но это только одно из его обличий. Говорят, что когда-то он был казначеем у бога Белеса, но сбежал от него к нечисти и вскоре возглавил ее. Говорят, что его самое любимое занятие – пересыпание драгоценных камней и золота, говорят, что он иногда ворует для себя девиц и может жить вечно.

– Ни дать ни взять наш сказочный Кощей Бессмертный! – вырвалось у меня.

Любомудр как-то странно поглядел на меня:

– Да в стародавние времена Коуша иногда называли и так! Его полное имя Кощей Трепетович.

Теперь уж пришла очередь удивляться и мне.

– Коуш – бог?

– Точно не знаю, но он долгое время был рядом с богами, а потому многое знает и многое может. Возможно, что он происходит из знатного древнего рода, проклятого богами.

– Почему боги сами не разберутся с Коушем?

– То мне неизвестно, ибо то дела божественные! – ответил мне Любомудр, и в голосе его была тревога. – Мы же не будем обсуждать наших богов!

– Я же слышал, что смерть Коуша находится в иголке, которая упрятана в яйцо, яйцо в утке, а утка в зайце, который сидит в сундуке, висящем в ветвях дуба на каком-то острове! – поразил я верховного волхва своими знаниями.

– Про то мне ничего не известно! – пожал он плечами, но по глазам я понял, что Любомудр просто потрясен моей осведомленностью.

Неподалеку от землянки нас уже ждала группа рослых, облаченных в доспехи воинов.

Впереди остальных стоял кряжистый седой крепыш. Лицо его, несколько обезображенное сабельным ударом, было, однако, весьма приятным, хотя и излишне хмурым. Свой островерхий шлем он держал на согнутой руке.

– Это воевода Вышата! Он будет главенствовать над всеми воинами и станет тебе надежной опорой! Вышата лучший из наших воевод. Он вырос в боях и никогда не знал поражений!

Я протянул руку воеводе, и он крепко пожал ее.

– Будем знакомы, Вышата! – сказал я ему.

– Будем знакомы, Посланник! – ответил он мне.

В голосе воеводы я не уловил ни тени того подобострастия, которое неизменно присутствовало в речах окружающих меня волхвов, и это мне сразу, честно говоря, понравилось. Любомудр представил мне следующего из воинов:

– Это Вакула – наш великий витязь и силач! Впрочем, вы уже хорошо знакомы!

Вакулой оказался мой напарник по учебным боям с мечами. Здоровенный детина с добродушным, почти детским лицом. Меня Вакула приветствовал, на правах старого приятеля, обезоруживающей улыбкой. Если бы не присутствие воеводы и верховного жреца, то я почти не сомневаюсь, что силач бы с удовольствием заключил меня в свои объятия. Любомудр тем временем подвел меня к другому воину.

– Рогдай – мастер лазуточных дел и тайных походов во вражьи станы!

Рогдай был высоким голубоглазым белокурым красавцем с точеным лицом и широчеными плечами. По этому местному Алену Делону наверняка сохли десятки и десятки девиц. На тонких губах Рогдая играла чуть заметная усмешка. Глаза, внимательно изучавшие меня, были пронзительны и умны. От всего облика Рогдая веяло некой холодностью и даже настороженностью. В противоположность Вакуле Рогдай был не так-то прост. Если первый выглядел таким силачом-увальнем, то второй смотрелся как настоящий аристократ. Я встретился с ним глазами, и Рогдай едва заметно усмехнулся мне в ответ. Эти двое были, как я понял, помощниками воеводы. Вакула по боевым делам, а Рогдай по тайным. А Любомудр уже представлял мне остальных воинов:

– Местко... Мезислав... Боруслав... Храбр... Ратибор... Межич... Зорич... Зверич... Спира...

– Это лучшие из лучших! – сказал мне верховный жрец, когда знакомство и обмен рукопожатиями были завершены. – Все они не раз и не два вступали в смертельные схватки с врагами и на деле доказали не только свою доблесть, но и преданность нашему делу и нашим богам! Все они воины Небесного Холма и по праву заслужили это великое звание. Все они давно ждут тебя, Посланник, и готовы, не задумываясь, отдать за тебя свои жизни!

– Спасибо на добром слове! – поклонился я своему воинству. – Однако мне хотелось бы, чтобы мы все вернулись обратно целыми и невредимыми!

– Да и мы вроде не против того! – развел руками добродушный Вакула, но тут же осекся под недовольным взглядом воеводы Вышаты.

– Я сверился с небесными часами, и они определили наилучшее время вашего выступления в поход! – повернувшись ко мне, сказал Любомудр.

– Когда же нам надо выступить? – спросил я его.

– Завтра поутру! – ответил мне верховный жрец.

– Завтра так завтра! – кивнул я ему довольно равнодушно, ибо никаких эмоций по этому поводу не испытывал.

В те дни мне все происходящее вокруг было настолько чуждо, что идти куда-то в неведомые края было даже предпочтительнее, чем оставаться на Небесном Холме в окружении ритуальных маньяков-волхвов, ожидая двуликого уродца Перуна.

В тот вечер я пошел пройтись в березовую рощу у подножия Холма, чтобы отвлечься от своих безрадостных дум, и неожиданно наткнулся на весьма обычное в здешних местах шествие. Несколько воинов везли на лошади мальчишку-подростка. Тот, связанный по рукам и ногам, был брошен поперек лошади. Я сразу же догадался, что мальчишку везут на Небесный Холм для жертвоприношения. Вообще-то Любомудр настоятельно не рекомендовал мне соваться в дела волхвов, но тут я просто не мог стерпеть. Зрелище несчастного обреченного мальчишки было столь вызывающе страшным, что я не выдержал и, заступив дорогу едущим, поднял руку:

– Немедленно остановитесь и освободите ребенка!

– Это кто еще такой здесь выискался! – расхохотался один из воинов и, неторопливо вытащив из ножен меч, направил прямо на меня своего коня.

Я был совершенно безоружным и остановился, но не отдавать же им мальчишку! Глядя в бородатое лицо воина я понимал, что и тот шутить не намерен. Не знаю уж чем бы все закончилось для меня на опушке той березовой рощи, если бы внезапно не появился Вакула. Богатырь, мгновенно сориентировавшись в обстановке, выхватил свой огромный меч и бросился наперерез наезжавшему на меня воину. Тот оглянулся на бегущего к нему богатыря и тут же остановился. Когда же Вакула в три прыжка подскочил к нему, воин без всяких разговоров молча бросил свой меч в траву.

– Благодарю Перуна, что ты успел это сделать! – гаркнул ему подскочивший Вакула и с силой отшвырнул ногой валявшийся меч в сторону.

Тот, несколько раз перевернувшись в воздухе, отлетел на добрый десяток метров. Остальные воины безмолвно застыли на своих лошадях.

– Может, кто-то из вас желает померяться силой с дружинником Небесного Холма? – обвел всех взглядом Вакула.

Ответом ему было всеобщее молчание.

– Тогда немедленно исполните волю Посланника! – хмуро кивнул обезоруженному всаднику богатырь. – И побыстрее!

Повторять два раза не пришлось. Спешившиеся воины, теперь с опаской поглядывая на меня, быстро развязали мальчишку и, бросив его на землю, тут же развернули своих лошадей. Вакула коротким взмахом меча разрубил веревки. Разминая затекшие руки, мальчишка испуганно поглядывал на нас с Вакулой.

– Не бойся нас, – сказал я ему и, подойдя, положил руку на плечо. – Мы твои друзья!

– Как тебя зовут? – поинтересовался Вакула и протянул мальчишке поясной туесок с водой.

– Всегдр! – ответил тот и с жадностью набросился на воду.

Подождав, пока мальчик напьется и немного придет в себя, я начал расспрашивать его о том, почему его везли на жертвоприношение.

Как выяснилось из расспроса, Всегдр был родом из дальнего лесного селения. Матери он лишился вскоре после рождения. Отец его погиб, охотясь на медведя. Некоторое время его воспитывала сестра матери, но потом умерла и она, малец остался совсем один. И хотя с голоду он не умирал, так как его подкармливали все жители селения, жилось сироте, разумеется, не сладко. Но вот настал момент, когда приехавший в селение гонец возвестил о пришествии Посланника и потребовал от имени волхвов на Небесный Холм человеческую жертву. Мужчины селения вот уже несколько лет ни с кем не воевали, а потому припасаемых обычно для такой цели пленников у них не было. После долгих раздумий решено было остановиться на сироте. И хотя все понимали, что отдача на заклятие безродного мальчишки являлась делом недобрым, каждому свои родственники были дороже. А потому, попросив прощения у Сварога за свершаемое дело, старейшины селения повелели вязать мальчишку и везти его на Небесный Холм.

– Теперь тебя никто не тронет! – сказал я Всегдру, когда тот завершил свой печальный рассказ. – Теперь ты мой товарищ и мой друг!

Вакула тоже был доволен исходом дела и, потрепав мальчишке волосы, велел говорить отныне ему обо всех обидчиках. На что мальчишка лишь сверкнул глазами:

– Со своими обидчиками я привык разбираться сам! Главное, чтобы мне руки никто не вязал!

– Каков шалопай! – искренне восхитился Вакула. – Теперь уж точно мы подружимся!

Любомудр, узнав о моем разбое и отбитии жертвы, отнесся к этому с неодобрением, хотя и достаточно спокойно.

– Как знать! – сказал он мне. – Возможно, и спасение этого дитяти также предусмотрено небом!

Ночевал Всегдр на пороге моей землянки. Когда же наутро я сказал ему, что отправляюсь в опасное путешествие и вынужден оставить его здесь, что теперь никто не причинит ему зла, то мальчишка внезапно насупился и объявил, что если я не возьму его с собой, то он предпочтет умереть на жертвенном камне.

– Ты, Посланник, никогда не пожалеешь, что взял меня! – горячо убеждал меня мой новый маленький друг. – Я умею биться мечом, знаю разные приговоры, я ловок и быстро бегая!

– Пусть будет по-твоему! – сказал я ему голосом, не допускающим никаких возражений. – Ты поедешь со мной!

Любомудр и к этому моему решению внешне остался равнодушен.

– Как решил Посланник, так тому и быть! – сказал он громко при всех. – Может, жертвенное искупление этого мальчика поможет тебе в какую-нибудь тяжелую минуту! Хотя в то же время теперь тебя, Посланник, сопровождает тринадцать человек, а это не слишком хорошее число! Один из воинов явно лишний! Но кто?

Сказав это, Любомудр на мгновение задумался, а затем, подойдя ко мне вплотную, зашептал на ухо:

– Сдается мне, Посланник, что это знак свыше! Как знать. Уж не замыслили чего силы Тьмы против тебя! Будь всегда настороже и бойся предательства, особенно смотри за этим безродным мальчишкой! Помни, что тринадцать – число роковое!

Старый и воистину мудрый Любомудр! Как прозорлив он был в большом и как искренне ошибался в малом!

Воевода Вышата новым пополнением остался недоволен, хотя старался не показывать вида. С Всегдром он демонстративно не общался и вообще старался не замечать его присутствия в отряде. К моему удивлению, самую большую неприязнь Всегдру сразу же выказал Рогдай, который буквально испепелял подростка взглядом и, как мне показалось, был готов

разорвать мальчишку в клочья. Почему мальчишка вызвал такую неприязнь у начальника нашей разведки, я понял, к глубокому сожалению, намного позднее...

В последний раз зайдя в свою землянку, я остановил взгляд на том, что было мне ближе и роднее всего в этом чужом и враждебном мире – на венке полевых цветов. Он был по-прежнему свеж и благоухал. Удастся ли мне вернуться сюда еще? Увижу ли я когда-нибудь хозяйку этого венка?

Перед самым отъездом ко мне подошел Любомудр.

– Возьми, Посланник! – сказал он мне и протянул большой пучок стрел. – Это стрелы с серебряными наконечниками. Иногда помогают против нечисти, когда все другое оружие уже бессильно!

– Спасибо! – кивнул я ему.

После короткого молебна и напутствия Любомудра мы оседлали своих коней. Выстроившиеся вдоль дороги волхвы затянули длинную песнь:

К тебе, громовержец, храбрейший Перун,
Властитель битв и борьбы,
Идущие нынче на смертный бой,
С мольбой обращаемся мы.
Веди нас, сверкающий в небе величем,
Стезею великих побед!
Дай силы в сраженьях и тризны великой,
Не брось и в сегодняшний день!
Клянемся тебе, что не имем мы срама
И дорого жизнь отдадим!
Пусть бьет над главами крылами мать – Слава,
Пусть острыми будут мечи!

Где-то высоко в небе волхвам тонко подпевал залиvistый жаворонок. Ночью прошел дождь, а потому в воздухе пахло свежестью. Я оглянулся на бывший уже на приличном отдалении Холм:

– Прощай, мое очередное пристанище! Я не горюю особо, покидая тебя, но все же здесь был мой маленький Дом и здесь меня посетила загадочная любовь! А теперь вперед, навстречу неизвестности!

Наш небольшой, в полтора десятка человек, отряд вытянулся цепочкой. Воины были опытные, и все делалось без всяких команд со стороны Вышаты, как бы само по себе. Первым, возглавляя отряд, ехал воевода, за ним Рогдай. Я и Вседр были помещены в самое безопасное место – в центр. Замыкали наши походные порядки Вакула и Местко.

Глава третья

Река символов

Несколько дней пути – и возбуждение, которым обычно сопровождаются все проводы и встречи, заметно поубавилось. Весь отряд как-то внутренне подтянулся, все стали серьезны и сосредоточенны. Впрочем, пока мы все еще ехали по землям своих родов, и никакой опасности нам не предвиделось, хотя воевода все же старался объезжать все попадавшиеся на пути селения стороной. Для ночлега обычно подыскивали места у ручьев, сразу же разводили костры. Маленький Всегдр метался как заполошенный: он таскал хворост и поил лошадей, готовил пищу и напрашивался в дозор. Отношение к мальчишке постепенно улучшалось. Лишь Вышата и Рогдай все еще относились к нему с подозрением и явным недоверием.

Минуло еще несколько недель однообразной езды, а вокруг все было по-прежнему спокойное. Все так же шелестели над головой бесконечные густые леса. В кронах деревьев веселились беззаботные птицы, и лишь изредка дорогу перебегали стада оленей и лосей. И хотя мне вся эта идиллия очень и очень нравилась, время от времени все же вспоминалось жуткое чудовище, внезапно вылезшее из болота во время поездки к Небесному Холму, и скрытое чувство опасности сразу же заставляло проверить готовность к бою.

Но вот настал день, когда мы подъехали к широкой реке. Едва за деревьями мелькнула синяя гладь, как лица моих спутников разом посуровели и напряглись.

– Река Символов! – мрачно сказал, подъезжая ко мне, Вышата.

– А что за ней? – спросил я его, вглядываясь в темный лес на противоположном берегу.

– Там чужой мир! – еще более мрачно ответил мне воевода.

– Бывал ли ты там когда-нибудь?

– Приходилось! – вздохнул Вышата. – Но оттуда мало кто возвращается!

– Там живет враждебное племя? – Наверное, я выглядел сейчас назойливым, но интерес мой был далеко не праздным. – Там какие-то люди, желающие зла твоему народу?

– Нет, – покачал головой воевода. – Там нет людей. Там только нелюдь!

Меня словно током ударило. Значит, мы уже прибыли туда, откуда начнется наша дорога в неизвестность. Теперь я уже с опаской поглядывал на далекий лес, на воду и на шелестящий над ней камыш. Перебираться через реку на другой берег мне как-то сразу расхотелось.

Меж тем солнце уже понемногу начинало клониться к закату. Переправляться вечером Вышата посчитал неуместным, к тому же надо было еще найти речных стражников. У них можно было разузнать кое-что о делах на противоположном берегу, к тому же стражники могли помочь и с переправой. Трех воинов Вышата немедленно послал на поиски стражи, остальные же занялись рубкой деревьев и изготовлением плотов. Работа эта была, видимо, всем хорошо знакома, воины справились с ней достаточно легко. Довольно скоро было повалено несколько толстых дубов. Затем их перетаскивали на прибрежный песок, где связали между собой. Из бревен потоньше сделали весла и рули, укрепив и то и другое на хитрых распорках. В конце концов получилось два больших плота. Несмотря на всю неказистость, они внушали уважение своей явной добротностью.

– Один будет основным, для переправы! – сказал мне Вышата. – А второй на всякий случай, про запас!

Вскоре показались и наши воины, посланные на поиски стражи. Вместе с ними ехала целая группа всадников. Пожилой и бородатый воин, легко соскочив с коня, подошел к Вышате, и они троекратно расцеловались.

– Это воевода речной стражи Бродич! – представил мне прибывшего Вышата.

– Мы уже извещены о тебе, Посланник, и ждем тебя! – приложил Бродич руку к сердцу. Я сделал тот же жест. Поглядев на наши “боевые корабли”, Бродич кивнул.

– Мы тоже заготовили вам загодя несколько надежных плотов.

– Это никогда лишним не будет! – многозначительно заметил Вышата.

За вечерним костром начальник стражи поведал нам последние новости с того берега.

– Уже с полгода, как мы прекратили вылазки на нечистую сторону, – рассказывал он неторопливо, обращаясь больше к Вышате, чем ко мне. – Последний раз потеряли там слишком много людей, чтобы повторять походы. На той стороне последнее время что-то происходит, но что, точно сказать я не берусь. Во время последней вылазки вообще произошло ранее небывалое. Когда мы уже вернулись обратно, то спустя несколько дней на противоположном берегу увидели несколько наших воинов из тех, кого считали погибшими. Они были живы и просили о помощи. Разумеется, я немедленно организовал переправу, она конечно же не обошлась без жертв, но отставших мы вернули. Признаюсь честно, я не заметил в них ничего необычного. Правда, они не могли толком объяснить, что же с ними случилось, но мы посчитали, что сказались перенесенные волнения. А на следующий день в лагере начали происходить страшные вещи. Привезенные стали бросаться на своих же товарищей и впиваться зубами игл в глотки. Укушенные исходили пеной, а спустя несколько минут уже присоединялись к их укусившим. При этом глаза как у привезенных нами с той стороны, так и у укушенных были кроваво-красными и лишенными зрачков. С огромным трудом и немалыми потерями удалось со всеми расправиться.

– Что вы сделали? – спросил я.

– Разумеется, поубивали! – немного помолчав, сказал Бродич. – При этом у тех, кто вернулся с той стороны, были совершенно нечеловечьи зубы, настоящие волчьи клыки. Кстати, среди них был и твой друг Отадр!

– Да, – склонил голову Вышата. – Когда-то Отадр спас мне жизнь. Кто знал, что его ждет такая страшная судьба!

– Я думаю все же, что Отадр и остальные пали в бою, а те, кто пришел к нам, были ожившими мертвецами-оборотнями! – покачал седой головой Бродич. – Помянем же их светлые души!

Мы, не чокаясь, выпили по чаше с крепким медом. Помолчали.

– До каких пределов вам удавалось доходить во время последних вылазок? – продолжил свои расспросы Вышата.

– С тобой когда-то мы отдалялись от реки верст на десять, если помнишь, – ответил начальник стражи. – Но тогда сопротивление было гораздо слабее. Я чувствую, что нечисть крепнет и собирается с силами день ото дня. Добром для всех нас это не кончится. Близок тот час, когда они начнут рваться в наши земли через реку. Что тогда будет, сказать не берусь. Последние недели кто-нибудь оттуда все чаще и чаще пытается прорваться на нашу сторону. Раньше такого почти никогда не было. Теперь же почти каждую ночь. Позавчера они пытались пробиться целым отрядом. Теперь нам уже не до рейдов на ту сторону, впору удержать свой берег. Что касается твоего вопроса, то последние два раза мне удавалось, теряя больше половины людей, углубляться не более чем на пять верст. С каждой верстой сопротивление нарастало так сильно, что нам приходилось отступать.

– Кто сражается против нас на той стороне? – поинтересовался я.

– Однозначно сказать трудно. – Бродич, не отрываясь, смотрел на колеблющиеся языки пламени костра. – Всякий раз там подстерегает что-то новое. То какие-то драконы, то огромные свиноподобные твари, то летающие чудища. Каждый раз их нападение – полная неожиданность. Никогда не знаешь, откуда они ударят, с земли или с неба. Нечисть воистину неисчислима.

– Когда лучше переправляться? – спросил Вышата.

– Лучше всего ближе к полудню. Нечисть не любит яркого солнца и в это время не так агрессивна.

– А что нас ожидает в реке? – поинтересовался я.

Тут уж на меня посмотрели оба – и Вышата, и Бродич. Ответил Вышата:

– В речке тоже полно всякой мерзости, но она больше держится противоположной стороны.

– Значит, река – это граница двух миров?

Оба молча кивнули. Бродич подкинул в начавший гаснуть костер несколько веток.

– С речкой дела тоже стали хуже. Пакость, живущая в ней, стала все чаще подбираться к самому нашему берегу и подстерегать подходящих близко к воде. Так мы потеряли уже несколько человек. Да и в размерах твари прибавили. Помнишь, если раньше самые большие водные твари были с хорошую свинью, то теперь уже попадаются почти с корову. А совсем недавно объявилось вообще огромное создание, перекусывающее человека как тростинку. Мы его прозвали Речным Гадом. Правда, пока Гад этот всего один, а потому попадает на глаза не слишком часто, но, как говорится, лиха беда начало!

Мы помолчали. Костер, затухая, уже тлел. Внезапно с другой стороны реки раздался пронзительный и долгий вой. Кто-то невидимый и неведомый вопил в ночи, оглашая все и вся выворачивающим душу истошным воплем, от которого становилось по-настоящему жутко. Я глянул на Бродича, надеясь получить разъяснения. Тот, изменившись в лице, быстро-быстро шептал одними губами какое-то заклятие.

– Кто это?

Начальник стражи поднял на меня глаза. В них я прочел нескрываемую тревогу.

– Это плачет Кричащий-в-ночи!

– Кто это такой?

– Никто его никогда не видел, но все здесь знают, что плачет Кричащий-в-ночи всегда в предчувствии скорой крови! Он чувствует добычу и воплем созывает нежить на пир плоти. Сколько бы раз мы ни собирались уходить на тот берег и как бы мы ни соблюдали при этом тайну, всякий раз перед выступлением он воет и плачет. Теперь он кричит по вам.

– Нас еще рано хоронить. Пусть лучше поплачет о самом себе! – сказал я с неожиданной для себя злостью.

Оба воеводы промолчали. На небосводе брезжил ранний рассвет.

– Ну, *В се!* – встал от костра Вышата. – Давайте хоть немного поспим. День нам предстоит не из самых легких.

Укладываясь на конскую попону, я думал, что из-за воя Кричащего-в-ночи и всего того, о чем узнал сегодня, сидя у костра, так и не смогу заснуть, но ошибся. Сон мой был мгновенным, глубоким и на этот раз без всяких сновидений.

* * *

С восходом солнца мы начали приготовления к переправе, а перед полуднем приступили и к самой переправе через реку. Все облачались в боевое снаряжение. Из переметной сумы я вытащил тельняшку и надел ее под кольчугу. Что ждет меня на противоположном берегу, я не знал, но то, что в родном тельнике мне будет погибать куда легче, чем без него, – это я знал твердо. Одевавшиеся рядом воины молча, но с удивлением глядели на столь странную для них полосатую рубаху. Вакула, видимо, хотел меня спросить о ней, но не решился.

Первым рейсом на плоту отправилась ударная группа: Вышата с Рогдаем, Местко, Мезислав с пятью речными стражниками. С собой они взяли только оружие и огромное количество стрел. Вышата с людьми должен был добраться до противоположного берега, закрепить там канат и отправить обратно наш плот – паром для последующих рейсов. Затем, заняв круговую оборону на берегу, он должен был обеспечить нам успешную высадку. Насколько я понял, это был старый и испытанный прием здешней переправы.

Вокруг меня кипела работа. К месту переправы речные стражники подтянули свои резервные плоты, сделанные конечно же куда более основательно, чем наши. К урезу воды сносились припасы, сюда же привели и коней.

– Ну, да пребудет с нами Перун и удача! – осенил себя мечом Вышата, и наш авангард бодро отчалил от берега.

Едва плот отошел, как все на нем находившиеся, кроме гребущих, натянув луки, расселись вдоль бортов, всматриваясь в мутные волны. Сам Вышата, расположившись в центре плота, неотрывно глядел вперед. Видно было, что и эта операция отработывалась не один раз. Время тянулось до бесконечности медленно. Мы, оставшиеся, тоже до рези в глазах вглядывались в реку и в темнеющий за ней лес. Но все было спокойно и тихо. Вот плот легко ткнулся в прибрежный песок, и воины во главе с Вышатой спрыгнули на берег.

Они ловко закрепили канат за росшее у берега дерево и тут же заняли оборону.

Вышата свистнул птицей три раза. Это был условный сигнал, что у него все готово. На нашей стороне сразу несколько десятков воинов налегли на канат, и плот быстро заскользил обратно. Плот снова беспрепятственно пересек реку. Второй рейс, которым перевозили в основном лошадей и припасы, тоже прошел совершенно спокойно. Казалось, что перед нами самая обычная речка, а все давешние рассказы о ее страшных подводных обитателях не более чем выдумка.

Я посмотрел на Бродича. Тот, хмурясь, покусывал свои длинные усы.

– Что-то здесь не так! – сказал он мне. – Все это мне очень не нравится. Обычно драка начинается с первого же броска. Что-то здесь не так!

Третьим рейсом должен был переправляться я с несколькими воинами нашего отряда и десятком лошадей. Прощаясь, речной воевода крепко пожал мне руку:

– Да хранит тебя Перун и да пребудет с тобой удача!

Оттолкнувшись шестью от песчаного дна, воины тут же расселись вокруг меня с готовыми к бою луками. Я разместился, как и Вышата, в самом центре плота. Рядом со мной встал Вакула, а у моих ног примостился маленький Всегдр. Видимо, мое место считалось наиболее безопасным и традиционно отводилось здесь самым оберегаемым лицам.

Уже подплывая к середине реки, я обратил внимание, что в отличие от нашего берега, где всюду горланили птицы и лес, казалось, был пронизан жизнью, приближающийся берег зловеще тих. Ни птиц, ни каких-либо иных звуков оттуда не доносилось. То был иной мир, мир, где не только человеку, но и зверью места не было.

Когда плот уже пересек середину реки, я несколько успокоился. Возможно, все обстоит здесь не так страшно, как рассказывал Бродич. Но едва я об этом подумал, как прямо передо мной из воды в брызгах пены возникла огромная оскаленная морда. Чешуйчатая шкура блестяла на солнце всеми цветами радуги. Чудовище плотоядно вращало тяжелой челюстью и громко шипело. Прежде чем я успел что-то понять, в ее широко раскрытую красную глотку вонзилось с десяток выпущенных в упор стрел. Взрыв, страшилище рухнуло в воду, обдав нас мощным водопадом брызг.

– Речной Гад! Бейте его по глазам! – крикнул бывший с нами на плоту речной стражник. – Так вернее!

“Вот тебе и первое сражение, – подумалось мне. – И сразу морское. Что ж, для морского пехотинца это как раз то, что надо!”

А впереди перед плотом уже вставала целая стена воды. Не одна, не две, а по меньшей мере десяток оскаленных голов на длинных извивающихся шеях жаждало с нами боя.

Кони ржали и в испуге, дрожа всем телом, жались к середине плота. Речные Гады окружили плот со всех сторон. Они безостановочно били извивающимися хвостами по воде, и нам теперь ничего не было видно, кроме фонтанов. Рядом со мной уже всюду рубились воины. Вакула то и дело обрушивал на врагов свой огромный меч, но одолеть их ему пока не удавалось.

Тем временем одна из голов, на мой взгляд, самая здоровенная, целила явно на меня. Случайностью это быть не могло. За мной охотились! Такое внимание к моей особе льстило. Увы, к схватке я оказался совершенно не готов. Едва я успел выхватить из ножен свой меч, как огромная, покрытая склизкой чешуей и тиной туша взлетела в воздух и, обрушившись на край плота, поползла что было силы ко мне. Мимо меня, едва не задев, полетел в реку не удержавшийся на ногах конь. Но не успел он достичь воды, как был тут же перекушен надвое.

– Спасайте Посланника! – кричал кто-то рядом.

Огромная пасть дышала смрадом прямо в лицо, и помочь мне не мог никто, кроме меня самого. Скользя ногами по накренившемуся плоту, я все быстрее и быстрее съезжал прямо в эту пасть. Все решало мгновение. И тогда, падая, я обхватил меч двумя руками и со всей силы вонзил его прямо в самую середину раскрытой пасти, загнав обоюдоострое лезвие по самую рукоять. Глаза Гада тут же из непроницаемо-черных сделались бесцветно-мутными, а пасть захлопнулась так быстро, что я едва успел выдернуть из нее руку. Несколько раз судорожно дернувшись в конвульсиях, тело соскользнуло с плота и погрузилось в воду. Почти сразу последовал сильнейший удар в днище плота, от которого мы все попадали. За борт вывалилась еще одна лошадь. Больше мы ее уже не видели. Вода вокруг плота по-прежнему кипела. Речные Гады безостановочно атаковали нас, но в последнюю минуту отступали, поражаемые стрелами и мечами. Лучники целили по глазам и, надо признать, в этом весьма преуспели. Неподалеку от плота бились на воде уже несколько ослепших рептилий, чьи окровавленные глазницы были утыканы десятками стрел. Воины Небесного Холма промаха не знали.

Тем временем по плоту из глубины реки было нанесено еще несколько мощных ударов. Кто-то необычайно сильный и умный сосредоточенно и со знанием дела разламывал наше утлое прибежище снизу, понимая, что в случае разрушения плота мы будем уничтожены в несколько мгновений. Скорее, как можно скорее к берегу! Разумом я понимал, что на берегу сейчас Вышата с воинами, – бросив все, из последних сил тянут нас к берегу, но как же медленно шло время!

После пятого или шестого удара бревна плота начали медленно расходиться. Щели между ними становились все шире и шире, а атаки треклятых Гадов все не прекращались. В какой-то момент я увидел, как в наибольшую из щелей снизу пытается протиснуться чья-то отвратительная харя. Впереди нее ползли лапы-щупальца с массой присосок. Щупальца выползали вверх целым клубком, постепенно разматываясь в разные стороны в поисках добычи. Это уже был явно не знакомый нам Гад, а нечто иное. Не теряя времени, я принялся рубить мечом щупальца, но они оказались на удивление прочными, так что перебить их удавалось лишь с третьего-четвертого раза. Расползались же по плоту они столь быстро, что угнаться за ними я не успевал. Еще одна такая же тварь тянула свои бесчисленные лапы к канату, соединявшему нас с обоими берегами. Выбрав наиболее выгодную позицию, я изо всех сил пытался отбить эти атаки, но получалось не слишком удачно. Почуввав, что от меня исходит в данный момент наибольшая опасность, оба страшилища одновременно частью щупалец предприняли атаку уже против меня. Это были какие-то особые щупальца, заканчивающиеся не присосками, как большинство других, а когтями-секирами. Не знаю, чем бы все завершилось для меня и для всех находящихся на плоту, если бы в этот критический момент мне на помощь не подошли сразу два воина из числа сопровождавших нас речных стражников. Общими усилиями они загнали под воду того, кто пытался атаковать плот сквозь щели. Я продолжал бой с тем, кто пытался перерубить канат. От когтей-секир мне все же досталось. Несколько раз они прошили буквально по мне, порвав кольчугу. Но и я показал себя молодцом. Выбрав подходящий момент, когда секира пронеслась мимо меня в очередной раз, я успел что есть силы рубануть по ней. Отлетевший обрубок забился в конвульсиях. Но и тогда он, извиваясь, все равно пытался добраться до меня. Это ему не удалось. Поддев обрубок ногой, я вышвырнул его в воду. Затем сам, не теряя времени, атаковал противника и удачно перерубил ему еще несколько щупалец.

Ипуская смрадную жидкость из перебитых культей, мой враг наконец-то покинул поле боя, скрывшись в волнах. Оглядевшись, я с ужасом понял, что до полного разваливания плота остается какая-то пара минут. Однако было очевидно и то, что и атаки на нас явно ослабли. Огромных Гадов уже не было видно. Правда, вокруг еще кишмя кишели их более мелкие собратья, но с ними пока управлялись. Однако успокоения от всего этого было немного. Развалились сейчас плот – и плотоядные присосники расправятся с нами и за себя и за своих павших сотоварищей. В момент, когда плот ткнулся в прибрежный песок, я понял, что родился вторично.

Не теряя времени, я спрыгнул на землю, там меня уже встречал встревоженный всем происшедшим Вышата.

– Горячо вам пришлось на речке! – покачал головой воевода, критически оглядев всех нас, еще не отошедших от лихорадки боя. – Мы все видели, но помочь ничем не могли!

Воины сводили на берег дрожащих от страха коней, сгружали припасы.

– Раньше на реке никогда не было ничего подобного! – сказал Вышата чуть погодя. – Бродич прав, что-то здесь ныне замышляется!

Сгрудившись под берегом, мы держали совет, как быть дальше. О каком-то продолжении переправы не могло быть больше и речи. Вода в реке буквально кипела от обилия подводных Гадов. Опоздав к моменту нашего прорыва, они теперь бесились, в неистовстве выпрыгивая из воды. Было ясно, что помощи ждать уже неоткуда. Дороги назад не было тоже. Большая часть отряда Небесного Холма так и осталась на той стороне. Мы видели, как воины в отчаянии попытались пробиться к нам на запасном плоту, но едва тот отошел от берега, как был тут же разнесен в клочья, а все находившиеся на нем стали добычей обитателей реки. Больше попыток прорваться к нам с противоположного берега уже не предпринимали.

Все мы были, разумеется, удручены столь неудачным началом похода. Перво-наперво подсчитали наши более чем скромные силы. Без меня и Всегдра насчитывалось двадцать семь воинов во главе с Вышатай. Однако воинов Небесного Холма, специально подготовленных для предстоящей миссии, оказалось меньше половины. Остальные были помогавшими нам в переправе речными стражниками, лишенными возможности вернуться обратно. Присутствие на чужом берегу Всегдра Вышата воспринял с явным неудовольствием: он, видимо, полагал, что я в последний момент все же оставлю мальчишку на том берегу, но теперь деваться было уже некуда.

Однако нет худа без добра. К нашей радости, лошадей у нас оказалось даже на две больше, чем людей. Изначально планировалось, что каждый из воинов будет иметь по две сменные лошади, да еще по одной для перевозки припасов. Теперь от этой идеи пришлось отказаться. Однако мы все могли ехать верхом. Это была хоть маленькая, но удача, иначе пришлось бы идти пешими. С нами оказались и основные припасы, оружие, весь запас стрел. На том берегу осталось более двух третей продовольствия и запасы ячменя для лошадей. Но горевать было особо некогда. Мы собирались в путь.

Я окинул взглядом стоящий перед нами лес. Он был тих и темен. Казалось, что солнечные лучи вполне осознанно стараются не проникать в него. Впрочем, это, наверно, было лишь плодом моего воспаленного воображения. Итак, что же ждет нас впереди? Ответ на этот вопрос нам предстояло получить очень скоро.

С противоположного берега нам непрерывно махали руками и что-то усиленно кричали, но ветер относил голоса, и ничего не было слышно. Оседлав лошадей и бросив прощальный взгляд на ставший сразу же таким дорогим берег земли людей, мы дружно двинулись вперед.

– Оружие иметь под рукой! – велел выехавший вперед Вышата. – Нападение теперь может последовать в любую минут у и отк уда угодно! Ну, да преб удут с нами наши боги! Тронулись!

Глава четвертая Земля нелюдей

Прежде всего Вышата велел выстроить наиболее приемлемый для наших условий походный порядок. Я и воевода составили своеобразный штаб. Для посылок при нас был Вседр. Остальные поделились на три группы. Первая во главе с Рогдаем стала нашим авангардом. Вторая, где предводительствовал Вакула, составила как бы мою личную охрану и, наконец, третья с Добровитом и Радигором – арьергард. Оставшиеся при нас воины речной стражи были поделены поровну между всеми тремя группами.

С выбором пути проблемы пока у нас не было. От самой реки вглубь враждебной территории уходила достаточно широкая просека – дорога. Можно только себе представить, какие страшные дела происходили здесь раньше, но совершенно невозможно было предположить, что могло ждать нас за ближайшим поворотом.

Мы медленно углублялись в темный и безмолвный лес. Все то и дело оглядывались, стараясь в последний раз увидеть реку и полоску родной земли за ней. Но вот уже не стало видно и реки, а лица моих воинов сразу же стали сосредоточенно непроницаемыми. Отныне все связанное с прошлым ушло из их жизни, отныне они жили только настоящим.

Я ехал рядом с Вышатой. Кони наши шли голова к голове, но вели себя как-то необычно, то и дело вздрагивая и тревожно всхрапывая. Тишина вокруг не успокаивала, а вызывала чувство опасности. Чтобы немного отогнать мрачные мысли, я обратился к Вышате:

– Когда меня везли на Небесный Холм, то на одном из болот нас пыталась достать какая-то нечисть. Как она могла пробраться в землю людей?

Вышата хмыкнул в усы:

– Раньше, еще при дедах наших, подобного не бывало, но сейчас нежить все чаще и чаще проникает к нам. Причем порой объявляется в совершенно неожиданных местах. Та, что помельче, охотится лишь за малыми детьми, та, что покрупнее, нападает уже на всех без разбора. Пока мы еще в силах выслеживать и уничтожать эту погань, но что будет дальше, неизвестно, наверно, и самому Сварогу!

День меж тем клонился к вечеру. Мы жаждали увидеть врага и сразиться с ним лицом к лицу. Но врага не было. Для ночлега Вышата присмотрел поляну неподалеку от ручья и небольшого озера. Разложили костер, напоили из ручья коней, затем плотно закусили и сами.

Спать решено было в две очереди. Для меня и мальчишки Вышата сделал исключение.

Однако лежа на конской попоне, я долго не мог заснуть. Рогдай попытался было в одиночку направиться к озеру, но Вышата решительным жестом вернул его обратно. Начальник разведки подчинился воеводе, хотя и с видимым неудовольствием.

Над головой блистала полная луна, находившееся рядом с нами озеро, казалось, было полито щедрыми россыпями светящегося серебра. Под рукой у меня лежал меч, и я, несмотря на тишину, то и дело прикидывал, откуда на нас сейчас выгодней нападать: со стороны леса или от озера. Однако постепенно усталость взяла свое и я задремал.

...Высадились мы на берег в общем-то удачно, а главное, без потерь. Корабельная артиллерия и установки “Град” без труда отогнали сепаратистов от береговой линии, и мы смогли закрепиться на ней. Но дальше нам пройти не дали. Дальше шли скалы и узкие проходы-дефиле между ними с густыми минными полями. Пришлось окапываться и переходить к обороне. А затем вынуждены были уйти и наши корабли. По словам комбата, местное правительство запросило артиллерийскую поддержку еще в каком-то районе, и Москва без долгих раздумий дала на это согласие. Короче говоря, мы остались одни.

Уход кораблей, ясное дело, не остался без внимания нашего противника, а потому, едва мачты их скрылись за горизонтом, сепаратисты перешли в наступление. Используя господству-

ющие высоты, с которых простреливался весь занятый нами пляж, они обрушили на наши головы шквал огня. Мы, разумеется, в долгу не остались. Непрерывная перестрелка, перемежающаяся периодическими атаками, продолжалась несколько суток. Время шло, кораблей все еще не было, а потому комбат принял решение взять одну из ближайших господствующих высот, чтобы переломить ситуацию в нашу сторону. Командовать штурмом было поручено мне. Мишка же должен был поддержать меня огнем и своими людьми.

Едва стемнело, двинулись вперед. Известняковые скалы оказались круты и высоки, а потому лезть по ним вверх было крайне сложно. Однако почти до самой вершины нам удалось добраться незамеченными. А затем была стремительная атака, и оставшиеся в живых эритрейцы едва спаслись бегством.

– “Десятый!” “Десятый!” Я “второй!” – передал я на КП батальона. – Задача выполнена! Я наверху! Потерь нет! Закрепляюсь! Прием!

– Хорошо, “второй”! – отозвался комбат. – Возможны контратаки! Будь начеку!

“Десятый” как в воду смотрел! Бешеные атаки начались, едва я положил микрофон. В течение оставшейся ночи и всего остального дня мы как могли сдерживали натиск врага. Комбат не мог нам помочь, так как и все остальные роты тоже были втянуты в бой. Противник явно желал скинуть нас в море, не считаясь с потерями, а потому, совершенно не жалея людей, бросал их в одну атаку за другой.

А затем откуда-то из ущелий выползло два десятка танков, которые по разминированным проходам устремились на пляж. Несколько из них были почти сразу же расстреляны ПТУР-Сами и огнем закопанных танков, но остальные все-таки вклинились в нашу оборону. За танками следовало никак не меньше двух батальонов автоматчиков, которые сразу же залегли в песке и начали вести прицельный огонь. Теперь сражение за пляж кипело по всей линии нашего фронта. Однако, находясь на вершине высоты, я понимал, что и бешеный натиск на пляж, и даже танковая атака не более чем отвлекающий маневр, главный же удар будет направлен на меня, ибо, проворонив высоту, противник лишился господства над всем побережьем. Понимал это и комбат, но, увы, помочь не мог.

А затем на нашей высоте начался настоящий ад. Откуда-то из внутренних районов эритрейцы подтянули артиллерию, которая тут же начала гвоздить и по пляжу, и по нам. Судя по точности и кучности огня, там не обошлось без американских или китайских инструкторов. После артиллерийского шквала последовали волны новых атак. Едва отбились, снова артогонь и снова атаки. К исходу следующего дня мы начали выдыхаться. Пулеметные и автоматные стволы от непрерывного огня раскалились докрасна. Серьезными были и потери, некуда было девать раненых, которые лежали и стонали здесь же, под каменным навесом скалы. К концу подходили боеприпасы. Однако хуже всего было то, что противник, вклинившись в нашу оборону, отсек нас от главных сил, и теперь мы сражались в полном окружении. Как долго мы сможем здесь держаться, не мог сказать никто. Комбат по радиации выяснял наши возможности, призывал продержаться еще немного. Он уже не приказывал, он просто просил. Это был крик души, ибо комбат не мог не понимать, что, лишившись высоты, запертые на пляже, мы будем обречены на быстрое и полное истребление. Разумеется, я ответил, что будем держаться до последнего. Чтобы хоть как-то облегчить наше положение, была проведена контратака оставшимися танками. Сепаратисты несколько убавили свой пыл, но затем принялись методично расстреливать танки, которые были видны на пляже как на ладони. Пришлось их снова отвести почти к самому урезу воды.

Мы держались уже на одних нервах. Матросы, понимая, что дело близится к концу, представляли к автоматам штыки для последней рукопашной схватки. В этот момент я почувствовал сильный удар в грудь. Меня швырнуло на камни. Поднявшись, оглядел себя: тропическая куртка разорвана на груди, и из-под нее сочится кровь. Я вытащил нательный крест. Он был слегка погнут и поцарапан. Почему? Потому что принял на себя удар летящей в меня

пули! Вот и не верь после этого семейному преданию! Рядом одна задругой вжикнули еще несколько пуль. Похоже, по мне пристрелялся снайпер. Спрятавшись за камень, я вставил в автомат новый рожок.

– Товарищ старший лейтенант! – окликнул меня согнувшийся над рацией радист. – Вас комбат!

– Слушаю, я “второй”! – прохрипел я в трубку.

– Держишься? – спросил он меня.

– Пока держусь! – ответил я ему.

– Потери?

– Треть состава!

– Убитых?

– Семнадцать!

– О черт! – В трубке было слышно, как комбат заскрежетал зубами.

– В чем больше всего нуждаешься? – спросил он меня напоследок.

– В боеприпасах и медикаментах! – ответил я ему.

– Прорваться к тебе, сам понимаешь, невозможно! – помолчав в трубку, сказал он мне. –

Но есть ребята, которые умеют делать и невозможное! Жди!

А ночью ко мне прорвался с несколькими своими “головорезами” Мишка. Они притащили на себе патроны и гранаты, кое-какие медикаменты.

– Как тебе это удалось, дружище?! – обнимал я Мишку, а тот только отмахивался.

– Для настоящего морпеха не существует преград, тем более когда речь идет о помощи другу!

До настоящего дня я так и не могу себе представить, как же Мишка тогда прорвался к нам. На мой взгляд, это был поистине гениальный рейд через боевые порядки врага, который был под силу только ему.

Утром после очередного артналета противник снова пошел в атаку, и мы уже вместе с Мишкой отбивались от него автоматным огнем, а когда сепаратисты все же сумели добраться до вершины, то внезапным штыковым ударом сбросили вниз. В бой пошли все, кто еще мог держать в руках атомат. Удивительно, но эта наша почти безрассудная атака обошлась без жертв. Воистину храбрецам всегда сопутствует удача!

Уже после рукопашной я, перевязывая разбитую в кровь осколком камня руку, подумал, что, не прорвись Мишка к нам этой ночью, нам ни за что не удалось бы выстоять. Именно Мишка со своими ребятами спас нам жизнь. Когда же я в минуту передышки сказал ему об этом, то в ответ Мишка только улыбнулся.

А после полудня к берегу подошли долгожданные корабли. Вначале заговорили орудия главного калибра показавшегося на линии горизонта крейсера, и десятки песчаных фонтанов разом встали в расположении противника. Танки и бронетранспортеры сепаратистов взлетали в воздух, как картонные игрушки. Затем к крейсеру присоединилось еще несколько кораблей, и от туч поднятого песка исчезло солнце. Спустя час-полтора в поле нашей видимости уже не было ни одного врага.

Затем мы грузили на десантные корабли раненых и убитых, а через день пришел приказ оставить берег и самим грузиться на корабли. Как доходчиво объяснил нам замполит, местное правительство поругалось с нашим, теперь мы уже не поддерживаем столичного президента, а будем вести переговоры с лидерами сепаратистов. От всего этого на душе было тошно, а потому, погрузившись на свои БДК, мы с Мишкой и еще несколькими офицерами, закрывшись в каюте, пили разбавленный спирт, закусывая его армейской тушенкой из НЗ.

– Ты знаешь, нательный крест спас мне жизнь! – сказал я Мишке, когда мы выпили уже по третьей, не чокаясь.

– Покажи! – потребовал он.

Я вытащил из-под тельника свой крест. Мишка долго и пристально рассматривал его:
– Да, крест погнут, но в эти христианские штучки я не верю. Кстати, меня мой амулет тоже спас. Смотри!

Он вытащил из-под своего тельника висящего на цепочке черного чертика с безумными желтыми глазками и оскаленной пастью. Чертик был перебит почти пополам минометным осколком, который прямо в нем и застрял.

– Как видишь, спасают от смерти не только белые силы, но и черные! Так что еще неизвестно, кому надо служить!

Слова друга меня покоробили.

– Служить надо только Родине! – сказал я, наливая еще по стакану.

– Это все так! – кивнул мне Мишка. – Однако кто знает, где кончается добро и начинается зло и чего больше нашей Родине надо!

Тогда я не придавал его словам никакого значения.

Спустя месяц мы были уже в Балтийске.

* * *

Внезапно я вздрогнул и проснулся, ибо явственно услышал... залиvistый женский смех. Я повернул голову и увидел их. Не менее десятка совершенно обнаженных молоденьких девушек с длинными распущенными волосами, весело хохоча, вовсю резвились на озерном мелководье. Несмотря на горящий костер, нас они, судя по всему, пока не видели или просто не хотели видеть. Сон в одно мгновение как рукой сняло. От неожиданности я сел и оторопело глянул на Вышату. Тот лишь недоуменно пожал плечами:

– Ерунда какая-то, откуда они здесь? Ничего не понимаю!

Внезапно одна из девушек, обернувшись, увидела нас. Ойкнув от неожиданности, она прикрыла рукой обнаженную грудь, другой же призывно начала звать нас:

– К нам! К нам, храбрые воины! Мы живем в селении на другой стороне озера! Идите скорее в наш хоровод! Идите, и вам будет хорошо! Идите, мы всех вас ждем!

Сидевшие подле меня Ратибор и Местко как по команде вскочили. Понять этих молодых ребят было можно, ведь смеющиеся купальщицы были на удивление хороши.

– Сидеть! – внезапно рявкнул во всю мочь своего голоса Вышата. – Это не девушки! Людей здесь не может быть! Это ведьмы, скорее всего, какие-нибудь топлянки или русалки! Они завлекают легковверных, а затем топят их! Сидеть! Вспомните, где мы находимся!

На самом деле, какие девушки и какие хороводы, ведь мы на территории врага! И все же, чего не бывает на белом свете...

– Как могут такие хрупкие создания утопить таких здоровяков, как мы! – В голосе Ратибора слышалось негодование. – К тому же девушки только что сказали, что их деревня совсем рядом!

– Нет здесь никаких деревень! Здесь обитает лишь одна нежить! – оборвал его Вышата.

Не знаю почему, но в тот миг мне вспомнилось давнее болотное чудовище, каким-то образом попавшее на землю людей. Может, и эти девушки всего лишь дочери людей, оказавшихся в этих гиблых местах и каким-то образом приспособившихся к здешним условиям? Ведь если это так, то трудно даже представить, какую пользу они могли бы нам оказать. Откуда-то я твердо знал, что у русалок обязательно должны быть рыбы хвосты. Купающиеся же девушки были самыми что ни на есть нормальными. Наверное, что-то похожее подумал и Вышата. Он несколько подобрел лицом и крикнул ближайшей из купальщиц:

– Иди к нам, красавица!

Рука воеводы, однако, осталась лежать на рукояти меча.

В ответ девушка отрицательно замотала головой:

– Я боюсь вас, ведь вы чужеземцы и вас очень много! Пусть лучше несколько из вас сами подойдут к нам!

– Не бойся нас, если ты человек, а не нелюдь, то мы не причиним тебе никакого зла! Как тебя зовут?

– Я Евна, дочь Татимира!

– Это люди! Это люди! Мы должны им верить! – убежденно заговорил Рогдай мне на ухо. – Пойдем к ним, Посланник, пойдем!

Он взял меня под локоть и слегка подтолкнул вперед. Я никогда не любил фамильярности по отношению к себе.

– В чем дело? – спросил я начальника разведки.

Тот хмыкнул, но руку убрал.

Вышата тревожно глянул на Рогдая, потом на меня:

– Однажды во время одной нашей большой вылазки в эти места с нами был и мой друг Татимир. Обрато он с нами не вернулся, но смерти его сам я не видел. Что с ним случилось, мы тоже так никогда и не узнали.

– Сколько лет прошло с тех пор? – спросил я воеводу скороговоркой.

– Наверное, уже около двадцати! Бросив еще один изучающий взгляд на девушку, Вышата на мгновение задумался:

– Пожалуй, кое-что и впрямь совпадает. И время, и имя, ведь Евной когда-то звали любимую сестру Татимира! Да и внешне она чем-то напоминает мне моего друга.

В голосе воеводы явно чувствовалась неуверенность. Рука его медленно сползла с рукояти меча.

– Это же обычные девушки! Как вы не видите! Пойдем же, Посланник, вместе к ним! – все убеждал и убеждал меня Рогдай.

– Ночью все кошки серы! – буркнул я себе под нос.

– Какие еще кошки? – покосился на меня Вышата.

– Да это я так, к слову!

– Может, и впрямь Татимир сумел здесь выжить? Может, и впрямь здесь как-то живут люди? Но ведь этого просто не может быть, ведь нечисть есть нечисть, она никогда не потерпит рядом с собой человека.

– Ты зря столь категоричен! – прервал я рассуждения воеводы. – Быть может, они исполняют какую-нибудь необходимую для здешних хозяев работу, а потому и оставлены жить.

– Но почему мы никогда не слышали о них? – с недоверием обернулся ко мне Вышата.

– А как они могли нам сообщить о себе? – тут же задал вопрос воеводе Рогдай.

В ответ тот только пожал плечами.

– А много ли ты вообще слышал конкретного об этих местах? – спросил я воеводу, и тот опять не нашелся, что мне ответить.

Пока мы переговаривались, Местко и Ратибор двинулись к девушкам.

– Идите к нам, любимые! Мы хотим быть рядом с вами! – махали те руками.

– Назад! Назад! – внезапно начал кричать Рогдай. – Мы сами сейчас придем к вам! Первыми должны идти к здешним людям только двое: я и Посланник!

Я вновь покосился на начальника нашей разведки: “С какой это радости мне идти вместе с ним к озерным девицам? Что-то здесь не так!”

– Что ты мелешь, Рогдай! – дернулся вперед Вакула. – Посланника нельзя подвергать опасности! Ты что, забыл?

Но воины их спор уже не слышали. Минута – и они были радостно приняты в жаркие объятия. Обхватив шеи воинов руками, девушки буквально впились в них губами.

Окружив обоих, они стали быстро оттеснять воинов к воде. Движения же Местко и Ратибора стали какими-то неуверенными. Явно потеряв разум и волю, они позволяли делать с собой

все что угодно. Теперь девушки больше не смеялись. Их действия были умелы и торопливы. На нас они уже не обращали ровным счетом никакого внимания. Несмотря на то что это происходило у нас на глазах, все случилось столь стремительно, что мы пришли в себя только тогда, когда наших воинов уже утаскивали на глубину.

– Это ведьмы! Это топлянки! – закричал что было силы Вышата. – Бейте стрелами!

– Это девушки! Это простые девушки! – закричал Рогдай. – Что вы делаете? Опустите луки! Не берите греха на душу! Не стреляя-я-яйте!!!

Но было уже поздно. Мгновение, и десяток стрел просвистел мимо меня, и ни одна из них не миновала цели. В ответ раздался истошный нечеловеческий вой. Ведьмы как ни в чем не бывало вытащили из ран наконечники и, отбрасывая их в сторону, с еще большим упорством волокли на глубину свою добычу.

– Вперед! – скомандовал Вышата.

Обнажив сверкающий в лунном свете меч, он первым бросился вдогонку за озерными дивами. Внезапно одна из них, та самая, что еще минуту назад выдавала себя за дочь Татимира, развернулась и, расставив руки, бросилась прямо на Вышату. Голая, с растрепанными волосами и безумно страшными красными глазами, она бежала навстречу воеводе, издавая яростный звериный клекот. Вышата, не останавливаясь, на ходу что было силы наотмашь рубанул ее мечом, но тот лишь просвистел в мгновенно образовавшейся пустоте.

– Проклятые русалки! – закричал Вышата. – Стреляйте серебряными стрелами!

– Не надо! – снова закричал Рогдай. – Это люди-и-и!

Залп серебряных стрел дал эффект совершенно противоположный первому. Теперь уже ведьмы, получившие рану, падали в воду и бились в страшных корчах, оглашая своим ревом окрестности. Оставшиеся невредимыми, не обращая внимания на издыхающих товарок и бросив одного из воинов, упорно утаскивали в озеро второго. Новый залп из луков уложил еще трех ведьм, но оставшиеся две уже скрывались с Местко под водой.

– Добейте Местко! – крикнул Вышата. – Иначе будет плохо!

Сразу несколько стрел разом вонзились в полубесчувственное тело нашего товарища. Издав злобный вопль, ведьмы бросили мертвое тело и скрылись в волнах.

Затем мы притащили к костру ничего не соображавшего Ратибора, а рядом положили и тело мертвого Местко. Что касается мертвых ведьм, выброшенных волнами на прибрежный песок, то, когда я подошел к ним, чтобы разглядеть получше этих первых в моей жизни представителей противного человечеству племени, от увиденного меня чуть не вывернуло наизнанку. Вместо прекрасных девушек на песке валялись жутчайшего вида старухи с седыми космами и оскалами сгнивших зубов. Тела их были уже наполовину разложившимися, а раздутые зеленые лица с черными провалами глазниц выглядели как лица утопленников месячной давности. Вместе со мной был и Рогдай. Вид у него был такой подавленный, что мне стало даже не по себе. Перехватив мой взгляд, он спрятал за спину трясущиеся руки:

– Сегодня я потерял своего лучшего друга и хочу получше разглядеть, кто его убил!

На мое сочувствие Рогдай ответил полным безразличием и, как мне показалось, что-то или кого-то усиленно искал среди погибших русалок.

Тем временем у костра приводили в чувство Ратибора. Ему влили в рот какой-то жидкости, а затем Вышата самолично отвесил ему хорошую оплеуху. После такой шокотерапии взгляд воина начал обретать некоторую осмысленность.

– Где же девушки? – спросил он, придя в себя. – Куда вы их прогнали?

Ответом на эти вопросы был еще один отеческий удар кулака воеводы, который снова верг Ратибора в первоначальное состояние. Но теперь он очухался намного скорее. Потирая саднящую челюсть, Ратибор слушал рассказ о только что происшедшем, оторопело глядя на лежащее рядом бездыханное тело своего товарища.

Остаток этой ночи прошел без всяких приключений, но до самого рассвета никто из нас, естественно, уже не смог сомкнуть глаз.

Ранним утром воины наскоро соорудили погребальный помост. На него поместили мертвого Местко, в руки которого Вышата вложил меч.

– Покойся с миром! – сказал он и, взяв горящую головешку, поджег помост.

Огонь взялся сразу, через несколько минут он уже стоял огромным трещащим столбом. Я оглянулся, поискав глазами Рогдая, вот кому сейчас, наверное, особенно тяжело присутствовать на сожжении лучшего друга. Но, к моему удивлению, Рогдай даже не смотрел на разгоревшийся костер, глаза его были устремлены в сторону озера, туда, где на песке валялись убитые нами русалки-топлянки. С чего бы это?

Отъезжая, я бросил последний взгляд на берег озера, где ночью валялись трупы убитых. Тел, как таковых, уже не было. Вместо них на песке виднелись лишь полуистлевшие черепа, да легкий ветер гонял поодаль космы седых волос. Около черепов в одиночестве стоял грустный Рогдай. Мы уже были в седле, когда он нехотя присоединился к нам.

– Может быть, нам не стоило убивать Местко? – спросил я Вышату.

Тот смерил меня сердитым взглядом:

– Случись подобное на обычной войне, никто никогда не допустил бы такого убийства. Но мы в земле нелюдей. Весь этот русалочий шабаш был придуман вовсе не для того, чтобы всех нас перебить. Нет! Коушу для чего-то очень был нужен пленник, а мы лишили его этого удовольствия! Можно только догадываться, как нечисть могла его использовать, ведь додумались же они вспомнить о сгинувшем здесь более двух десятков лет назад Татимире! Разумеется, мне жаль Местко, но мы не можем из-за одного рисковать всем! У нас есть цель, каждый должен быть готов пасть за нее.

– Возможно, наш поход стал для Коуша полной неожиданностью, и он просто не знает, кто мы и что нам надо в его земле? – высказал я свои соображения. – Отсюда и желание иметь пленника, отсюда и относительно спокойное начало самого похода!

– Возможно, все обстоит именно так. Может быть, Коуш и не знает, куда и зачем мы идем, но то, что он знает хотя бы некоторых из нас, это уж точно. История с именем Татимира не выходит у меня из головы, а в случайности я не верю давно.

– Тогда наберемся терпения! – взял я покрепче поводья в руки. – Если все обстоит именно так, как мы думаем, то ждать осталось недолго. Скоро за нас возьмутся основательно.

– Чем раньше, тем лучше! – мрачно ответил мне Вышата, застегивая на подбородке шлемный ремень. – Для того мы сюда и приехали!

– Жалко Рогдая! – сказал я Вышате. – На нем просто лица нет. Он так переживает потерю своего друга!

Воевода от неожиданности даже приподнял бровь.

– Рогдай никогда не был другом Местко, наоборот, они всегда не слишком ладили друг с другом! С чего это ему горевать-то?

Тут уж настало время удивляться мне. Что-то во всем происшедшем было для меня непонятно. Что искал Рогдай на песке? Почему соврал мне насчет Местко? Я глянул на едущего впереди Рогдая. Даже со спины было заметно, какое плохое у него настроение. А может, что-то недоговаривает воевода? Ладно, разберемся.

Некоторое время мы ехали молча, а затем я вспомнил еще одну деталь минувшего утра, и все остальное сразу же ушло куда-то, словно этого и не было! Я вспомнил ворона, от этого воспоминания у меня мгновенно пошли мурашки по коже. Когда готовили погребальный костер, я внезапно увидел его. Это был неправдоподобно огромный иссиня-черный ворон, сидевший на придорожной ветке. Склонив набок голову, он внимательно смотрел на меня своим немигающим глазом. Честно говоря, в первое мгновение я даже обрадовался птице. Но вдруг ворон показался мне каким-то ненастоящим. Почему – не могу сказать точно. Может, потому, что

он был слишком большим, а может, потому, что он с каким-то осмысленным упорством рассматривал не кого-нибудь, а именно меня. В какой-то миг наши глаза встретились, и я прочел в его взгляде неприкрытую и вполне осмысленную ненависть.

Сразу же вспомнилось, что птиц в здешних лесах не бывает, и рука моя медленно потянулась к висящему за спиной луку. Однако ворон, не дожидаясь дальнейшего развития событий, тяжело взмахнул крыльями и, поднявшись в воздух, скрылся из вида. Как оказалось, никто кроме меня ворона не видел, так как все были заняты подготовкой погребения Местко. Теперь же, вспомнив о необычном визитере, я рассказал в двух словах об увиденном Вышате.

– Эта птичка наблюдала за тобой неспроста! – заключил воевода, внимательно меня выслушав. – Надо было все же достать ее стрелой, рядом же сидела!

– Думаю, наша встреча с этим вороном явно не последняя, и шанс потрепать его оперенье у нас еще будет! – ответил я ему.

В это время ехавший впереди всех Рогдай, достигнув очередного поворота дороги, внезапно остановился и поднял вверх правую руку – сигнал внимания и опасности. Обнажив мечи и приготовив луки, мы быстро выстроились плечом к плечу и поскакали к нему.

Глава пятая

Битва за дорогу

Их было дюжины три, если не больше. Точно сосчитать время не позволяло. Вид их сразу же показался мне не столько страшен, сколько отвратителен. Внешне эти образины напоминали нечто среднее между огромными хряками и африканскими гориллами, если такое сочетание вообще можно себе представить. Ростом далеко за два метра, со свиными рылами и толстенными волосатыми телами, они сжимали в своих когтистых лапах здоровенные, утыканые шипами дубинки и угрожающе рычали, перегородив всю дорогу. Обойти их просто невозможно. Из полуоткрытых клыкастых пастей то и дело падала на землю пузырящаяся желтая пена. Могу поклясться, что больших уродов в своей жизни я не видел даже в фильмах ужасов.

Заметив нас, хрякогориллы издали торжествующий вопль и дружно двинулись вперед. К моему удивлению, передвигались эти существа весьма резво. Мои спутники с ходу выпустили в них целую тучу стрел. Мастерство есть мастерство, промахов почти не было. Но никакого толка от обстрела тоже не было. Шкура хряков была столь толста, что стрелы отскакивали от нее, как от каменной стенки. Лишь одна из стрел попала в глаз бежавшему впереди всех уродцу. Издав злобный рык, он с силой выдернул стрелу и с еще большей прытью бросился на нас. Да, противник весьма серьезный, но и мы тоже не лыком шиты.

Все решали мгновения. Нам надо было успеть разогнать коней, чтобы сойтись с врагом на всем скаку, имея какое-то превосходство в скорости и маневре. Раскручивая над головой свой огромный меч, Вышата первым бросился в атаку. Мы последовали за ним. Бой сразу же сделался рукопашным и разбился на ряд мелких схваток.

Это был мой первый конный бой, и я, разумеется, волновался, тем более что чувствовал, как все остальные стараются держать меня постоянно в поле зрения и готовы в любой момент прийти на помощь. Ведь я был Посланником, если бы со мной что-нибудь случилось, все наше предприятие сразу же теряло весь смысл. К моему удивлению, хряки тоже выделили меня из общей массы своих врагов и, как могли, пробивались именно ко мне. Так возник эпицентр баталии – вокруг моей особы.

Первым из наших успеха добился здоровяк Вакула. Он на всем скаку так рубанул мечом зазевавшегося на какие-то доли секунды хряка, что буквально распластал его надвое. На меня тем временем кинулось сразу несколько образин, сумевших каким-то образом пробиться ко мне через все преграды. В последний момент подскочившие Сигбор и Храбр связали их боем. Но один, изловчившись, все же выскочил на меня.

От одного удара его дубины я увернулся. Она просвистела рядом со мной, но не задела ни меня, ни коня. Теперь был мой черед. Я попытался дотянуться до “своего” хряка мечом, но не достал и тут же получил сильнейший удар. Щит, который я все же успел подставить под летящую дубину, разлетелся в мелкие куски, а сам я едва удержался на коне. Промахиваться было уже нельзя, ибо еще одного удара я бы просто не выдержал. Не ожидая, пока дубина хряка опишет новый полукруг и снова обрушится на меня, я что было силы вогнал свой меч прямо в морду чудовища. Удар оказался смертельным, но, даже дергаясь в конвульсиях, хряк из последних сил пытался дотянуться до меня цепенеющими лапами. Итак, пока один – ноль в мою пользу! Вырвав глубоко вошедший в голову врага меч, я развернул коня навстречу еще одному приближающемуся противнику. Это был особо “элитный” экземпляр, скорее всего предводитель всей их шайки. С радостным хрюканьем вождь свинорылых бросился на меня. Дубина его была окровавлена. Драться, судя по всему, он умел.

На этот раз я уже не смог повторить свой прошлый прием и поразить своего противника в морду. Хряк без труда разгадал мое намерение и успел уклониться. Меч просвистел в пустоте. Зато мгновенно последовавший ответный удар своей цели достиг. Меня он, к счастью,

не достал, но огромная дубина обрушилась на круп коня, перешибла его почти пополам. Бедное животное рухнуло наземь, не успев издать ни звука. Я едва успел соскочить с него. Мотая волосатой головой и разбрасывая во все стороны пену, хряк наступал на меня. Его розоватый нос-пятка противно морщился, а маленькие пронзительные глазки сверкали яростью. Мы снова обменялись ударами. На сей раз я оказался все же ловчее и, уйдя из-под удара, сумел ранить своего противника в лапу. Однако он перебросил дубину из раненой лапы в здоровую и с еще большим ожесточением начал размахивать ею передо мной. Надо было что-то предпринимать, и я совсем уже было решился на контратаку, чтобы, сойдясь вплотную, попытаться поднырнуть под дубину и достать мечом ничем не защищенное подбрюшье, как напиравший на меня хряк внезапно покачнулся, выронил из рук свое жуткое оружие и рухнул замертво. В затылке его торчал боевой топор. За спиной поверженного монстра стоял Вакула.

– Жив, Посланник! – крикнул он мне.

– Вроде того! – прохрипел я в ответ.

На следующего противника мы с ним бросились уже вместе. Рядом отчаянно дрался еще с одним рычащим врагом Вышата. Умело и как бы нехотя уклоняясь от сильных, но неточных ударов, он терпеливо выжидал момента для атаки. Когда же хряк на какой-то миг открылся, тут же был пронзен мечом. Еще одного хряка мы сообща с Вакулой тоже завалили довольно быстро.

Получив некоторую передышку, я смог наконец оглядеться. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: дело сделано. Поле боя однозначно осталось за нами. Воины дружно добивали последних трех-четырех израненных образин, которые, став спина к спине, ожесточенно оборонялись, явно предпочтя смерть бегству. Вся дорога была завалена трупами, среди которых я с содроганием успел заметить и несколько тел наших воинов. Тем временем добились копьями одного из окруженных чудищ, затем другого. Последний из хряков вскинул дубину и обрушил ее на собственную голову, решив таким образом вопрос о своей жизни и смерти. Что ж, среди нечисти их, наверно, будут чтить как героев!

У нас павших было трое. Двое уже не подавали никаких признаков жизни, а один был еще жив. Это был воин речной стражи Олеск. Сойдя с коня, Вышата присел рядом с ним, приподнял разбитую голову боевого товарища и вложил в цепенеющие руки меч. Олеск из последних сил прижал меч к растерзанной груди.

– Я умираю? – разлепил он спекшиеся губы.

– Да, но ты сражался как истинный герой! – ответил ему воевода.

– Значит, на небе меня встретит Перун?

– Бог грома и молнии всегда встречает храбрых из храбрых!

– Тогда я счастлив! – прошептал Олеск, и глаза его закатились.

Тело, дернувшись в последний раз, вытянулось и застыло. Вышата закрыл умершему глаза. Встав с колен, он обратился ко всем и ни к кому в отдельности:

– Надо похоронить павших, и как можно скорее!

Пока часть воинов торопливо собирала хворост для погребального костра, я пошел поглядеть на поверженных врагов. Вблизи при внимательном рассмотрении они показались еще более мерзкими, чем в отдалении и в горячке боя. Вонь от хряков стояла такая, что находиться рядом с ними было просто невозможно. Вокруг их тел были огромные лужи какой-то густой желеобразной жидкости, тоже изрядно смердящей. Из тел целыми легионами ползли какие-то совершенно безобразные черви, сплетавшиеся тут же в извивающиеся клубки. Внезапно я услышал, как над моей головой треснула ветка. Я вскинул голову и краем глаза успел разглядеть тень ворона, скрывшегося в непролазной чаще. Впрочем, возможно, что это мне только показалось.

Вскоре над дорогой запылал наш очередной погребальный костер, и черный, уходящий в небо дым известил Перуна, что нас отныне осталось еще меньше.

– Это были храбрые воины, хотя и сражались они с самым поганым врагом! – задумчиво сказал мне воевода, когда мы снова двинулись дальше.

Я оглянулся на поле нашей недавней брани. Погребальный костер догорал. Сколько еще костров будет на моем пути? Когда и где взвоет к небу дым и от моего? Мы уже раскусили русалочки хитрости и в честном бою истребили хряков. Когда и кто снова обрушится на нас? Думаю, что такие вопросы возникали не у меня одного.

* * *

Меж тем быстро темнело. Я готов и сейчас поклясться, что до вечера в тот момент было еще очень далеко. Но, видимо, чем дальше мы уходили от земли людей, тем больше набирали силу иные, совершенно неведомые нам законы природы. К тому же я был уверен, что недавнее нападение не последнее и скоро надо ждать новых. Битва за дорогу еще только начиналась.

Через некоторое время ко мне подъехал Вышата.

– Как быть с ночлегом? – спросил он, и в голосе его я уловил тревогу.

– Думаю, что с дороги уходить смысла нет. Спать лучше в несколько очередей и не снимая доспехов! – предложил я без долгих раздумий.

Ничего не ответив, Вышата отъехал в сторону. Я так и не понял, понравилось ему мое решение или нет, но все, что я сказал, он исполнил в точности. Солнце уже бросало на черный лес свой последний багрово-красный отблеск, когда мы остановили коней.

– Привал! – объявил Вышата.

Спешившись, все отвели коней к траве и, расстелив попоны, наскоро пожевав вяленого мяса из седельных сум, стали укладываться. Назначенные воеводой в ночной дозор, разойдясь в стороны, начали наблюдение.

Конечно, мы предполагали, что ночью будет нападение, но то, что оно произойдет столь скоро и будет столь стремительным, не предполагал никто. Как я понял уже позже, в этой спешке была большая ошибка наших врагов. Никто еще не успел не то что заснуть, но даже улечься, все были наготове.

Вначале мы услышали тяжелое хлопанье крыльев. Потом чей-то противно подвывающий клеткот. А затем на нас сверху обрушилась первая туша. Она не опустилась, не спланировала, а именно упала, словно брошенный камень. Вероятно, в этом был свой резон. Но глазомер тушу все же подвел, она промахнулась, так никого и не придавив. Не знаю, сколько у нашего небесного визитера было душ, но голов он имел никак не меньше десятка.

Огромные оскаленные пасти сразу же потянулись во все стороны, стремясь разорвать каждого попавшегося им на пути. Не успели мы вступить в бой с непрошеным гостем, как рядом с первой тушей грузно упала вторая... третья... пятая...

Вскоре около нас уже всюю шипела и пытела целая стая крылатых мастодонтов. Они довольно энергично взяли нас в кольцо и теперь медленно сужали круг. Грязно-зеленые чешуйчатые тела с длинными змеевидными хвостами, на спинах колыхались сложенные черные перепончатые крылья. Значит, Коуш уже бросил в дело свои военно-воздушные силы! Я обратил внимание, что размеры тварей и количество голов у них было самое разное. У некоторых по три, у большинства пять или семь, а у одного самого здорового даже тринадцать. Взошла луна, и ее тусклый свет придавал ползущему на нас скопищу совершенно неправдоподобный, фантастическо-жутковатый вид.

Вышата хотел было уговорить меня спрятаться в середине нашего маленького боевого порядка, но я отказался наотрез. В конце концов я ведь не только какой-то неведомый Посланик, но я еще и солдат, а потому прятаться за спины своих сотоварищей мне не пристало. Обнажив мечи, мы встали в круг, плечом к плечу. Самое обидное, что мы оказались бессильны помочь нашим коням. В середину импровизированного каре Вышата успел убрать всего лишь

пять животных. Остальные были на наших глазах в несколько мгновений растерзаны. Зрелище это было не для слабонервных. Толстопузые негодяи очень прытко гигантскими скачками настигали перепуганных коней, их многочисленные головы с утробным воем набрасывались на добычу и в одно мгновение разрывали несчастное животное. Все это делалось с такой жадностью, что головы в ярости даже набрасывались друг на дружку из-за лишнего куска.

– И чего дерутся-то? – подумалось мне. – Брюхо же у них общее на всех!”

Разделавшись с нашими несчастными конями и сыто икая, ящеры обратили свое внимание на нас. Эти летающие крокодилы, наверное, все же не отличались особым умом, иначе они ни за что не дали бы нам сорганизоваться для обороны.

Когда, урча, они все же поползли на нас, Вышата велел целить из луков в глаза тварям.

– С этими мы уже здесь встречались! – объявил он всем. – Главное – выбить в каждой голове хотя бы по глазу, тогда дракон становится беспомощным!

Град стрел со свистом обрушился на наших врагов. Но никакого эффекта это не дало. В последний момент все драконы глаза, как по команде, разом прикрылись роговыми пластинами, и стрелы, ударяясь о них, бесполезно падали рядом.

– Что удумали, мерзавцы! – в сердцах сплюнул Вышата. – Раньше такого не было! Ишь как приспособились! Значит, придется рубиться!

Да, это были явно не дневные хряки. Те были просто храбрые солдаты, а здесь перед нами были настоящие “летающие крепости”. Теперь мы не атаковали. Да это было и невозможно. Вырвись хотя бы один из нас вперед, он был бы тотчас растерзан.

Но вот хищные бронированные морды приблизились к нам вплотную. Первым попытался нас достать один из молодых драконов. Возраст я определил по относительно небольшим головам. “Молодой” неосмотрительно бросился на нас и тотчас за это поплатился. Первую голову ему смахнул Вакула, две другие – стоявшие рядом с ним. Обезглавленная туша повалилась на бок и, фонтанируя черной кровью из обрубков шей, забилась в предсмертных конвульсиях. Остальные не обратили на это ни малейшего внимания. Более того, головы проползавшего рядом с погибшим собратом гада не преминули отхватить от него по хорошему куску. Нравы в этой семейке были явно не сентиментальные.

Спустя какую-то минуту мы уже бились вовсю. В лунном свете мечи сверкали, как вспышки далеких молний. Драконы неторопливо напирали, а мы отбивались как могли. Некоторое время бой шел с переменным успехом. Я видел, как Рогдай и Вакула лихими ударами снесли уже не по одной голове. Нападавшего на меня гада достал и я. Но едва отрубленная голова, скрежеща зубами, упала у моих ног, я увидел такое, от чего мне стало не по себе. Из пузырящегося кровью обрубка шеи начало появляться нечто, окутанное пленкой-коконом. Затем пленка слетела, и оказавшаяся под ней новая голова сразу же яростно бросилась в бой. Я скопил глаза на труп первого убитого нами молодого дракона. К моему изумлению, “покойник” уже как ни в чем не бывало находился в общем боевом строю, бешено молотя по земле своим чешуйчатым хвостом. Конечно, я помнил из курса школьной биологии кое-что о регенерации в животном мире, но чтобы до такой степени!

Дравшийся рядом Вышата, заметив происходящее, хмыкнул:

– Дело дрянь! Какие-то неправильные драконы! Их бить – только мечи тупить! Когда мы дрались с этими тварями в прошлый мой поход сюда, головы у них по новой еще не отрастали!

– Все по Дарвину! Эволюция, едри ее корень! – ругнулся я и с новой силой вступил в бой.

Отбивая нападение очередной головы, я с ужасом отметил, что заново вырастающие головы значительно больше и агрессивнее первых. Значит, мы своими руками создавали все более и более могучих врагов. Похоже, что, сколько бы мы ни бились, у нас не было ни одного шанса на победу.

– Вяпались, кажется, крепко! – бросил я Вышате, пронзая острием чье-то горло.

Бой шел уже пару часов, и я начал уставать. Реакция становилась уже не та. Того каскада ударов, которым я отшвыривал нападавших в первые минуты боя, уже не было и в помине. Несколько человек из наших ранены драконьими клыками. В какой-то момент я оглянулся и увидел рядом с собой Рогдая. К моему удивлению, он, казалось, был озабочен не снующими рядом ящерами, а мной. Сжимая в руке меч, он боком подступал ко мне. На драконов он не обращал ни малейшего внимания, но и они не обращали внимания на него! Драконы признавали начальника разведки за своего! Не знаю, но мне кажется, что, не оглявшись я тогда на него, Рогдай расколол бы мне голову мечом, настолько решительны были его намерения. Наши глаза встретились, и я увидел, сколько злобы в его взгляде. Так может смотреть только самый заклятый, самый смертельный враг. Глаза Рогдая были почему-то красными и не имели зрачков, они буквально испепеляли меня своею ненавистью.

“Что с ним? – пронеслось у меня в голове. – Может, впал в безумие? Может, что-то препутал?”

Внезапно глаза Рогдая потухли. Он передернул плечами и отступил в сторону. Рядом со мной уже стоял наш силач Вакула, появившийся невсесть откуда. Вакулу, кажется, сильно зацепил дравшийся с ним до того семиголовый ящер. Потеряв из поля зрения Рогдая, я крикнул Всегдру. Мальчишка ловко и быстро обмотал нашему силачу руку какой-то тряпицей, и Вакула снова ринулся в бой.

Драконы особо никуда не торопились, утробно урча, они ползали вокруг нас, и головы их, раскачиваясь из стороны в сторону, внимательно следили за нами, чтобы затем внезапно кинуться вперед. Нас явно брали измором. Бесконечно это продолжаться, разумеется, не могло. Надо было что-то срочно менять в нашей тактике, но что? Где у этих птеродактилей слабое место, ведь не могут они быть абсолютно неуязвимы? Мысль работала лихорадочно, но ничего путного сообразить я не мог. Что поделаться, но специалистом в криптозоологии я никогда не был!

Справа от меня еще кто-то охнул от боли. В воздухе мелькнуло уже безжизненное тело и навсегда исчезло в огромной пасти. Мы молча сдвинули наши поредевшие ряды. Как хищно клацают перед лицом грязно-желтые клыки... Как отвратительны длинные раздвоенные языки... Сейчас доберусь до шеи... Удар... Удача!.. Голова безжизненно повисает. Глаза ее закатываются и чернеют. Еще удар, и она уже катится по земле. Обрубок тут же набухает, точно флюс. Минута-другая, и из него ползет голова больше и злобней предыдущей.

– Хозяин! Хозяин! – треплет меня сзади за рукав Всегдр.

– Отстань! Не до тебя сейчас! – обрываю я его.

– Огонь! Огонь! – кричит мне мальчишка на ухо. – Возьмите огонь!

Какой еще огонь! Ага, вот сразу две головы нацелились на меня... Ну давайте, давайте, голубушки! Я уже вас жду! Милости просим! Удар... Нырок под кинувшуюся на меня вторую пасть и сразу удар из-под низа. Отлично! Эти пока отдыхают! Можно заняться следующими. Огонь, при чем здесь огонь? И тут меня наконец осеняет. Огонь! Может, это как раз то, что мы можем противопоставить летающе-ползающим гадам. Может, огонь это и есть наш единственный шанс?! Посмотрим, как вы дружите с ним!

– Давай! – кричу я Всегдру и, не оборачиваясь, протягиваю назад левую руку.

Всегдр сует в мою руку горящую головешку. Ну что ж, попробуем! Очередная голова летела на меня, изрыгая из своего нутра смрад и вонь. Змеиные глазки, полуприкрытые роговыми щитками, сверкали лютой злобой, а длинный язык выписывал немислимые восьмерки. Моя попытка сунуть горящую головню в пасть дракону успеха не имела. Клацнули зубы, головешка была в одно мгновение перекушена. Неужели это все? Быстро ж они нас сделали! А что, если попробовать использовать огонь несколько по-другому?

– Еще огня! – крикнул я Всегдру.

Два раза повторять ему было не надо. Спустя несколько секунд в руке у меня был уже новый факел. Это, кажется, наша последняя попытка! Я напряг все силы. Сейчас или никогда!

Тем временем голова, почувствовав мою вялость в движениях, резко рванулась вперед, пытаясь схватить меня за ногу. Это ей не удалось. Реакция у меня все же неплохая. В последний момент я успел отскочить в сторону. Клыки лязгнули в пустоте. А затем я нанес свой ответный удар. Пытаясь достать меня в очередной раз, голова опрометчиво вытянула свою шею слишком далеко, и я этого момента не упустил. Ударом меча сверху вниз я тут же снес ее. Теперь нельзя было терять ни секунды. Горящим факелом я с силой ткнул в срез только что отрубленной шеи. Запахло паленым мясом. Конец шеи мгновенно обуглился и почернел. Начавшийся было образовываться на шее флюс внезапно с треском лопнул, и из него вывалилась еще до конца не оформившаяся отвратительная безжизненная голова. Тут же на меня с небывалым остервенением бросилось сразу несколько рычащих пастей. Ага, значит, это вам не нравится! Кое-как отбившись от них, я тотчас повторил процедуру с прижиганием. Заодно кинул взгляд на своего первого пациента. К моей неопишуемой радости, на обожженной мною шее никакой головы так и не возникло, а сама шея безжизненно волочилась за явно озадаченным драконом. Ура, кажется, мы все же нашли ключ к победе!

Дело сразу пошло на лад. Разумеется, не так быстро, как того нам бы хотелось, но чаша весов фортуны начала понемногу склоняться на нашу сторону. Драконы теперь гибли один за другим, а мы все наращивали и наращивали удары. Последние два не стали дожидаться неминуемой развязки и, пряча уцелевшие головы, вначале отползли от нас, а затем с каким-то криком тяжело поднялись в воздух и скрылись за облаками. Проводив взглядом ретиrowавшегося противника, мы попадали от усталости на землю. Не было сил даже пошевелить рукой. На ногах остался лишь Всегдр. Открыв флягу с хмельным медом, он обошел всех нас и влил каждому в рот по несколько глотков живительной и бодрящей влаги. Затем почти насильно заставил выпить и какого-то горького отвара, от которого, однако, мы почувствовали себя значительно бодрее. Затем мы посчитали свои потери. Убитых четверо. Трое из них были речными стражниками, из воинов Небесного Холма погиб Спира. Тяжела была и потеря почти всех коней. Несмотря на уже вторую победу, потери мы понесли ощутимые, и восполнить их нам будет уже невозможно. А кто знает, сколько таких битв у нас еще впереди?

Тут же соорудили костер, и души павших были вознесены на небо. Но куда-то пропал Рогдай. В бою его в последний раз видели бившимся с самого края, а зател он исчез. Я, разумеется, сразу же вспомнил его попытку напасть на меня, которая не удалась только из-за появления Вакулы. Сразу же вспомнилось и необычное поведение Рогдая при встрече с русалками. Все это наводило на определенные выводы.

– Не зря Любомудр говорил о том, что тринадцать – число несчастливое! Один из нас был явно лишним. По-моему, это и был Рогдай! – высказал я свою мысль.

– Ты утверждаешь, что Рогдай лазутчик нечисти? – с явной угрозой в голосе спросил Вышата.

– Всего лишь высказываю предположение! – таким же тоном ответил я. – Слишком много в его поведении непонятного, не говоря уже об исчезновении.

В общих чертах я поведал воеводе то, что успел заметить в поведении начальника разведки.

– Рогдая я знаю давно и словам твоим не верю! – нахмурился Вышата, но былой уверенности в его словах уже не было.

Вакула высказал предположение, что Рогдая, скорее всего, сожрал один из драконов. Не поленившись, наш силач обошел всех поверженных звероящеров и, вспоров им животы, дотошно и долго ковырялся мечом в брюхе. Пропавшего Рогдая, естественно, там не было.

– Наверное, его сожрал кто-то из улетевших! – высказал мнение Вышата.

Более ни у кого никаких версий не было, а потому на том все и порешили. О своих выводах я решил пока никому не говорить. Более всех о Рогдае печалился опять же добродушный и отзывчивый Вакула:

– Как же так получилось, что я не заметил, как его сожрали эти треклятые змии! Как теперь он попадет без костра на застольный пир к Перуну?! Какой позор для всех нас!

Вакулу никто не утешал и не переубеждал. Все были слишком уставшими для этого. Признаюсь, что тогда я, как и все остальные, постарался убедить самого себя в смерти нашего начальника разведки. Впрочем, даже если бы я тогда и начал выстраивать конкретную версию, на ход последующих событий это вряд ли каким-то образом повлияло. Ночь меж тем постепенно подходила к своему неизбежному концу, на востоке уже вставала новая заря.

С рассветом мы решили в путь не трогаться, а остановиться на дневку, чтобы по-настоящему отдохнуть и отоспаться. Отъехав подальше от места очередного побоища, мы выбрали поляну, где к нам нельзя было бы подобраться незаметно. Выставили дозорных и мгновенно провалились в сон.

* * *

– Рота, подъем! – Голос дневального, громкий и резкий, в одно мгновение вышвыривает нас из теплых коек.

– Время пошло! – Это уже ротный старшина. – Быстрее! Быстрее! Сейчас думать некогда! Одетые бегом в оружейку! Автоматы, боезапас, противогазы! Через пять минут построение на плацу!

Застегиваясь на ходу, выскакиваем в проход между койками, налетая и толкая друг друга. Разговоров никаких нет. Второй час ночи. Никто еще толком не проснулся.

– Совсем начальники с ума посходили! – возмущается кто-то, отчаянно зевая. – Все же не пацаны какие-то, а выпускной курс, могли и утром тревоги играть!

– Разговоры!

Это уже командир роты. Сухощавый и подтянутый, он нервно поглядывает на часы.

– Автоматы, боезапас, противогазы! – кричит старшина.

Громяхая прикладами, прыгая через несколько ступенек, сбегает вниз. На плацу темно и зябко. Противно моросит дождь. Выбегающие роты быстро и привычно строятся в походные колонны по классам и взводам. Где-то сдержанно матерятся. Большинство же молчит, мысленно прощаясь с теплом и уютом казармы.

– Может, снимут нормативы и отпустят досыпать? – спрашивает кто-то сам себя с робкой надеждой в голосе.

– Размечтался! – оборачиваются к нему рядом стоящие. – Видишь, вон все училищное начальство повывезало! Что, они зря ночевать здесь остались? Как пить дать, будет маршбросок со всеми прибабахами!

Командир роты бросает недокуренную сигарету:

– Рота, за мной, бегом марш!

Срываясь с места в карьер, начинаем свой разбег в неизвестность. Плотные ряды постепенно растягиваются. Наш взвод последний, а потому ритм бега у нас самый рваный. Мы то догоняем оторвавшуюся вперед голову колонны, то, наткнувшись внезапно на нее, наоборот, переходим почти что на шаг. Бежим долго. В небе уже светает. Город кончился. Впереди за обочиной распаханное поле. Бесконечный океан грязи. Может быть, мимо? Ну уж нет, мимо дерьма наше начальство не пройдет! Сворачиваем с дороги и с ходу влетаем по колено в навороты раскисшей земли.

– Вперед! – кричит ротный. – За мной, орелики!

И мы дружно месим за ним хлюпающую грязную жижу.

– Даю вводную: впереди танки! Окапываемся!

– Но это уже слишком! – стонет кто-то в бессилии. – Сейчас вывалиемся как свиньи, а после обеда увольнение! Вот жизнь треклятая!

Под саперными лопатками чавкает земля. По каске стучит дождь. В отрытом окопчике по колено воды. Но это уже не важно. Все давно мокрые насквозь. Бросаю осточертевшую лопатку на бруствер. Перевожу дух. Рядом с ненавистью бросает свою лопатку Мишка. Сейчас Мишку не узнать. Лицо его черное от грязи. Он смеется, тыча в меня пальцем:

– Ну и рожа у тебя, старина!

– Ты бы себя сейчас увидел! Фредди Крюгера от твоего взгляда бы сразу кондрашкахватила! – отвечаю ему.

– Если хочешь сказать, что я похож на черта, то я чертей люблю!

– Дурак ты! – говорю я ему. – С такими делами не шутят!

– А я и не шучу! – Лицо Мишки делается серьезным, и он меняет тему разговора. – Сколько мы сегодня отмахали?

– А кто его знает! Теперь уже без разницы!

– Может, хоть теперь передых дадут?

– Держи карман шире!

– Рота! В атаку! – кричит наш неутомимый комроты и первым несется куда-то, выворачивая своими сапогами куски чернозема.

– Вот сволочь так сволочь!

В этот момент я искренне ненавижу своего начальника.

– Ура! – подхватываем мы остервенело и с автоматами наперевес бросаемся за ним.

Грохот холостых очередей заглушает все прочие звуки. Мы атакуем столь яростно, словно на опушке нас ждет настоящий враг.

... Лишь вечером добираемся до казармы. Какие там разговоры в курилке, какой там фильм в клубе! Кое-как моемся и валимся спать. В последний момент кто-то вспоминает, что завтра все-таки воскресенье, а значит, можно будет выбраться в город, где дискотека, пиво и приятные знакомства. Из тумбочки неожиданно вываливается целая стопка тетрадей. Настроение сразу падает. Это конспекты по истмату и военной педагогике. Впереди сессия с ее непредсказуемым сюжетом, а там и вождеденный отпуск.

Летний отпуск мы собирались вместе с Мишкой провести у его бабушки в Крыму. Туда и отправились. Небольшой поселок на берегу Азовского моря. Это, конечно, не ЮБК, но и мы всего лишь курсанты, а не столичные богатеи. Честно говоря, бабушка друга мне не понравилась с первого взгляда. Было в ней что-то злое и недоброе.

Едва приехав, мы бросили вещи и, разумеется, сразу же отправились купаться, благо что море видно прямо из окошек дома. К нашему приходу Мишкина бабушка накрыла стол. От внука она буквально не отходила, а на меня смотрела с подозрением. Как мне показалось, моему приезду хозяйка вообще не слишком обрадовалась.

Вечером, когда мы уже укладывались спать, старуха вошла к нам в комнату и, порывшись в комод, вытащила оттуда колоду старых карт.

– Спокойной ночи, внучек! – улыбнулась она Мишке, совершенно игнорируя мое присутствие. – А я еще немного погадаю!

Утром, выйдя умываться, я поздоровался с хозяйкой, но та ответила таким злым взглядом, что у меня мурашки по спине побежали. На пляже я спросил Мишку, с чего его бабушка так меня возненавидела.

– Не знаю! Вечером поинтересуюсь! – недоуменно пожал тот плечами. – Слушай, а слабо наперегонки до того мыса и обратно?

– Почему слабо? – поднялся я с песка. – Ставлю бутылку пива!

– Вызов принимается! – ударил по рукам Мишка. – Отвечаю еще одной! Раз! Два!

Три! Пошли!

Вечером старуха явно старалась меня избегать. А потом Мишка, помявшись и пряча глаза, сказал:

– Я спросил у бабушки насчет тебя. Она говорит, что всю ночь гадала и карты сказали ей, что ты желаешь мне смерти и станешь моим самым страшным врагом!

– Что за чушь! – вскочил я. – И ты в эту чушь поверил?

– Я нет, а она да! – вздохнул Мишка. – Короче, она просит, чтобы ты уехал. Ты уж извини, что так получилось. Я и сам, честно говоря, не ожидал от нее такого. Попытался уговорить, а она уперлась: враг, враг! Старая, сам понимаешь, уже ум за разум заходит. Я бы и сам с тобой сбежал, но отпуск-то надо где-то проводить!

– Ничего страшного, старина! – сказал я Мишке. – Утром поеду к родителям, тем более что они и так обижаются, что редко у них бываю!

В ту ночь я долго не мог заснуть. Мишка, по-моему, тоже. Я слышал, как он вздыхал и ворочался на своем старом топчане.

Утром бабка куда-то ушла. Мы попили чаю. Мишка хотел было меня проводить до вокзала, но я отказался. Доберусь и сам. Попрощались. А выйдя за калитку, нос к носу столкнулся с его бабкой.

– До свидания! – буркнул я.

Зло сверкнув глазами, старуха прошипела в ответ:

– Я знаю, что ты хочешь погубить моего любимого внука! Но запомни: у тебя из этого никогда ничего не получится! Я уже приняла для этого все меры! Не ты погубишь его, а он погубит тебя!

– Да в своем ли вы уме, бабушка! – воскликнул я с негодованием. – О чем вы говорите!

– Я-то в своем уме и знаю, о чем говорю! Так что ты на пощаду не надейся! – погрозила мне старуха своей сучковатой палкой. – Изыди, вражья сила!

Под впечатлением этого дурацкого разговора я провел весь остаток отпуска. По возвращении в училище Мишке я о нем ничего говорить не стал. Он и так чувствовал себя неловко. Прошло время, летняя неурядица забылась и мною.

Глава шестая

Дед лесовик

День отдыха прошел без всяких происшествий. Мы прилично отоспались и теперь выглядели настоящими молодцами. Однако решено было все же не сниматься с места на ночь глядя, а переночевать здесь. Сидя на траве, я сосредоточенно точил куском кремня свой меч и раздумывал, почему во снах все время ко мне приходит мой стародавний друг Мишка, ведь было же немало других дорогих мне людей в той моей жизни? Почему же именно Мишка? Иногда мне казалось, что в тех воспоминаниях, что прокручивал по ночам мой воспаленный мозг, он пытается что-то сказать мне или, наоборот, что-то недосказать? Воспоминания о друге, разумеется, были мне приятны, но почему все же его образ преследует меня столь навязчиво и неотступно? Почему он заслоняет от меня все иные?

С заходом солнца мы приготовились к отражению возможного нападения и не ошиблись. Едва вошла луна, как мы были атакованы мириадами летучих мышей. Впрочем, это были не совсем обычные мыши, а маленькие крылатые вампиры-кровососы. Они пикировали на нас сотнями и стремились достать до живой плоти, в которую тут же вонзались своими клювами-насосами. Опустив личины и выставив перед собой щиты, мы приняли бой, который напоминал бой с тенью. Наши мечи, разумеется, были грозным оружием, но не против этих маленьких и вертких существ, которые всякий раз легко ускользали из-под удара. Впрочем, и нам они причиняли не так уж много вреда, в бессильной злобе царапая когтями щиты и кольчуги.

– Кони! Берегите коней! – внезапно закричал Вышата.

Я оглянулся на наших коней. Они бились и ржали, буквально облепленные со всех сторон сотнями яростно пищащих и охочих до теплой крови маленьких вампиров. Все мы разом бросились на помощь нашим верным животным, и так столько выстрадавшим в этом походе. Мы накрывали их попонами, сбивали неистовых кровососов и безжалостно топтали их сапогами, но на место убитых летели новые и новые отряды врагов. И снова нас выручил Всегдр! Он опять схватил горящую головешку и начал яростно махать ею вокруг наших коней. Вампиры отпрянули. Нет, они не улетели, но приближаться к огню явно опасались. Так мы и промахали головешками до самого рассвета, пока маленькая нечисть не покинула нас. Одного коня мы спасти все же не смогли, от большой потери крови он издох еще ночью. Второго, вконец обессиленного, пришлось прирезать, чтобы создать хотя бы небольшой запас мяса впрок. Конину щедро пересыпали имевшейся у нас солью, чтобы она могла сохраниться. Продовольствия у нас еще было достаточно, но везти его было уже не на ком. Уже перед тем, как покинуть поле нашей самой продолжительной стоянки, я поднял с земли одного из убитых нами ночных кровососов. Размером со среднюю летучую мышь, с точно такими же перепончатыми крыльями, эти создания имели почти человеческие лица: словно скорчившие гримасы младенцы, сморщенные и жалкие. Лишь жуткий оскал маленького, но хищного рта, наполненного множеством мельчайших зубов, да странный то ли язык, то ли клюв-присоска, безжизненно свисавший набок, заставляли усомниться в их человеческой сущности. Было очевидно, что, посылая в бой эти маленькие летающие насосы, Коуш не мог серьезно рассчитывать на победу над нами. Но зачем же тогда он их послал? Вывод напрашивался один – это было сделано только для того, чтобы не дать нам выспаться, чтобы мы были изнурены и усталы. А раз так, значит, он непременно в скором времени приготовит для нас очередной сюрприз.

Еще ночью, несмотря на все вампирьи страсти, я лишний раз подкорректировал направление нашего движения по Полярной звезде. Идти теперь мы решили пешком, погрузив на оставшихся коней только поклажу. Вышата, правда, намекнул, что мне как Посланнику лучше было бы передвигаться верхом. Но я сразу же отверг это предложение, и воевода к нему более

не возвращался. Вскоре после того как мы покинули наш лагерь, мы выбрались на перекресток. Одна дорога, самая широкая, шла на восток, две другие на север и на запад.

– Ну вот, – сказал я, обращаясь к своим спутникам. – Прямо пойдешь – коня потеряешь. Направо пойдешь – друзей потеряешь, а налево пойдешь – сам погибнешь! Куда пойдём, други?

– Конечно же налево! – ответили все разом не сговариваясь и рассмеялись.

– Все правильно! Нам как раз туда и надо! Жребий брошен!

В отношениях с Вышатой у нас сам собой сложился некий двуумвират. Хотя воевода, как и все остальные воины, был всецело подчинен мне, я вполне сознательно во многих случаях сам уступал ему первенство. Когда Вышата был рядом, я всегда чувствовал себя спокойно и уверенно. Да и как иначе, ведь воевода обладал огромным опытом, был мудр и хитер. Мне уже начинало казаться, что мы с ним понимаем друг друга с полуслова, а это в нашем отчаянном предприятии было уже само по себе большим делом. Да и чисто по-человечески он был мне очень симпатичен.

Если верить словам Вышаты, то люди никогда еще не забирались так далеко в землю нечисти.

– А ведь посылались отряды куда больше и сильнее нашего! – рассказывал мне шедший рядом воевода. – Но дальше, чем на несколько десятков верст, от реки уйти никогда не удавалось. Я участвовал в двух больших походах. В первом спасся только потому, что был оставлен сторожить переправу. Тогда из сотни ушедших в лес обратно не вернулся ни один. Второй раз мы дрались с драконами и одолели их, хотя бой был тоже тяжелый. Но потом на нас напало огромное стадо человекобыков, почти все наши пали в бою. Меня тогда почти насквозь пропороло рогом, я едва выжил. Странно, что ныне против нас дерется совсем иная нечисть, чем раньше. Похоже, что она никогда не повторяется.

– Да, в этом, видимо, есть свой большой смысл, ибо, не зная, кто тебе будет противостоять на сей раз, ты не можешь подготовиться именно к этой битве. Все приходится узнавать о противнике прямо в бою, тогда как они нас уже изучили очень хорошо! – согласился я с Вышатой.

– Давно хотел спросить тебя, Посланник! Что это у тебя за рубаха такая полосатая?

– Это тельняшка! Такие носят в моем мире воины, которые дерутся на море и на суше!

– Она что, заговоренная? – покосился на меня воевода.

– Да вроде того! – усмехнулся я.

– Если живым вернусь, тоже себе сошью такую. Нравится она мне! И на речках я тоже дрался, а чем река не море? Ты не возражаешь?

– Да нет, – пожал я плечами. – Осталось только вернуться живыми!

Идущие рядом воины внимательно прислушивались к нашему разговору. Внезапно в придорожных кустах что-то зашевелилось. Сейчас же туда, выхватывая на ходу из ножен мечи, бросилось сразу несколько человек. Слышна была недолгая возня, а затем показались наши воины, со смехом тащившие какую-то упиравшуюся образину.

– Ну и страшилище! – скупно рассмеялся Вышата. – Эко его уродило!

Образина, прямо сказать, была весьма живописная. Волосатая и замшелая, на маленьких кривых ножках, с такими же маленькими, почти детскими ручками. Еще умильней выглядела рожица страхолюдины с длинным шмыгающим носом и здоровенными, обвислыми ушами. Глаза образины затравленно бегали.

– Ишь, уши какие! – сказал Вышата. – Ни дать ни взять лазутчик Коуша. Сейчас прикончим, и дело с концом!

Услышав последнюю фразу, плененное существо внезапно разрыдалось.

– Знаем мы эти штучки! – мотнул головой Вышата. – Уже с русалками встречались! Не разжалобишь!

– Я не какая-нибудь поганая топлянка или кикимора болотная! – обиженно ответил пленник. – Я тварь благородная – Леший!

– Этого нам еще не хватало! Тьфу, какая гадость! – брезгливо сплюнул Вышата, вытаскивая меч. – Был Леший и не будет сейчас Лешего!

– Не надо! Не надо! – отчаянно замахал своими ручонками наш пленник. – Я никогда не делал людям большого зла! Я никогда никого не погубил! Не губите и вы меня!

– Может, и впрямь пожалеем, – встрял в разговор и я. – Ведь он на самом деле не сделал нам ничего плохого!

– Просто не успел! У нас здесь нет друзей. У нас здесь одни враги! – зло буркнул Вышата, но вытаскивать свой меч все же повременил.

– Убить Лешего мы успеем всегда, гораздо лучше его допросить. Думаю, от этого пользы будет больше! – назидательно сказал я воеводе и повернулся к пленнику: – Итак, ты кто?

– Я Леший, а по-нашему, лесному, дед-лесовик! – ответил он мне с явным облегчением.

– Ну а что ты здесь делаешь?

– Известно что, обитаю! – удивился Леший.

– Зачем из кустов за нами следил?

– Так любопытно же на вас поглядеть, каковы вы, погубители наши!

– Кто мы такие, знаешь?

– А то! – Леший, как мне показалось, даже обиделся на такой глупый вопрос. – Я человек от своих сразу отличаю. Да и слух у нас здесь прошел, будто много нашего брата вы на дороге побили. Говорят, кого против вас ни пошлют, все одно что сразу ложись и помирай! Живым никто и не вернулся!

– Это ты верно говоришь! – гордо усмехнулся Вышата. – От нас не уйдешь!

– Что еще у вас говорят? – продолжил я расспрос.

– Говорят и то, что сам Вечный Коуш гонцов всюду рассылает, чтобы противу вас новые рати собирать, но ныне на это дело охотников мало. Все больше спрятаться норуют.

– Это почему ж?

– А кому охота от людей пасть? Это ж позор на весь род! – Леший говорил с видимым удовольствием, чувствовалось, что он соскучился по общению. Затем он понизил голос: – А кроме того, ходит слух, что Коуш не может набрать большое войско против вас, потому что с вами идет какой-то посланник богов, который исполняет волю неба, а потому бороться против него бесполезно. Несколько дней назад, говорят, ушли куда-то на восток человекобыки и гадючьи гамадрилы, упыри с вурдалаками, говорят, тоже куда-то подались подобру-поздорову, а вчера я сам видел племя воинов ночи, которые уходили по западной дороге. Даже эти отказались драться с посланником богов, а уж на что всегда были верны Коушу и непобедимы в сражениях!

Что ж, информация Лешего была для нас более чем ценная. Кто мог подумать, что слух о моем появлении вызовет целую серию мятежей в этом кошмарном подлунном царстве. Дело, разумеется, здесь было вовсе не во мне, а в моем новом имени и в тех, кто за этим именем стоял... Итак, с какой-то долей уверенности можно было констатировать, что в стане врага начался разлад и их правитель начал терять контроль над ситуацией. Наиболее дальновидные нелюди уже ударились в бег. Однако, несмотря на это, силы и средства для борьбы с нами у Коуша, судя по всему, все еще были в достатке.

– Язык человеческий откуда понимаешь? – скороговоркой спросил я Лешего, чтобы тот не расслаблялся.

– Известно откуда, бывал я в вашей земле, да и жил подолгу, там и выучился!

– Пакостил, значит! – опять насторожился Вышата.

– Куда там! – замахал ручонками Леший. – Какой из меня пакостник! Эх, времечко было, любо дорого вспомнить!

– Чем же лес наш лучше вашего? – спросил кто-то из обступивших нас воинов.

– А почитай всем! – топнул своей короткой ножкой старик-лесовик. – У вас и птички поют, и живность разная бегают, да и люди в лес по грибы да по ягоды ходят. Ве-се-е-е-елуха!

– Так людям ты, наверное, и вредил! – подозрительно поглядел на Лешего Вышата, но тот, похоже, уже несколько воеводу не боялся.

– Окстись! – махнул он на него рукой. – Где же это слыхано, чтоб мы, лешие, погибь кому-нибудь учинили! Из всей нежити мы, почитай, к вам, людям, самые что ни на есть близкие будем! А я вообще... Девок, конечно, бывало, пугал, да и то больше для смеху. Они лукошки с грибами да ягодами побросают и бежать с визгами. Смехота, да и только! А мальчонку одного, что заплутал, я и вовсе как-то к дому вывел. Потом он, бывало, уж и сам ко мне в гости приходил. Мы с ним в прятки играли!

– Ну а потом? – отвлек я Лешего от сладостных воспоминаний. – Что было потом?

– Известно, что... кое-кто во Дворце нашептал, что я с людьми знаюсь, меня сразу оттуда и поперли. Не можешь, говорят, ты за границей себя достойно вести! Теперь я невыездной. Сколько лет минуло, а я все вспоминаю и девок-ягодниц и мальчонку того. Эх, жизнь была не чета нынешней!

Не знаю почему, но Леший мне определенно нравился. Я верил его рассказам и понимал, что его встреча с нами вовсе не запланирована здешними силами. У меня было много важных вопросов к лесному болтуну, но я решил немножко повременить и разговорить его еще больше.

– А может быть, тебя еще вернут к людям? – спросил я старика участливо.

– Куды там! – осклабился остатками зубов наш замшелый гость. – У нас такие провинности не прощают, да и стар я уже, кому нужен! Счас у вас молодые лешаки девок гоняют!

Внезапно глаза Лешего стали строгими, былая мечтательность спала с его волосатой морды.

– Уходить вам надо отсюда! – сказал он полушепотом и со всей возможной серьезностью в голосе. – Слышал я, что Коуш самолично решил с вами расправиться. Быть беде великой! Вы и так уже распугали половину нашего царства, так что пощады от него не ждите! Уходите домой, пока не поздно!

– Это мы всегда успеем! – мотнул я головой. – Ты лучше расскажи нам, кто он, этот ваш Вечный Коуш?

– Как, вы не знаете Вечного Коуша? – Старик-лесовик с отчаянием всплеснул обеими ручонками. – Да ведь и вправду вы, люди, так мало знаете о нас! Вечный Коуш – наш великий правитель. От начала времен он правит нашим миром и сражается с вашим. Он бессмертен и беспощаден, он всезнающ и всевидящ. Он правит из своих недоступных чертогов, одолеть его никто не может!

– Это мы еще посмотрим! – подал реплику Вакула. – Молодняк по осени считают!

Я остановил Вакулу жестом. Времени у нас было не так уж много, а потому надо было побыстрее закончить допрос, не отвлекаясь на лирические отступления.

– Где чертог Коуша?

– Известно где, – хихикнул лесовик. – Во Дворце на острове Буяне!

– Где этот остров?

– На море-окияне!

– Где окиян?

– Там! – Леший достаточно уверенно махнул рукой на нашу уходящую на север дорогу.

– Был ли ты сам на острове?

– Нет, нет! – испуганно захлопал глазами Леший. – Куда мне! Кто из нас, ничтожных, его увидит, тот уж не возрадуется!

– А нет ли на том острове дуба с сундуком на ветвях? – поинтересовался я, думая уже о своем.

– Ни о чем таком не ведаю! – пожал плечами Лешак.

– Но каков он сам, ваш Коуш?

– А кто его знает! – искренне вздохнул наш пленник. – Говорят, что может он принимать самые разные обличья: быть человеком и зверем, чудисцем несусветным, а больше всего любит прикинуться черной птицей.

При последних словах я многозначительно поглядел на Вышату, тот понимающе кивнул.

– Кого из приближенных Коуша ты еще знаешь? – продолжил я допрос.

– Видывал его главного воеводу Черноморда!

– Каков он? – сразу же спросил явно заинтересованный этой личностью Вышата.

– Писанный красавец! – аж причмокнул Леший. – Здоровенный, весь волосатый, а уж лицом прямо покойник!

– Ясно! – удовлетворенно кивнул Вышата и подмигнул мне. – Запомним этого писаного красавца!

– Да и мне теперь ясно, что верны были слухи о посланнике богов! – в свою очередь заулыбался Леший. – Теперь-то я точно знаю, что посланник – это ты!

И лесовик ткнул меня легонько своей грязной рукой.

– Много будешь знать, плохо и рано кончишь! – резко одернул его Вышата и довольно бесцеремонно оттолкнул от меня.

Леший, однако, почти не заметил этого. Все его внимание было теперь приковано только ко мне.

– Знаешь ли ты, где находится обиталище Коуша? – опять приступил я с расспросами.

Вместо ответа Леший отчаянно замотал своей всклокоченной головой.

– Тогда кто это знает?

– Знают, видимо, те, кому знать об этом положено! – мудро заметил мне в ответ мой собеседник. – Но вот беда, я не знаю и этих! Хотя погодите!

Леший немного помолчал, почесал когтями затылок, затем плюнул себе под ноги:

– Эх, была не была! По пути на север в избе на столбах живет старуха Эго. Она-то уж точно знает, где обитает Коуш!

– Откуда такая уверенность? – спросил Вышата.

– Как откуда? – даже удивился наивности вопроса Леший. – По молодости лет, веков так пять-шесть назад, была старуха Эго у Коуша в полюбовницах, а потому – кому как не ей знать, где обитель ее старого сердешного друга!

– Спасибо тебе, дед лесной! – похлопал я по плечу Лешего. – Может, еще свидимся!

– А чего там! – отмахнулся тот, затем опять почесал лапой затылок. – А могу ли я узнать, по какой такой надобности вы ищете Коуша?

Вышата вопросительно глянул на меня. Я задумался. Врать доверчивому лесовику мне не хотелось, да и зачем? О причине нашего похода Коуш знает не хуже нас.

– Мы идем, чтобы его убить! – сказал я, глядя Лешему прямо в глаза.

– Только не это! Только не это! Зачем вам его жизнь, возьмите лучше все другие! – замахал лесовик руками.

Из-глаз его внезапно брызнули слезы.

“Ничего себе преданность правителю! – подумал я. – Никогда бы не пришло в голову, что у нечисти бывает такая преогромная любовь к своим начальникам!”

Замшелое создание тем временем размазывало слезы по своей волосатой физиономии:

– Со смертью Вечного Коуша изменится и вечное равновесие наших миров, кто знает, какие напасти обрушатся на нашу землю!

– На вашу, может, и обрушатся, зато на нашу уж точно нет! – подал злой голос Вышата.

Наш новый знакомец тем временем вытер свою рожицу и попытался изобразить улыбку, но та получилась вымученной, а потому жалкой.

– Впрочем, я не желаю вашей смерти! – сказал он нам. – Пусть будет все как будет! Прощайте!

С Лешим мы распрощались по-доброму. Он еще долго, пока мы не скрылись за поворотом, стоял на обочине и махал нам вслед лапой.

Остаток дня прошел спокойно. Так же спокойно прошла и ночь. Кто-то, правда, где-то рядом жутко и протяжно завывал, но подойти ближе все же не решился.

– Может, мы уже всех и перебили? – высказал робкую мысль Всегдр.

– Как бы не так! – ухмыльнулся невесело в ответ Вышата. – Главная кровь еще впереди! А пока лишь передышка!

– Что ж, будем радоваться и этому! – встрял в их разговор Вакула.

Передышка, однако, явно затягивалась. Я, вместо того чтобы радоваться, начинал уже не на шутку тревожиться. Что готовит нам наш коварный противник?

Глава седьмая

Оборотни

Близился к концу второй день нашего марша. Начало смеркаться, когда я понял, что дарованная нам передышка подошла к концу. Внезапно из чащи леса впереди нас показался человек. Не какой-то монстр, а именно человек. За ним появился второй, третий, десятый. Скоро вся обочина была заполнена людьми: мужчинами и женщинами, стариками и детьми. В жалких рубищах и босые, они тянули к нам руки и молили о помощи.

Наверное, в моем взгляде что-то дрогнуло, потому что Вышата, мельком глянув на меня, тут же выкрикнул для всех:

– Помните русалок! Не останавливаться! Держитесь ко мне ближе!

Мы сразу же подтянулись, ускорили шаг и, прикрываясь шитами, двинулись вперед маленькой стойкой фалангой. Толпа нищих-нелюдей тоже не отставала. А из леса к ним присоединялись все новые и новые люди. Не скрою, что хотя я прекрасно понимал, с кем мы имеем дело, мое сердце готово было к состраданию.

– Нечисть и не на такие штуки горазда! – шепнул, поняв мое состояние, Вышата.

Тут же он обернулся к остальным:

– Теснее! И не глазеть по сторонам!

Мне казалось удивительным, что я не слышал ни одного возгласа или слова, а лишь одни всхлипы и какое-то жалобное поскуливание.

В этот момент к Вышаге буквально бросился под ноги малолетний мальчик. Не останавливаясь, воевода пнул его, и малыш отлетел в сторону, корчась от боли. Каюсь, я едва подавил в себе желание броситься на помощь плачущему ребенку. И в этот момент я услышал вой. Державшийся от остальных несколько в стороне древний старец с посохом в руке, которого я почему-то посчитал за местного волхва, внезапно отбросил в сторону посох, скинул с себя свое рубище, совершенно нагой упал на четвереньки и, высоко задрвав голову, протяжно завыл на только что показавшуюся на небосклоне луну. Вторя ему, начала срывать свои жалкие одежды и падать на колени остальная толпа. Со всех сторон до нас доносился только жуткий нечеловеческий вой. Мы продирались сквозь темный коридор стоящих на четвереньках и истошно воющих людей-нелюдей.

– Это оборотни! – повернул ко мне голову Вышата. – Я одного однажды видывал, о нескольких слыхивал, но чтобы их было так много – никогда не приходилось наблюдать. Наверное, к нашему приходу пособирали по всему миру!

Да мне и самому было уже ясно, что это оборотни, что нас ожидает нечто весьма страшное. При этом я понимал, что, будь их несколько десятков и даже сотен, мы наверняка бы справились, но их были тысячи и тысячи...

– Смотрите! – внезапно крикнул мне на ухо Всегдр. – Смотрите туда!

Я глянул по направлению его руки и чуть не выронил свой меч. На придорожном пригорке неподалеку от нас стоял в окружении молодых и здоровых оборотней... Рогдай! По тому, как уверенно он держался среди прочих нелюдей, по лихорадочному блеску его красных глаз, по громким крикам, которые он издавал, было понятно, что здесь он свой среди своих, причем один из самых главных. Одновременно со мной Рогдая увидели и остальные.

– Может, они его схватили в плен! – неуверенно произнес пораженный зрелищем Вакула и смолк на полуслове.

– Это моя ошибка! – буквально проскрежетал зубами Вышата. – Ведь я давно должен был догадаться, что в нем что-то не так! Как же я был слеп!

Воевода с силой ударил плашмя мечом по щиту, явно привлекая к себе внимание Рогдая. И когда тот обернулся к нему, громко крикнул:

– Ты мой, Рогдай! Ты мой! Я не успокоюсь до тех пор, пока не возьму твою жизнь!

В ответ Рогдай громко захохотал, и хохот его напоминал более лай, чем человеческий смех:

– Ты мне не нужен, воевода! Тебя растерзают другие! Мне же нужен только Посланник! И моей добычей сегодня станет именно он!

Выкрикнув это, Рогдай спустился с пригорка и исчез в толпе оборотней.

Казалось, что воем наполнен весь чернеющий лес. Затем я увидел такое, от чего волосы на моей голове начали сами собой подниматься. Я увидел, как люди прямо на моих глазах начали превращаться в зверей. Их удлиняющиеся лица все более и более напоминали волчьи морды, тела быстро покрывались густой шерстью, откуда-то появлялись хвосты, а рты уже всюду ощеривались клыками. Но более всего меня поразили глаза. Из человеческих они в несколько мгновений превратились в желтые прорези, в которых уже не было ничего, кроме жуткой ненависти и жажды крови.

Я оглянулся. Толпы оборотней, мимо которых мы уже прошли ранее, теперь двигались на четвереньках за нами следом. Где-то среди них был сейчас и Рогдай, следящий за мной и нацеленный только на меня. Я искал его глазами и не мог найти среди множества воющих оборотней. А их следовало за нами без счета. Не меньше было по сторонам и впереди.

Только теперь я понял, что означала недавняя передышка. Коуш просто собирал против нас великую рать, и, надо отдать ему должное, он ее собрал. Я чувствовал дрожь левой руки. Неужели это я? Однако, скосив глаза, понял, что это дрожит прижавшийся ко мне Вседр. Мальчишка искал у меня защиты от охватившего его страха.

Мы прибавили шаг. Но оборотни тоже не отставали. Завершая свое превращение, они кружились вокруг нас, пока, правда, не рискуя нападать. Казалось, они сгорали от желания отведать человечины, но что-то их сдерживало или они чего-то ждали. Но чего?

И тут показался он. Я сразу же узнал его, а он, полагаю, меня. Наши глаза встретились, и он, хрипло что-то прокаркав и взмахнув крылами, исчез в ночном лесу. И вот тогда-то началось! На нас обрушилась лавина словно спущенных с цепи нелюдей. В первые мгновения мне показалось, что нас уже смяли и раздавили. Но, слава небу, мы как-то устояли. Вновь, как и в былые схватки, мы быстро образовали круг и, прижавшись спинами друг к другу, приняли бой. Издали, наверное, мы в те минуты напоминали маленькую одинокую скалу среди бушующего океана ненависти.

Что нас спасло в те самые первые минуты бешеного натиска? Наверное, прежде всего виртуозное владение мечом воинов Небесного Холма. Мы все рубились как сумасшедшие. Спустя короткое время вокруг нас уже высились штабеля трупов павших тварей. Поэтому напиранием следом за убитыми приходилось прыгать и взбираться по мертвым телам своих сородичей. Это сразу же несколько ослабило силу напора. Кроме того, наш круг обороны был настолько мал, что большинство беснующихся тварей вынуждено было ждать своей очереди, чтобы принять участие в схватке. Им просто не хватало места. Но это были их проблемы. У нас же хватало своих. Мы были окружены со всех сторон таким плотным кольцом, что прорваться сквозь него было просто невозможно, да и некуда. Мы были обречены лишь отбиваться, ведь малейший разрыв нашего маленького бастиона грозил нам мгновенной смертью. Сколько предстояло так драться, не мог сказать никто. Хуже было другое. Я внезапно понял, что рано или поздно, но мы выбьемся из сил и тогда нас обязательно сомнут. Перебить всех мы не в состоянии. На этом, видимо, и строился весь расчет Коуша. Но я твердо знал и другое: сражаться все мы будем до последнего дыхания, и если все же это будет наша последняя битва, то, по крайней мере, она будет славной.

Тактика оборотней была достаточно примитивна. Вот из груды трупов на меня прыгает очередной оборотень-волк. Я принимаю его на щит и тут же наношу рубящий удар по голове мечом. Тварь падает, а на меня уже летит следующая. Порой, правда, получалось, что одно-

временно прыгали сразу двое. Тогда приходилось одного отбивать щитом, а второго сразу же встречать ударом меча в морду. В этой кровавой карусели изменить что-либо не могли ни они, ни мы. Будто некий страшный механизм уничтожения. Раз... Отбой щитом... Два... Удар мечом... Снова щитом... Снова мечом... И так до бесконечности. Вскоре наступила ночь, но было удивительно светло. Луна была полной и светила всюду.

Постепенно горы трупов стали столь высокими, что оборотни, взбираясь на эти жуткие завалы, уже бросались на нас сверху. Отбивать их тяжеленные тела, падающие сверху, оказалось несравненно трудней. Поэтому нам пришлось карабкаться на поверженных врагов и сражаться, стоя по колено в их потрохах. Со стороны, вероятно, все это выглядело просто чудовищно. Но нам до этого не было никакого дела. Как мясники, мы были с ног до головы залиты кровью. Она пропитала нашу одежду, хлюпала в сапогах, заливала лицо и глаза, мешая смотреть. Ее гнусный солоно-сладкий вкус стоял даже в горле. Запах самой смерти витал над нами, и наши мечи, словно некие роковые жернова, взлетали ввысь, методично перемалывая волчью плоть. Сколько минуло времени, я не мог сказать, так как давно потерял способность что-либо воспринимать, кроме мчащихся на меня серых теней.

В какой-то миг я все же бросил взгляд на мешавшую драться падаль под нашими ногами, и меня пробил озноб. Мертвые тела оборотней постепенно начинали принимать свое человеческое обличье. Зрелище это было поистине кошмарным. Вскоре мы стояли уже не на кучах растерзанных волков, только что нами поверженных, а на гудах растерзанных человеческих тел. И хотя мой разум понимал, что все это совершенно не так, что все это лишь обман зрения и еще один способ сломить нашу волю, сердце отказывалось это понимать.

Вот старцы, чьи седины уже спеклись от крови, вот изрубленные нашими мечами в крошево женщины и девушки, вот почти надвое перерубленный мальчишка, тот самый, что совсем недавно был столь грубо отброшен на обочину сапогом Вышаты. Я вспомнил этого волчонка, что одним из первых бросился на меня и пытался укунить за ногу, когда удар именно моего меча положил конец его недолгой жизни. Но почему я их жалею? Они же нечисть, и мы убиваем их сейчас лишь потому, что вынуждены делать это, ибо они хотят забрать наши жизни. Нет, не смотри, не смотри на мертвых, смотри на живых. Не знаю, что чувствовали в этот момент остальные мои спутники, глядя на всю эту жуть. Возможно, будучи детьми своего времени, они были куда более приспособлены к подобным зрелищам. Я буквально заклинал себя: “Только не смотреть на мертвых, только не смотреть. Я убиваю лишь нечестивца. Все, что я вижу, это только обман!” Как там держится Всегдр, ведь он еще совсем юн, хватит ли ему сил выстоять в этой мясорубке наравне со взрослыми и сильными? Я скопил глаза в его сторону. Всегдр храбро отбивался своим мечом, наполовину прикрытый опекающим его Вакулой. Это меня сразу несколько успокоило. Вакула мальчишку в обиду не даст!

Вот оборотни снова и снова бросаются на нас, скаля клыки и испепеляя своими желтыми ненавидящими глазами. Раз... Отбой щитом... Два... Удар мечом... Щитом... мечом... Щитом... мечом... Может, этот только что пораженный мной оборотень – Рогдай? А может, этот, следующий? Как долго тянется время. Как быстро слабеют руки. Когда же наконец наступит рассвет и наступит ли он вообще? Уберутся ли оборотни с восходом солнца, или в этих краях силы добра столь ничтожны, что не властны и днем? Отбой щитом... Удар мечом... Отбой... Удар... Отбой... Удар... Как же быстро слабеют руки. Хоть бы минуту передышки! Хоть бы возможность перебросить меч из правой руки в левую, ведь правая уже почти не поднимается. Удар... Отбой... Удар... Ну сколько же их там? Сколько?

...И, смеясь надо мной, презирая меня,
Люцифер распахнул мне ворота во тьму,
Люцифер подарил мне шестого коня —
И Отчаянье было названье ему...

Настал миг, когда я наконец пропустил атаку. Нет, я видел этого летящего на меня в бешеном исступлении оборотня, но рука уже почти не держала меч и я не успел как следует прикрыться от прыжка. Оборотень кинулся мне на грудь, раздирая огромными когтями кольчугу. Удар был так силен, что кольчуга в одно мгновение была буквально испорота. Вместе с ней когти разорвали и тельняшку, оставив на груди глубокие кровавые полосы. Последним усилием я все же сделал взмах мечом, и в тот же момент оборотень внезапно рухнул предо мной. Нет, я не успел ничего еще ему сделать. Он был по-прежнему цел и невредим. Он сам упал у моих ног, подставляя мне всего себя. Все произошло столь быстро, что раздумывать над происшедшим было просто некогда и я тут же рубанул по подставленной мне шее. Тем более что уже атаковал следующий. Но и он, так же внезапно подогнув лапы, упал у моих ног в ожидании моего удара.

Затем это невероятное действие повторилось еще и еще. Помню, что вначале я подумал, что оборотни, вероятно, так же смертельно устали, как и мы, а потому, выложившись до конца, они просто падают без сил. Но уже спустя мгновение я отверг эту нелепость. Оборотни были сильны и свежи, сил у них было хоть отбавляй. Уставать им было просто не от чего, ибо они не вели столь долгого боя, а просто ждали своей очереди принять участие в нем. Быстро оглядываюсь по сторонам. Мы по-прежнему стоим нерушимой стеной. Оборотни по-прежнему атакуют. Но ни перед кем они не ведут себя столь непонятно, как передо мной. Почему они теряют весь свой пыл и волю к жизни только передо мной?

Еще один человековолок рухнул у моих сапог. Я рублю ему голову, с нетерпением поджидая следующего самоубийцу. Но почему они так обреченно и безропотно принимают от меня смерть? Почему? И что же это все время так нестерпимо жжет мне грудь? Наверное, тот оборотень, что разорвал мне кольчугу, все же успел зацепить тело когтями. Я опустил подбородок. Мой крест пылал каким-то кроваво-красным пламенем. Языки этого пламени вырывались изпод кольчуги и рассыпались впереди меня жгучими снопами искр. Ничего себе!

Новый оборотень уже летит на меня, скрежеща зубами. Глаза его видят горящий знак на груди, тут же закатываются, лапы подгибаются, он в бессилии рушится мне под ноги. Машинально рублю голову и этому. Так, значит, все дело в моем натальном кресте! Именно он своим горением парализует атакующих меня тварей!

Я оглядываюсь. Наши, кажется, близки уже к полному поражению. Мечи почти не взлетают ввысь. Кто-то весь в крови лежит ничком за моей спиной. Еще какая-то четверть часа, и нас неминуемо раздавят. Времени для долгих раздумий нет. Брызгающий искрами крест на моей груди – это наш последний шанс. И я решаюсь. Резким движением я отбрасываю в сторону щит и раздираю на груди кольчугу. Я поднимаю над головой крест, и он начинает разбрасывать во все стороны искры с утроенной силой. Что есть мочи я кричу:

– Смотрите на меня! Смотрите все! Я ваша смерть!

Сейчас это произойдет или не произойдет! Может быть, я в желании спастись переоценил силу креста и на всех оборотней ее никак не хватит. Но иного выхода у меня все равно нет.

– Смотрите все! Я ваша смерть!

То, что произошло дальше, описать просто невозможно. Все неисчислимое воинство тварей, все многие тысячи еще только ждущих своей очереди принять участие в схватке оборотней в едином порыве послушно опускаются на землю и, вытянув вперед шеи, замирают в смиренном ожидании своей участи.

– Что это значит? – хрипит кто-то рядом.

В залитом кровью человеке с трудом узнаю Вышату.

– Не сейчас! – шепчу ему, с трудом разлепив спекшиеся губы. – Все потом! Сейчас рубите головы, быстрее рубите головы!

Кто знает, сколько времени будет длиться внезапная помощь моего нагрудного фамильного креста? Небосвод начинает понемногу алеть. Значит, мы прорубились целую ночь!

Шатаясь от усталости, воины расходятся по полю, рубя направо и налево ждущих своей очереди на смерть оборотней. Чтобы искры были видны всем нашим врагам, мне приходится почти непрерывно поворачиваться по кругу. Едва я забывал вовремя обратиться в какую-то сторону, как там справившиеся с оцепенением твари начинали вновь быстро обретать сознание. Ну нет, пока мне помогает мой неожиданный союзник, мой таинственный знак, до тех пор я не дам вам ни единого шанса на победу!

Тем временем, войдя во вкус бойни, вся моя маленькая дружина, рассеявшись по одному, с ожесточением творит свою беспощадную расправу. Даже Всегдр не отстает от других. И откуда только силы берутся! Однако меня все же не покидало смутное беспокойство. Перестань сейчас мне помогать нательный крест, то сразу же все мы, разбредшиеся поодиночке, будем мгновенно уничтожены. Но изменить ход событий я уже не мог. Будь что будет! По крайней мере сейчас берет наша!

Внезапно один из оборотней вскочил на ноги и стремглав бросился в ближайшую чащу. – Это Рогдай! Хватай его! Держи! – раздалось сразу же несколько голосов.

Уничтожавшие оборотней воины застыли как вкопанные, глядя на убегающего полу-волка-получеловека. Кто-то даже бросился ему вслед, но было уже поздно: изменник скрылся в густом лесу.

– Назад! Назад! – крикнул кто-то пытавшемуся преследовать Рогдая воину. – Сейчас не время! Рубите головы оборотням! А с Рогдаем мы еще встретимся!

И бойня продолжалась. Мне же по-прежнему оставалось лишь поворачиваться во все стороны и молиться, чтобы крест помогал мне и дальше. И тогда я вновь услышал крик Ворона. Мне показалось, что на этот раз он был особенно злобен. Тень птицы стремительно мелькнула над дорогой. Я не успел и оглянуться, как просвистела стрела и вниз посыпались иссиня-черные перья. Попали! Но Ворон не упал, а, наоборот, ожесточенно взмахнув крылами, скрылся за ближайшими деревьями. И все же меня охватило чувство радости: пусть он еще не повержен, зато уже хорошо проучен!

Но появление черной птицы не прошло даром. На моих глазах все воинство оборотней тотчас стало приобретать вид людей. Нет, они были по-прежнему парализованы (силы Ворона явно не хватило, чтобы перебороть силу моего знака!), однако птица решила нанести нам свой последний удар, на этот раз удар по нашей психике.

... Взошедшее солнце осветило жуткую картину. Перед нами на коленях стояли многие тысячи людей всех возрастов. Особенно много почему-то было детей. Все они плакали, рыдали и всхлипывали. Стоном убиваемых, казалось, был пронизан весь лес. Наверное, никто и никогда не был свидетелем и участником столь массовой и беспощадной казни.

Что ж, Ворон нанес нам в этой битве сильный удар. Вот сейчас воины побросают мечи и забьются в истерику от увиденного. Но ничего этого не произошло. Все так же рыдали убиваемые, все так же сверкали мечи и падали на землю срубленные ими головы: мужские, женские и детские.

Я закрыл глаза, стараясь думать о чем-то другом, но ничего не помогало, плач и стенания вызывали почти физическую боль. Не знаю, сколько минуло времени, но, когда я открыл наконец глаза, Вышата с остальными в большом отдалении рубили последних. Место нашей брани представляло собой картину самого жутчайшего побоища. Груды и груды обезглавленных тел, груды и трупы срубленных голов. И дети! Этот кошмар, наверно, будет преследовать меня до скончания дней! Проклятый Ворон, ты знал, какой удар мне нанести!

Однако я не мог не поразиться выдержке Вышаты и остальных. Ладно, воинов Небесного Холма, да и воинов речной стражи готовили к подобному всю их жизнь, но Всегдр, сам почти ребенок! Нет, я явно не из их времени, я из совершенно иного мира. В тот момент я почему-

то почувствовал себя в сравнении со своими спутниками полным ничтожеством, не умеющим столь невозмутимо и хладнокровно творить суд над врагами.

...Когда все было кончено, мы собрались вместе. Наверное, вид окровавленных и вконец уставших людей был совершенно жуток, но нам было не до этого. Мы молча смотрели друг на друга и не узнавали. На лицах, покрытых коркой запекшейся крови, остались лишь глаза. Не хотелось даже говорить, на это уже и не было никаких сил. С Вышатой мы подошли к лежавшему ничком воину. Это был речной стражник по имени Темнич.оборотень разорвал ему кольчугу и вырвал зубами большую часть живота. Затем снесли в одно место и других погибших. Всего их оказалось пятеро. Из воинов Небесного Холма погиб Зверич, остальные были речными стражниками. Затем мы наскоро обложили наших погибших хворостом и подожгли. Что бы ни случилось, священный обычай расставания с павшими должен быть неукоснительно соблюден. После этого мы обмылись в близлежащем ручье. День был в самом разгаре, но солнце светило в этих краях как-то по-особому: тускло и безрадостно.

– Надо уходить отсюда побыстрее! – резонно заметил воевода. – Кто знает, что еще может вскоре здесь произойти.

Закинув за спину исцарапанные когтями оборотней щиты и бросив мечи в ножны, мы молча побрели вперед, стараясь не оглядываться на сотворенное нами.

Остаток дня прошел относительно спокойно. Никто нас не тревожил. Но далеко отойти от места побоища нам все же не удалось. Сказалась страшная усталость: едва начало смеркаться, мы, не сговариваясь, остановились на ночлег. Кое-как я заштопал разорванную тельняшку. Вакула помог скрутить порванные кольца на кольчуге.

В ту ночь я спал как убитый. Не было ни снов, ни тревог. Это был скорее даже не сон, а какое-то глубокое забытие, когда разум и тело одновременно проваливаются в некую черную дыру. Сколько мы проспали, не знаю. Когда я открыл глаза, солнце было уже в зените. Сев, я огляделся. Наши понемногу очухивались и с явной неохотой, позевывая и потягиваясь, переходили в состояние сознания и бодрости. Рядом со мной, положив под голову кулак, сладко причмокивал во сне Всегдр.

Внезапно я вспомнил Ворона, и меня приятно согрела мысль, что сейчас ему, вероятно, не до нас. Еще бы, вчера мы не только почтили его своей стрелой, но и положили всех его оборотней. Уж не знаю, как обстояло дело на самом деле, но думаю, что этим мы нанесли немалый удар по всему царству нечисти. Если верить нашему давешнему знакомцу Лешему, что и до вчерашнего дня нелюди без особого энтузиазма принимали с нами бой, то теперь, думаю, этого желания у них еще более поубавится.

И хотя, несмотря на достаточно долгий сон, усталость после вчерашнего еще полностью не прошла, мы были снова готовы идти навстречу нашей судьбе. Мы обязаны победить или погибнуть. Это понимали мы, это, несомненно, понимал и наш враг.

Глава восьмая

Рыцари пустоты

Последующие несколько дней обошлись без схваток и сражений. И если в первое затишье я весьма переживал обрушившееся на нас спокойствие, не без основания предполагая за ним последующие козни Коуша, то теперь затянувшейся передышке я был более чем рад. По моему разумению, она говорила о том, что наш враг уже достаточно деморализован и предпринимает некие лихорадочные попытки, чтобы хоть как-то остановить наше движение. То, что Коуш не на шутку напуган, я считал хорошим знаком, ведь недаром говорится: испуган – наполовину побежден. Много думал я и о Вороне. Кто же он такой? Скорее всего, он какое-то особо доверенное лицо Коуша. Однако потом меня внезапно осенило, а что, если Ворон и Коуш – одно и то же лицо, ведь не зря он имел такую власть над обреченными оборотнями. Если это так, то Рогдай был, судя по всему, давним агентом Коуша в наших рядах. Тогда понятным становится его озабоченность после нашей схватки с русалками. Как знать, может, одна из них была его возлюбленной, а мы на его глазах лишили ее жизни. Возможно, что именно это и подвигло Рогдая на необдуманное решение расправиться со мной прямо во время схватки с ящерами. Помешал же Рогдаю Вакула, оказавшийся рядом. Поняв, что он почти раскрыт, Рогдай поспешил тут же спастись бегством, чтобы затем возглавить против нас орды оборотней. Теперь он наверняка в ставке Коуша, где самым подробным образом доложил все, что знал о нас, и они теперь вынашивают новые планы нашего уничтожения.

От этих мыслей у меня даже мурашки побежали по спине. Своими соображениями мне захотелось поделиться с Вышатой. Однако, глядя на его молчаливое и сосредоточенное лицо, я понял, что делать это пока рано. Да и не все ли нам равно. К тому же какая нам разница, кто такой Ворон, кто такой Коуш и кем был среди нас Рогдай? Мы идем вперед, и это пока самое главное! Мы победители, а Коуш-Ворон и его подручный Рогдай пусть попытаются придумать еще что-нибудь, чтобы нас остановить.

Лес меж тем постепенно менялся, переходя из лиственного в хвойный. Погода тоже становилась все более и более прохладной, и, хотя до настоящих холодов было еще далеко, чувствовалось, что зимой здесь жить не просто. Вечерами мы все больше и больше жались к костру, а Вакула как-то даже мрачно пошутил, что надо было бы содрать с оборотней шкуры, тогда бы уж точно никто не мерз. Шутка, однако, повисла в воздухе. Ее никто не поддержал, ибо вспоминать лишний раз о кровавом истреблении людей-волков никому не хотелось.

В одну из ночей произошла встреча, которую мы уж никак не ждали.

В этот раз на нас напали в самое, казалось бы, неудобное для нечисти время – ранним утром, когда последний сон наиболее сладок и крепок. Помню, с каким трудом я разлепил глаза, услышав крики тревоги.

Нападавших насчитывалось около двух десятков. Это были самые настоящие рыцари, такие, каких я когда-то и где-то видел на картинках. Полностью закованные в отливающую черным металлом броню с опущенными забралами, они величаво восседали на своих тяжелых и таких же, как и всадники, неуязвимых лошадях. Всадники приближались шагом. Затем один из них протрубил в рог, и они прибавили ходу. Длинные копыта, увенчанные черными флюгерами, одновременно наклонились вперед. В неторопливом беге коней, в том, как мерно и уверенно качались в своих высоких седлах седоки, чувствовалась мощь и уверенность в своих силах.

– Ишь ты! – воскликнул кто-то из наших. – Наверно, это священный отряд Коуша! Вот теперь-то и сразимся на славу!

Сразиться-то сразимся, но вот условия предстоящего боя были уж слишком неравными! Рыцари-нелюди были верхом, а мы пешими, их было раза в три больше нас, кроме того, не мы, а они избрали место и время атаки, имея на это какие-то свои резоны.

Уже гораздо позднее, вспоминая тот тяжелый бой, я понял, что и время, и место атаки нашими врагами были выбраны идеально. В предрассветном тумане черным рыцарям удалось незаметно подобраться к нам достаточно близко. Не хуже было выбрано и место предстоящего боя. Опытный Вышата никогда не определял ночевок ни в самом лесу, ни далеко от него. Это позволяло нам выбирать тактику борьбы в зависимости от особенностей противника. Однако именно в этот раз мы почему-то нарушили свое же правило и заночевали довольно далеко от опушки леса на поляне. Эта ошибка была немедленно замечена и тут же использована, что говорило о том, что за нами неустанно наблюдали и выжидали выгодного момента для атаки.

Первым, как обычно, сообразил, что к чему, Вышата.

– Все в лес! – скомандовал он. – Бегом! Иначе сомнут!

Бросив все, кроме оружия, мы помчались что было сил к видневшемуся поодаль лесу. Наверное, так быстро я никогда ранее не бегал в своей жизни. Да иначе и быть не могло, ведь настигни нас черные рыцари в чистом поле, исход боя мог быть для нас самый плачевный. Яростного удара тяжелой кавалерии мы бы явно не выдержали. Здесь бы не спасло уже никакое мастерство и никакая удача.

Я мчался, перепрыгивая через пни и коряги, более всего боясь в этот момент споткнуться и упасть. А за спиной все ближе и ближе слышался тяжелый и мерный топот настигавших нас преследователей. Боковым зрением увидел, как кто-то, бежавший слева от меня, споткнулся о какую-то кочку и упал. Несколько мгновений спустя сзади раздался короткий предсмертный вскрик. Затем в отдалении коротко вскрикнул еще кто-то из наших, видимо, и его настигла смерть. Но вот наконец и долгожданные деревья. Как любил я в эти минуты этот враждебный нам лес царства нелюдей!

– В чащу! В чащу! – тяжело дыша, кричал Вышата.

За спиной трещали стволы и ветки – это черные рыцари уже всю лопомылись за нами, не прекращая преследования. Однако все же темп их скачки сразу же резко упал, и мы смогли оторваться от погони на несколько десятков метров. Вскоре перед нами возник самый настоящий бурелом, через который и пешему пролезть было не так-то просто.

– Здесь и примем бой! – объявил Вышата.

Я снял шлем, из-под него ручьями тек пот, грудь тяжело вздымалась, а в горле что-то скрипело и скрежетало. Огляделись. Теперь нас было всего пятеро. Забравшись на завалы поверженных деревьев, мы приготовили к бою луки. Бежать дальше не было ни сил, ни особого смысла. За буреломом лес снова сильно редел, там спасения искать нам было уже негде. Нам предстояло принять бой именно в этой случайно попавшейся на глаза засеке. Что ж, для начала это не так уж и плохо. Прежде всего попробуем дать бой на дальней дистанции, и хотя вероятность удачи в стрельбе по закованным в броню всадникам явно не велика, но шанс, пусть даже самый малый, надо использовать непременно.

– Целить в щели для глаз! – велел наш никогда не терявший присутствия духа воевода. – Это их единственное уязвимое место! Повышибаем глаза, возьмем голыми руками!

Увы, в этой проклятой всеми земле все было не так, как везде! Едва рыцари подсккали на убойное расстояние, мы немедленно выпустили в них не менее нескольких десятков стрел. Воины Небесного Холма били отменно, и промахов почти не было. Все стрелы попали именно в смотровые щели. Но, к моему ужасу, после этого ничего не произошло. Я не верил самому себе! Скакавший впереди других рыцарь, тот самый, что трубил в боевой рог, один получил в свои глаза не менее полудюжины стрел. Они торчали у него из забрала, как колючки ежа, но это, казалось, нисколько всадника не беспокоило. Совершенно не обращая на них внимания, он,

доехав до завала, повернул в сторону и стал медленно его объезжать, явно выискивая наиболее уязвимые места в нашей импровизированной крепости.

Где же глаза у этих мерзавцев? А может, они им не нужны вовсе? Впрочем, в здешних местах удивляться не стоило ничему, и все же мне безумно хотелось заглянуть под забрало, чтобы увидеть, какая неведомая безобразная рожа прячется под шлемом! Я никак не мог взять в толк, для чего надо прятать лица под шлемом, когда стрелы не приносят им никакого вреда?

Последние из подъехавших к завалу всадников держали на остриях своих пик наших павших товарищей. По тому, как, легко и не напрягаясь, рыцари держали пики с безжизненно висевшими на них телами, можно было догадаться об их силе. Внезапно возникший перед рыцарями бурелом, судя по всему, их озадачил, однако в их движениях я не уловил ни спешки, ни суетливости, ни вообще каких-либо эмоций! Наши неведомые враги все делали размеренно и спокойно, даже с некоторым презрением к нам, спрятавшимся среди поваленных стволов. Да и как, впрочем, могли они еще относиться к противнику, который, едва завидя опасность, стремглав бежит в самую глухую чащу, чтобы спрятаться там от наступившей беды.

Взмахнув копьями, всадники с силой бросили погибших в нашу сторону. Пролетев с десяток метров, безжизненные тела упали среди полусгнивших коряг. Их было шестеро: трое воинов Небесного Холма: Мезислав, Борулав и Зверич, да трое речных стражников: Тудор, Любич и Горислав. Потери страшные! Мы почти разбиты, бежали с поля боя, а противник по-прежнему атакует и по-прежнему неуязвим! Даст небо, мы еще сможем их достойно погрести! Только каким образом? Неутомимый Вышата сделал еще несколько выстрелов из лука, на этот раз стремясь поразить в смотровые щели глаза бронированных лошадей. Но эффект оказался тот же. Оперения стрел буквально провалились в узкие глазницы, нони одна из пораженных лошадей даже не вздрогнула.

– Заколдованные какие-то! – сплюнул Вышата. – Даже ума не приложу, с какой стороны теперь к ним подступиться?!

– Дай-ка попробую, может, у меня что-нибудь получится! – кивнул я Вышате.

Отложив меч и щит, я снял и положил рядом с собой кольчугу. Затем, взобравшись на один из поваленных стволов, представил взору врага свой нательный крест. А вдруг поможет! Но это не произвело на рыцарей никакого впечатления. Рыцари вовсе не попадали из своих седел, увидев меня, а, напротив, начали неторопливо разъезжаться, стремясь окружить наш бурелом со всех сторон и равномерно распределиться по периметру. Пристыженный, я молча слез с дерева, облачился в кольчугу, взял меч и щит. Мои сотоварищи смотрели на меня с явным огорчением. Я был огорчен не менее их.

Спустя некоторое время рыцари заняли выбранные ими места и, неторопливо подъехав к сваленным деревьям, начали как бы нехотя поддевать их своими длинными копьями и отшвыривать в стороны, расчищая себе дорогу. При этом все проделывалось в полнейшем молчании. Удивительно, но за все время нашего взаимного “общения” ни сами всадники, ни их лошади не издали ни единого звука, если не считать призывного рогового сигнала к атаке, и тот скорее предназначался для нас. Что-то в поведении закованных в броню воинов было очень и очень неестественное, но что, я никак не мог понять.

– Если эти ребята разгребут все дрова, то нам конец! – достаточно равнодушно констатировал воевода, по достоинству оценивая трудолюбие противника.

– Попробую-ка я! – раздался под самым моим ухом бас Вакулы.

– Чем ты их хочешь? – спросил я его, обернувшись.

– А хотя бы вот этим поленом! – подмигнул он мне и продемонстрировал свою увесистую палицу, заимствованную им еще у побитых свинообразных.

– Давай, может, хоть у тебя что-нибудь получится! – кивнул я ему. – Попытка не пытка!

Вышата тоже кивнул в знак согласия, но молча и как-то вяло, явно не веря особо в успех своего подчиненного. Впрочем, тоскливо было не ему одному. И вид мертвых товарищей, столь

демонстративно брошенных нам с вражеских копий, и собственная беспомощность, и подозрительная молчаливость вражеского воинства – все это оптимизма не прибавляло. Уже в какой раз нам необходимо было в самый кратчайший срок решить задачу невероятной сложности, от которой зависели не только наши жизни, но и успех всего нашего предприятия: нащупать самое слабое место у очередного противника, уничтожив его раньше, нежели он уничтожит нас! Несколько раз нам уже удалось сделать это, но удастся ли на этот раз, ведь время течет неумолимо, а рыцари как заведенные отшвыривают и отшвыривают в стороны бревна, подходя к нам все ближе и ближе! И все же почему они прячут свои лица под шлемами, ведь стрелы не приносят им никакого вреда? Чего же им тогда бояться? Может, в этом и есть их тайна? Эх, поднять бы забрало, тогда бы многое сразу стало ясно!

Вакула, прячась за поваленными стволами покрытых мохом деревьев, подбирался к одному из рыцарей. Мы, затаив дыхание, следили за ним, стараясь делать это незаметно, чтобы не привлечь внимания врага. Но бронированные всадники, казалось не обращая ни на что внимания, методично продолжали разбор завала. Кони их при этом вообще не шевелились, а стояли недвижимо, как истуканы.

“Если мы все же как-то одолеем этих треклятых рыцарей, – подумалось почему-то мне тогда, – то их лошадей брать себе не станем, уж больно они зловещие”.

А Вакула уже подкрался совсем близко. Теперь от всадника его отделял только вывороченный огромный пенёк с раскидистыми корнями. Вот рыцарь поддел концом своего копья очередное бревно и, словно шутя, отшвырнул его далеко в сторону. Конь его сделал ни больше и ни меньше, а ровно один шаг вперед и опять встал недвижим, а всадник выверенным движением засунул копьё под очередной загораживавший ему дорогу ствол. Теперь рыцарь был в идеальной позиции для атаки на него: всего в полутора метрах впереди Вакулы да еще занятый поднятием здорового бревна. Неужели Вакула пропустит этот момент? Но воины Небесного Холма свое дело знали! Не успел я и моргнуть, как наш силач, рванувшись вперед, был уже рядом с врагом. Тотчас последовал замах палицы и на голову всадника обрушился мощнейший удар. Сила его была такова, что шлем седока прогнулся внутрь. Рыцарь качнулся в седле, но удержался. Он как будто пытался сообразить, что произошло. Конь начал медленно разворачиваться в сторону Вакулы. Нетерпя времени, тот нанес свой второй удар, который был еще сильнее первого, ибо на сей раз Вакула бил не на бегу, а стоя во весь рост и с большим замахом. Удар! И сплюснутый в лепешку шлем летит прочь. Но рыцарь как ни в чем не бывало твердо сидит в седле. Его конь, как и прежде, продолжает неторопливо поворачиваться. Я смотрю, и мне кажется, что я теряю чувство реальности – у всадника нет головы...

Теперь и соседние рыцари начинают разворачивать своих коней в сторону атакованного сотоварища. А Вакула все крушит и крушит всадника своей тяжелой дубиной. Под градом ударов тот рассыпается буквально на наших глазах. Перед нами поистине невероятное зрелище – нигде нет ни единой капли крови, нигде не видно хотя бы куска поверженного тела. Везде одни лишь доспехи, а под ними одна лишь... пустота! Расправившись в несколько ударов со всадником, Вакула начинает с тем же неистовством крушить и его коня. Повторяется та же картина: рушатся искореженные доспехи, под которыми совершенно ничего нет!

Рыцари с копьями наперевес уже скачут к месту только что произошедшей расправы. Но поздно! Вакула уже перемахнул через завал и находится среди нас, тяжело переводя дух.

– Ну как? – спрашивает он, и в его голосе сквозит нескрываемая гордость за результат своей дерзкой и успешной вылазки.

– Молодцом! – кричим мы ему.

– Но где же всадник и лошадь? – вопрошает чуть погодя Вседр. – Я так и не увидел ни того ни другого!

– Их там и не было! – вытирает пот Вакула. – Там под доспехами одна пустота!

– Ну и дела! – чешет затылок Вышата. – Такого и в сказках не услышишь, а кому сам расскажешь, ни в жизнь не поверят!

– Действительность лучше всякой сказки! – говорю я воеводе. – А пред нами рыцари Пустоты!

– Это кто еще такие? – разом спрашивают меня мои спутники.

– А шут их знает! – пожимаю я плечами. – Пока мне известно лишь это!

– Ну а что будем делать дальше? – спрашивает меня любознательный Всегдр.

– Будем воевать с Пустотой! – отвечал я ему как можно бодрее.

– Это как? – не понял Всегдр.

– А как Вакула! Будем лупить по одному!

Не теряя времени, мы разделились на две группы. Всегдра, несмотря на все его просьбы, мы оставили в завале наблюдать за рыцарями и подавать нам знаки о всех их перемещениях.

Рыцари после “гибели” своего соратника некоторое время стояли неподвижно, а затем разъехались, разделившись на этот раз на пары. Теперь один из каждой пары охранял другого, который продолжал разбирать завалы. Эти пустотелые ребята на деле оказывались весьма сообразительными. Пробираться к двоим, естественно, было намного труднее, но и мы тоже были не лыком шиты! А потому своими жертвами избрали не работающих, а их напарников-охранников.

В нашем маленьком диверсионном отряде я исполнял роль “живца”, имитируя желание напасть на работающего всадника. Риск, разумеется, был велик, но иного выхода мы не нашли. Работа рыцарей шла весьма продуктивно, совсем скоро наша крепость должна была прекратить существование, так что нам приходилось поторапливаться в своих контрмерах. Пока я отвлекал работающего, а заодно и охраняющего, Вакула под поваленными деревьями подобрался к зазевавшемуся охраннику и, уже имея опыт подобного убиения, несколькими стремительными ударами разнес его в груды металлолома. Покончив с охранником, мы уже сообща принялись за так ничего и не успевшего толком понять работягу. Этого Вакула тоже изничтожил парой сокрушительных ударов. Как оказалось, бронированные всадники не слишком хорошо ориентировались среди поваленных деревьев и вывернутых корней. Теряя нас из вида, они начинали методично искать, но делали это столь медленно, что мы к этому времени успевали поменять свою позицию. В лесной чаще они, похоже, испытывали дискомфорт. За какие-то полтора часа избранная нами тактика принесла весьма ощутимые результаты. Мы с Вакулой завалили таким образом две пары “пустышек”, а затем и еще одну. Вышата с Храбром также не отсиживались за деревьями и разбили еще двоих. Теперь мы могли похвалить себя, ведь неприятельские силы уменьшились ровно вполовину! Это, конечно, была еще не победа, но уже успех. Ведь мы теперь не оборонялись, а сами нападали, а это вселяло веру, что теперь-то уж мы сумеем справиться и с этой напастью.

Я поднял голову и оглядел кроны деревьев. Где же ты, наш старый знакомец? Что-то давненько мы не слышали твоего радостного карканья? Но Ворона не было, верхушки деревьев лишь уныло шелестели листвой.

Видя, что вокруг творится что-то неладное, оставшиеся в строю рыцари съехались в одно место и на несколько минут застыли недвижимо.

– Совещаются! – подмигнул мне Вакула.

– Интересно, каким образом? – пожал плечами в ответ я.

Непонятно как, но пустотелые, видимо, и в самом деле совещались. Пока враг пребывал в сомнениях, мы отошли на свои старые позиции, успев при этом забрать с собой тела двух наших павших товарищей и отнести их в завал к Всегдру.

– Смотрите! – крикнул нам Всегдр, показывая рукой на неподвижных по-прежнему всадников.

Зрелище и вправду того стоило! Вдруг сами собой поднялись все рыцарские забрала и оттуда вырвались языки зловещего синего пламени. Вот оно тонкими змейками побежало по копьям и вспыхнуло на их остриях, разбрасывая во все стороны яркие искры. Всадники молчаливо разъехали, взяли копыта наперевес, снова окружая нас. Теперь они вовсе не хотели до нас добираться сквозь разбираемые завалы. Теперь они хотели эти завалы сжечь, а заодно и нас вместе с ними.

– Жарить будут! – с неуместным детским восторгом прокомментировал происходящее Всегдр.

Ему никто не ответил. Я повернулся к Вышате:

– Чего боялись, на то и нарвались! Лучше уж нападать самим, чем так пропадать!

Вышата, думая о чем-то своем, рассеянно кивнул:

– Пусть подпаливают! – И добавил: – Лучше всего попробовать прорваться за дымом, ведь ничего иного нам и не остается!

Естественно, я согласился с его планом. А рыцари Пустоты уже всю подпаливали наше убежище со всех концов. Огонь принялся сразу, спустя несколько минут все вокруг нас уже пылало и трещало. Мы задохнулись в дыму.

– Вперед! За мной! – скомандовал Вышата.

Мы бросились за ним в небольшой коридор, где огонь еще только начинал лизать замшелые полусгнившие стволы. Сбивая с одежды пламя, черные и обгорелые, мы бросились в атаку на увлеченных своим гнусным делом поджигателей. В дыму и отблесках огня им трудно ориентироваться, и уж тут мы отвели свои душеньки! На моем личном счете вскоре было два храбрых кавалериста Коуша. Не хуже меня сработали и остальные. Снося своей жертве мечом шлем, я все же надеялся увидеть хоть что-то. Но под доспехами так ничего и не было, кроме зловещей черной пустоты. Наконец настал миг, когда против нас остался всего один рыцарь Пустоты. Поняв, что он проиграл, рыцарь с достоинством отъехал от полыхавшего пожаром завала. Утихло пламя и под его забралом. Мы ждали, что наш последний противник предпримет дальше. Но он ровным счетом ничего не предпринимал, а стоял недвижим. Осмелев, мы стали подбираться к нему. Не видеть нас последний просто не мог, но упорно оставался на своем месте. Когда же Вакула ткнул его не слишком сильно своей знаменитой палицей, последний наш враг тотчас рассыпался на мелкие железки. Грозного воинства рыцарей Пустоты отныне не существовало.

Вернувшись на место ночевки, мы собрали свой нехитрый походный скарб и, не теряя времени, двинулись дальше на север. Несмотря на одержанную победу, настроение у всех было самое подавленное: слишком много ребят мы потеряли. Уходя, Вышата оглянулся на высоко полыхавший пожар завала и, поклонившись ему, сказал:

– Хороший костер ребятам получился! Да возрадуются ему их души, и да примет их к себе небо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.